

Иржи Марек★

Собачья звезда Сириус

Иржи Марек

Собачья
звезда
Сириус

Jiří Marek

Psi

 hvězda

Sirius

aneb

láskyplné
vyprávění
o psech

Praha

“Československý spisovatel”

1986

Иржи Марек

 Собачья
звезда
Сириус,
или

Похвальное
слово
собаке

Перевод с чешского В. Петровой

Москва
"Радуга"
1988

ББК 84.4Че
М25

Предисловие О. МАЛЕВИЧА
Научный консультант Г. МЕЛЬНИКОВ
Редактор Л. НОВОГРУДСКАЯ

Марек И.

М25 Собачья звезда Сириус, или Похвальное слово собаке: Сказки, рассказы, побасенки. /Пер. с чешск. В. Петровой; Предисл. О. Малевича. — М.: Радуга, 1988. — 280 с.

Это книга серьезных и смешных, грустных и забавных, веселых и трагических историй о собаках. Используя научную, художественную литературу и фольклор разных народов, автор рассказывает о взаимоотношениях человека и собаки с древнейших времен и до наших дней. Каждая история — это и повесть о человеке, о его щедрости и великодушии, об эгоизме и тщеславии, о его слабости и силе.

Книга учит доброте, гуманности, честности, преданности, воспитывает резкое неприятие собственной психологии, обывательщины.

М $\frac{4703000000-150}{030(01) - 88}$ 25-88

ББК 84 4Че
И (Чехосл)

© Jiří Marek, 1982
© Предисловие и перевод на русский язык издательство "Радуга", 1988

ISBN 5-05-002223-1

О КНИГЕ ИРЖИ МАРЕКА "СОБАЧЬЯ ЗВЕЗДА СИРИУС"

Имя известного чешского прозаика, лауреата Государственной премии Иржи Марека (род. в 1914 г.) знакомо советскому читателю. Писатель не раз выступал на страницах нашей прессы. На русский язык переведены его книги 50 — 60-х годов: "Бойцы идут ночами", "Деревня под землей", "Над нами рассвет", "Молодые борцы", "Страна под экватором", "Маленькие драмы"; вышел сборник его избранных сатирических и юмористических рассказов "Интересный малый".

В Чехословакии едва ли не самыми популярными книгами Марека стали сборники "Паноптикум старых криминальных историй" (1968), "Паноптикум грешников" (1971), "Паноптикум Города Пражского" (1979). Хотя многие из детективных рассказов этих сборников основаны на старых "отчетах из зала суда" и архивных документах, писатель выразил здесь свое отношение к жизни. Материал позволил ему "спустить с узды фантазию", а временная дистанция открыла возможность соединения трагики с юмором и неким объективным лиризмом. Присутствует он и в другом, не менее популярном произведении Марека, романе "Мой дядюшка Одиссей" (1974), где автор как бы оживляет семейные фотографии. В четырех песнях этого пародийного, ироикомиического эпоса писатель рассказывает о похождениях бывшего председателя объединения похоронных бюро Йозефа Фрайвальда, который де-

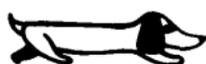
лится богатым жизненным опытом со своим внучатым племянником. Мудрый и иронический взгляд автора, не совпадающий с жизненными концепциями героев, придает емкой и многогранной сатире писателя как бы четвертое измерение.

Последние годы Иржи Марек работал над обширным романом-эпопеей, охватывающим историю Чехии с конца XIX века по май 1945 года. Первые два его тома, под названием "Соль земли", вышли в 1981 году, последний — "Время любви и ненависти" — в 1986-м. В эти же годы была написана книга "Собачья звезда Сириус, или Похвальное слово собаке" (1982).

I

Немного теории, или Повествование о повествовании

Когда я начал писать предисловие к этой книге, я невольно задумался над головоломками, ожидающими переводчика уже в самом названии — собственно, во второй его части. "Собачья звезда Сириус, или..." Уже это "или" не совсем "или", а его архаичный синоним, отсутствующий в русском языке. Но пойдём дальше: "или Исполненные любви..." Не очень-то это складно по-русски. Черт возьми, как же перевести слово "выправенки"? "Повествованьница", "повестушки", "байки", "побасенки", "рассказики", "росказни"? Вроде бы ни одно из этих слов не подходит, поскольку "выправенки" — это не какой-то определенный литературный или фольклорный жанр, а вообще короткие устные пове-

ствования, которые могут быть и былью, и притчей, и сказкой. Слово это устарело, вышло из употребления, и в устах воскресившего его Иржи Марека оно выглядит как авторский неологизм. Стилизация устного повествования была характерна уже для многих послевоенных рассказов писателя, но в "Собачьей звезде Сириус" и в "Тристане, или О любви" (1985) это особый авторский сказ. Здесь зримо присутствует автор, рассказчик, хотя повествование очень редко ведется от первого лица. В той же манере написано и эссе о литературном труде "Повествование о писании" (1985).

Над особой стилистикой устной речи одним из первых в Чехии задумался Карел Чапек. Свои "карманные" рассказы он называл "рассказами вслух". И я хотел было привести очень важную цитату из его статьи "К теории сказки", но в одном интервью Иржи Марека натолкнулся на место, где он сам ее пересказывает: "В литературном творчестве меня, очевидно, всегда притягивала возможность, о которой говорит Карел Чапек, рассказывая о том, как прачеловек выдумал первую ложь. Произнеся слово "дерево", он добавил, что речь идет о дереве, доставшем верхушкой до самого неба. Я ведь всегда любил рассказывать и словом устного рассказа предлагать слушателям нечто новое, неизвестное или представлять известное в таких связях, какие им и в голову не приходили. К писательству я приобщился через устное повествование"*.

*R. Tognierová. Radost z výpravění J. Marka. – O knihách a autorech. Jarom, 1984, s. 7.

Очевидцы свидетельствуют, что Иржи Марек — прежде всего замечательный, увлеченный и умеющий увлечь слушателей устный рассказчик. В этой "коллоквиальной", разговорной манере повествования Иржи Марек выступает прямым последователем Карела Чапека.

II

Иржи Марек и Карел Чапек

Уже в связи с опубликованием книг Марека о поездках в Индонезию и Китай критика отметила близость его стилистической манеры блестящему и легкому слогу путевых очерков Карела Чапека. Когда вышла книга Марека "Сказки вверх ногами" (1958), критика опять-таки не могла не заметить, что у истоков такой осовремененной юмористической сказки, иногда лукаво переосмысляющей, а иногда сознательно переворачивающей вверх ногами фольклорную традицию, лежат сказки К. Чапека. Чапековские микрорассказы, несомненно, являются жанровыми предшественниками "Маленьких драм" И. Марека, а когда он в "Паноптикуме старых криминальных историй" (1968) обратился к детективной тематике, то уже в издательской аннотации было сказано, что его книга «как бы продолжает чапековские "Рассказы из одного и другого карманов"». Перед нами вполне осознанное стремление продолжить определенную литературную традицию. Между творчеством Карела Чапека и Иржи Марека множество точек соприкосновения и совпадения. Оба писателя

прошли школу журналистики. Оба ориентируются на массового читателя и как бы ведут с ним живую, непринужденную беседу. Оба учитывают его интересы, склонности и жанровые пристрастия. Оба поэтизируют обыденность и уделяют главное внимание простому, рядовому человеку. Оба используют стилистику устной речи и т. д. и т. п. Нетрудно увидеть и различия, прежде всего более четкую социальную оценку явлений у продолжателя традиции. Впрочем, надо сразу же оговориться: продолжателем традиции, у истоков которой в XIX веке стоят Йозеф Каэтан Тыл, Карел Гавличек-Боровский и Ян Неруда, был уже и Карел Чапек. Это во-первых. А во-вторых, чапековская струя в творчестве Иржи Марека — отнюдь не единственная. Среди его литературных учителей можно назвать и Ярослава Гашека, и Ивана Ольбрахта, и Яромира Йона, и Марию Майерову, и Владислава Ванчуру. А главное, он с каждым произведением вносит в эти традиции нечто свое, новое, неожиданное.

В заметке "Как я стал владельцем собаки, а вы — читателями этой книги", обращенной к будущим читателям "Собачьей звезды Сириус", Марек признается, что создать книгу о собаке трудно, поскольку все наиболее "существенное о ней уже сказал (весьма лаконично) Карел Чапек, а несущественное содержат десятки специальных книг, штудировать которые скучно"* . Итак, прежде чем говорить о книге Марека, необходимо сказать несколько слов о "собачьей" теме в

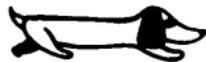
* Jiří Marek o své nové knížce "Psí hvězda Sírius". — O knížkách a autorech. Podzim, 1982, s. 15.

творчестве Карела Чапека, да и в чешской литературе вообще.

III Чешская проза под углом зрения кинологии

Как собака изображена в средневековой чешской литературе и что писал о собаках "великий мистификатор" Йозеф Линда (вместе с Вацлавом Ганкой он сочинил "древне-чешские" "Краледворскую" и "Зеленогорскую" рукописи, а это, между прочим, окончательно доказал с группой различных специалистов хозяин таксы Кулишека Мирослав Иванов), читатель узнает из самой книги Иржи Марека. Мы же обратимся к чешской литературе конца XIX — начала XX века.

Если в баснях и сказках, в животном эпосе, в сатире звери, птицы, насекомые выступали в качестве аллегорических олицетворений определенных человеческих качеств, если у романтиков они становятся носителями авторской иронии или некими символами, то писатели натуралистической школы ставят проблему реального сосуществования человека и животного. Более того, на смену "антропоморфизации" животного приходит "зоологизация" человека. Параллель человек и животное первым в чешской литературе последовательно провел Йозеф Карел Шлейгар в повести "Цыпленок-меланхолик" (1889). Чешские прозаики XX века (Иван Ольбрахт в рассказе "Живодер и собака", Ян Вайсс в "Собачем рассказе") стремятся показать, что на уровень животного челове-

ка низводят социальные причины. Иной, юмористический подход к "собачьей" теме характерен для Ярослава Гашека. Великий чешский сатирик соприкоснулся с проблемами кинологии, так сказать, на профессиональном уровне. Почти полтора года он выполняет обязанности сотрудника, а затем и редактора журнала "Мир животных", адресованного прежде всего собаководам. Издавал его владелец собачьего питомника, и Гашек не только часами наблюдал за собаками, кормил их, выводил на прогулку (с огромным пятнистым догом он явился однажды за авансом в издательство, и присутствие страшного животного заметно ускорило выплату), но впоследствии даже сам завел торговлю собаками под громким названием "Кинологический институт" (дата официального открытия "фирмы" — 24 ноября 1910 года). За проделки слуги Чижека, описанные в юмореске "Как я торговал собаками" и на страницах "Похождений бравого солдата Швейка", супруги Гашек через несколько месяцев предстали перед судом (официальной владелицей "фирмы" считалась Ярмила Гашекова). Дело было прекращено лишь в марте 1912 года.

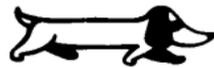
Такая солидная кинологическая подготовка позволила Гашеку проникнуть в "глубины" собачьей души и говорить не о собаках вообще, а о различных, сугубо индивидуальных собачьих характерах ("Об одной ужасной собаке", "Роман о ньюфаундленде Оглу", "О безобразнейшем псе Балабане"). Вместе с тем Гашек продолжал и "романтическую" традицию изображения людей с "собачьей" точки зрения или перенесения на со-

бак человеческих качеств ("На выставке собак", "Барон и его пес"). Значительно менее известна деятельность Гашека как популяризатора кинологических знаний. В журнале "Мир животных" он, например, поместил заметку "К истории собаки", в которой, как и Марек, ссылаясь на "Одиссею", "Ригведу" и "Авесту". Другим свидетельством научных "изысканий" Гашека была заметка "Исторические надписи на собачьих надгробиях".

IV

"Вторжение щенка в литературу"

Новую эпоху в развитии кинологической темы в чешской литературе ознаменовало творчество писателей так называемого чапковского поколения, и прежде всего самого Карела Чапека. Еще в написанном совместно со старшим братом Йозефом цикле афоризмов "Человек и животное" (1909) можно было прочесть и такое: "Мы видели собаку, гонявшуюся за собственным хвостом. В этот момент мы ощутили в ней нечто человеческое, ибо она проявляла способность к действию без представления о цели". В этом ироническом переосмыслении кантовского определения прекрасного человек и собака рассматриваются как родовые понятия, и из их сопоставления делается вывод о сущности каждого. Однако к систематическому исследованию взаимоотношений рода "homo sapiens" и рода "canis" Карел Чапек обратился лишь в 1926 году, когда он завел молодую сучку — эрдельтерьера Минду. Вскоре ее

сменила фокстерьерша Ирис, среди многочисленного мужского потомства которой в начале 30-х годов появился на свет щенок женского пола — Дашенька. Написанную для детей книгу о Дашеньке Карел Чапек снабдил собственными рисунками и фотографиями. Известный словацкий критик-коммунист Лацо Новомеский откликнулся на ее выход статьей, которая имела подзаголовок: "Вторжение Дашеньки в литературу". Новомеский упрекал Чапека в стремлении отгородиться от мира, занимаясь своим садиком и своим щенком. Подобный же упрек был высказан и в адрес Йозефа Чапека, автора детской книги "Рассказы о собачке и кошечке". Отвечая на такого рода упреки, Карел Чапек утверждал, что о цветах, собаках и кошках надо писать не только потому, что они существуют даже в годы всемирного экономического кризиса, но и потому, что необходимость этого подсказывает "живой, прямой, демократический интерес к действительности в целом". В книге "Дашенька, или История щенячьей жизни" биография щенка подробно фиксируется объективом фотоаппарата и внимательным взглядом автора. Систематическое, детальное наблюдение и почти научная, подробнейшая классификация его результатов — такова суть метода многочисленных очерков и юморесок Карела Чапека, составивших книгу "Были у меня собака и кошка" (1939). Мы становимся свидетелями самого высокого стилистического мастерства, настоящего "высшего пилотажа", акробатики, эквилибристики стиля, благодаря которым, казалось бы, ограниченная тема становится неисчерпаемой. Многообра-

зие смысловых аспектов и ракурсов; парадоксальность, необычность точки зрения, нередко меняющей местами привычные представления; неожиданные сопоставления; фантастические предположения, безошибочно вызывающие улыбку и на нее рассчитанные, — все это делает чапековские очерки увлекательнейшим чтением. Карела Чапека, как и Гашека, привлекли древние свидетельства, характеризующие историю собаки, но автор апокрифов, то есть "неканонических" вариантов религиозных, исторических и литературных сюжетов, предложил и собственную апокрифическую версию сближения человека и собаки: "Когда человек увидел, что собаки живут сворами, он тоже начал жить сворами. И так как человеческая свора убивала много-много зверей, вокруг ее стойбища всегда было множество костей.

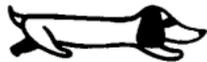
Увидели это собаки и сказали себе:

— Зачем мы будем охотиться на зверей, когда там, где люди, костей хоть завались!

И с тех пор начали собаки сопровождать людские кочевья, и так получилось, что люди и собаки живут вместе.

Теперь уже собаки принадлежат не к собачьей своре, а к человеческой своре. Те люди, с которыми собака живет, — это ее свора; потому-то она и любит их как родных".

Сочинил Карел Чапек и "Собачью сказку", где щенку Воржишеку снятся танцующие собачьи русалки. Из нее мы узнаем, как собаки... создали человека, упросив всевышнего сотворить для них бога, к которому можно было бы принюхиваться; как возникли кометы — звезды с собачьими хвоста-

ми и почему собаки роют землю (они ищут клад, оставшийся от провалившегося в тартарары собачьего королевства). Не менее удивительную историю поведал в детской книжке "Эдудант и Францимор" младший современник и друг братьев Чапек Карел Полачек, погибший позднее в Освенциме. Он рассказал о собачьем городе, где люди находятся в подчинении у собак. Людей там "выгуливают" на поводке и в намордниках, спят они в конуре и питаются отбросами.

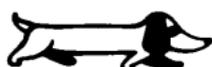
Впоследствии чешская литература вернулась к более традиционному изображению сожителства собаки и человека. Яромир Йон в рассказе "Любовники Доры" описал мучения владельца суки, которому не дают покоя ее ухажеры. Рассказы о собаках мы найдем у "чешского Бианки" и "чешского Пришвина" в одном лице — Яромира Томека, а его младший соотечественник Любомир Томек написал целую "Собачью книжку" (1979). Это, можно сказать, собачья "Война и мир", ибо различные истории о собаках здесь тесно связаны с историей Чехословакии от кануна второй мировой войны до дней Победы. Впрочем, своих чешских собратьев, как говорится, заткнул за пояс словацкий писатель Альфонз Беднар, написавший трехтомный роман о жизни собаки в человеческой "своре" ("Горсть мелочи", 1970, 1974, 1981). Таков в самых общих чертах "литературный контекст", подготовивший появление книги Иржи Марека "Собачья звезда Сириус, или Похвальное слово собаке".

V

Как пишутся книги о собаках

Мне не повезло. Я лично знал "пана Кулишека" — таксу чешского "классика литературы факта" Мирослава Иванова, но, к сожалению, он не написал о Кулишеке книги. А вот добермана-пинчера с "дворянской" кличкой Барон с Котоуских холмов, которого Иржи Марек звал просто Баром, я видел только на фотографии. Бар стоит на задних лапах и как бы здоровается со своим хозяином. Это символическое рукопожатие свидетельствует о многолетней дружбе человека и собаки. Предысторию их знакомства читатель узнает из главы "История, рассказанная в первом лице". Приобретение щенка, по признанию Марека, столь же осложняет жизнь мужчины, как женитьба или рождение ребенка. Более того, собака всегда остается большим ребенком. Но любовь человека и собаки зарождается самым естественным образом, если хотя бы один из них находится в щенячьем возрасте. Все "непристойности" щенок делает как бы от доброго сердца. Его очаровательная неуклюжесть и милая хрупкость так трогательны, что хозяин утрачивает человеческий облик и становится собаководом.

По свидетельству Иржи Марека, книги создаются либо потому, что они, как говорится, приросли к сердцу автора, который вынашивает свое будущее детище годами, либо потому, что решение писать приходит неожиданно. "Сознаюсь, — вспоминал он, — что в намерении написать о собаке смешались оба эти импульса. Я уже был многолет-

ним владельцем собаки, и вся моя семья в более широком и в более узком своем составе давно ревновала меня к ней. Когда говорилось, что я все внимание уделяю собаке, а на жену у меня не хватает времени, я чувствовал, что это весьма похоже на правду. Тогда-то мне и захотелось написать книгу о собаке. Итак, многолетний замысел, устремленный прямо к вечности**.

Но оказалось, что это не так-то просто, и только смерть его любимца, описанная в главе "Как собаки болеют и умирают", побудила писателя взяться за перо: "...я решил написать книгу, чтобы не чувствовать себя столь одиноким. Чтобы рассказать другим людям, как это прекрасно — иметь собаку...

Просто я записал все, что мне приходило в голову, когда мы жили бок о бок с моим псом, совершали прогулки, ложились рядом: он — на матрац, я — на тахту, вместе вечером засыпали и вместе утром просыпались. Он на долю секунды раньше, чем я, — чтобы стоять возле меня, когда я открою глаза. Если ему доводилось опоздать, вид у него был виноватый.

Это были хорошие времена, и эта книжка хорошо писалась".

VI

История собаки как литература факта

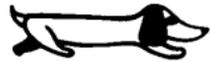
Задумывая свою книгу, Иржи Марек сознавал, что "жизнь собаки — составная часть истории человечества" и что "нельзя написать

*Там же.

историю человека без истории собаки"* . И он стал собирать материалы, штудировать специальные книги, которые теперь уже не казались ему скучными, изучать "древние шумерские, вавилонские, персидские и еще бог весть какие тексты". Его книгу в известной мере можно отнести к жанру литературы факта, представленному в Чехословакии такими популярными писателями, как Войтех Замаровский, Милослав Стингл или тот же Мирослав Иванов. Однако Иржи Марек вскоре почувствовал, что "истории недостаточно, если вы хотите писать о любви", и он обратился к древним сказкам о собаках, к разным эпизодам, свидетельствующим о том, какую важную роль играют подчас собаки в жизни человека, к рассказу о людях, для которых собачья звезда Сириус стала путеводной. Фольклорные и филологические изыскания Марек производил, опираясь, хотя бы частично, на свой предшествующий литературный опыт. Так, материалы о Древней Индии он обрабатывал вместе с чешским востоковедом О. Смекалом, содружество с которым зародилось еще при создании книги индийских сказок "Самый прекрасный сад" (1967) .

Исследуя роль собаки в истории человека значительно более фундаментально, чем это делали Гашек и Чапек, Иржи Марек подводит читателя к выводу о единстве мировой культуры, несмотря на все многообразие национальных и иных местных особенностей. Вместе с тем он показывает относительную ценность тех представлений и обычаев, которые кажутся нам незыблемыми и

*Там же.

единственно возможными. Перед нами раскрывается и диалектика взаимоотношений человека и собаки. По убеждению автора, в каждом животном законсервирован "детский возраст человечества". Ведь когда-то и "человек был очень похож на животное: играл с теми предметами, какие находил; спал, когда не знал, чем себя занять, и, если отвлекся от естественных инстинктов и потребностей, был сущим ангелом"* . Вот почему собака в известной мере возвращает человека в счастливую пору его детства, то есть, если пользоваться марксистской терминологией, "очеловечивает" его. Но в многовековом симбиозе с человеком "очеловечилась" и собака. Еще Ярослав Гашек отметил, что от сожителства с людьми собаки стали такими нервными, что воют, когда слышат плохую музыку, а друг Гашека и иллюстратор его гениального романа Йозеф Лада на одной из карикатур изобразил собак, принимающих экзамены в консерватории. Иржи Марек прослеживает этот процесс и дальше, вплоть до появления у собак человеческих болезней. Впрочем, вся первая часть книги, излагающая историю собаки, в гораздо большей степени рассказывает нам об истории человеческого общества.

VII

Несколько слов о композиции, или Как это делается

В "Повествовании о писании" Иржи Марек вопреки своим филологическим ученым

*Там же.

степеням и званиям (кандидат наук, доцент) заявляет, что уже сами слова "анализ" или "разбор" произведения наводят на него ужас. По его глубокому убеждению, слепая "вера, что, анализируя слова и мысли, можно открыть тайну их возникновения, является пережитком, доставшимся нам от старых поэтик"*.

Но по самой своей природе человек всегда стремится узнать, "как это делается". Недаром дети так любят "анализировать", то есть разбирать на составные части игрушки, особенно заводные и электрические. Вот почему и Карел Чапек продемонстрировал читателям, как делаются газета, спектакль, кинофильм, произведение детективного жанра, сказка и т. д.

Как же сделана книга Иржи Марека? Что представляет она собой в композиционном и жанровом отношениях?

Скажем сразу, что и в этом смысле перед нами симбиоз, взаимное "сожительство" многих жанров. Преобладает здесь то же эссеистическое начало, что и в книгах Карела Чапека "Год садовода", "Как это делается", "Марсий, или По поводу литературы". В первой части книги эссе сближается то с литературой факта, то с иронической интерпретацией мифа. Вместе с тем это и своеобразное путешествие во времени и пространстве. Изложение мифологических, литературных и исторических "данных" о роли собаки в жизни человеческого общества с железной последовательностью перемежается конкретными иллюстрациями, заимствованными из

*J. Marek. Vyprávění o psaní. Praha, 1985, s. 31.

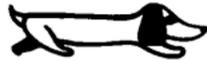

фольклора или художественных и документальных памятников. Даже юмор, как и у Чапека нередко основанный на фантастических предположениях и парадоксах, методичен и последователен. В соответствии с духом и жанровыми пристрастиями древности и средневековья мы чаще всего встречаемся со сказкой, басней, историческим анекдотом, с ироническими или вполне серьезными назиданиями и сентенциями. Последовательное сопоставление жизни и поведения людей и жизни и поведения собак не раз заставляет автора отдать предпочтение не только собачьему уделу, но и собачьей мудрости. За чисто исторической частью следует интермеццо, которое служит как бы мостом, перекинутым из средневековья в современность.

”Интермеццо” — термин музыкально-драматический. Некогда так назывались вставные шуточные номера (мадригалы, хоры, балеты), исполнявшиеся в антрактах между действиями мистерий, драм, трагедий и опер. Их комическое содержание обычно никак не было связано с произведением в целом. Романтики, стремившиеся соединить литературу, театр и музыку, ввели интермеццо в поэзию и прозу. Например, у великого чешского романтика Карела Гинека Махи (1810—1836) мы найдем гротескно-сатирические и лирические интермеццо в поэме ”Май”, лирическое интермеццо — в повести ”Маринка”. У Марека интермеццо носит иной характер. Здесь нарочито смешаны жанрово-тематические признаки, характерные для прошлого и для современности, но принцип чередования, ”чересполосицы” сохраняется. За газетной

статьей начала XIX века, как бы представляющей жанр литературы факта того времени, следует рассказ "из зала суда" (одним из классиков его был уже упомянутый Карел Полачек). Далее представлена пародийно-ироническая интерпретация старинного жанра "моритата", или ярмарочной песни. Ярмарочные песни, бытовавшие в Чехии с XVI века до середины прошлого столетия, в свое время заменяли газетную хронику. Эти написанные народным стихом рассказы о преступлениях, убийствах, казнях, чудесах, поверьях, призраках, страшилищах, о природных катастрофах и т. д. издавались в виде отдельных листков. Песни эти не только продавались наряду с другой лубочной литературой, но и исполнялись на ярмарках и во время храмовых праздников. При этом пение сопровождалось показом разноцветных картинок довольно примитивного содержания. Свойственное и современной журналистике пристрастие к сенсации, к рассказу о кровавых преступлениях снискало им широкую популярность. Вот почему повествование о кровавых проделках Кулишека и названо "моритатом". Наконец, Марек, следуя традициям Чапека и Ванчуры, осмысливает народные пословицы (первый написал о них эссе, второй построил на них целый роман).

В последней части книги, посвященной, так сказать, современному состоянию проблемы, перед нами своего рода руководство по кинологии. Так же как в первой части за эссеистической главой, раскрывающей один из этапов "становления" собаководства или одну из сторон "обыкновенной собачьей жизни", следует новеллистическая иллюстрация. Ес-

ли в эссеистических главах опять сопоставляются люди и собаки (и это сравнение далеко не всегда в пользу людей), то в рассказах и былях речь идет не столько о собаках, сколько о людях. И чем ближе к концу, тем больше в этих рассказах трагики и скрытого лиризма, пробивающегося наконец наружу в заключительной главе.

VIII

Эпилог, или О взаимопонимании

Название последней части книги, "Обыкновенная собачья жизнь", несомненно, переключается с титулом романа Карела Чапека "Обыкновенная жизнь". Роман этот возник из первоначального замысла написать цикл философских бесед-рассуждений, в которых конкретные жизненные случаи осмысляются в широкой общечеловеческой перспективе. К такой же обобщенности изложения, к такой же типизации опыта собаководов стремится и Марек. Перед нами книга о человеке вообще и о собаке вообще. Поэтому мы даже не знаем клички покойного друга автора, который, "к счастью или к несчастью, был всего лишь собакой".

Карел Чапек, творчество которого столь же пестро, как и творчество Иржи Марека, и который смотрел на "обыкновенных людей" и даже на "необыкновенных собак" с такой же всепонимающей улыбкой, писал по поводу дипломатических отношений между людьми и собаками: "Мало кто из нас сохраняет полную невозмутимость, когда на него нападает пускай даже крошечная шавка.

Мне же кажется, что человеку гораздо более пристало вступить с вышеупомянутой шавкой в переговоры, ведь могущество речи и разума действует магически, и даже самая взъерошенная собачонка вскоре поймет, что человека все равно не перебрешь. Если бы собаки владели даром речи, договориться с ними было бы, пожалуй, так же трудно, как с людьми" ("Человек и собака", 1926). Тем не менее, как прекрасно показывает книга Марека, люди за много тысячелетий договорились о взаимном сотрудничестве с собаками и достигли, можно сказать, идеального сосуществования. Неужели же они так никогда и не сумеют договориться между собой?

Олег Малевич

**СОБАЧЬЯ ЗВЕЗДА СИРИУС,
или
ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СОБАКЕ**

**Пес у ворот – меньше забот.
*Старая чешская пословица***

**Сначала бог создал человека,
но, заметив его слабость,
дал ему собаку.**

А. Туссенель

**Чем лучше я узнаю людей,
тем больше люблю собак.**

Дж. Б. Шоу

**Эту книгу я посвящаю памяти своего
верного друга, который, к (не)сча-
стью, был всего лишь собакой.**

Автор

I

ИСТОРИЯ СОБАКИ И ЧЕЛОВЕКА ПРЕМУДРЫЕ БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ, СКАЗКИ И ПОБАСЕНКИ ПРО СОБАК

Как это начиналось, или Почему сошлись пути человека и собаки

Человека с давних пор необычайно интересует вопрос, как, когда, почему и зачем возникло все вокруг. Но главное, что волнует его, — как возник род людской. А может, пытаясь выяснить это, он все еще не теряет надежды заглянуть вперед: а чем этот род кончит?

Собаку же подобные вещи не занимают, ей совершенно безразлично, что таит в себе прошлое. Она радуется настоящему и — по примеру великих мудрецов — просто любит самое жизнь. Собаке важно, что происходит сегодня, ее меньше волнует, что было вчера, и нимало не заботит, что станет завтра. Собаку совсем не тревожат мысли о смерти.

Человека, наоборот, вечно мучит сознание неизбежного конца. И ведет он себя соответственно. Он придумал себе религию, печется о загробной жизни (не подозревая, что это — парадокс: какая еще там жизнь после смерти?!), возводит то гробницы, то пирамиды. А собака хоть и крутится оживленно вокруг тех, кто их строит, но, когда все бывает завершено, может, ничтоже сумняшеся, задрать лапку на уголок пирамиды

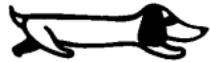
и окропить его в полной уверенности, что поступает исключительно правильно.

Кто из них прав, пусть рассудит наш любезный читатель.

Вопреки тому что собака и человек — существа совсем разные, по некоей странной логике истории они пошли когда-то рядом, и ныне порознь их уже невозможно себе представить. Чем глубже проникаем мы в прошлое, тем яснее осознаем, что взаимная приязнь человека и собаки уходит во тьму веков. Столетия тут ничто, тысячелетия — краткий миг. Мы говорим, что человек и собака шагают бок о бок по земле уже десятки тысяч лет, а такого без веских причин не бывает.

Мы, люди, приступим к решению этого вопроса архинаучно, а собака пускай поглядывает на нас с тихой мудростью и некоей деликатной снисходительностью (давая таким образом нам понять, что она-то считает наше занятие чистой нелепицей!), мы же ринемся в хаос теорий о вековых взаимоотношениях человека и собаки в надежде создать еще одну теорию, до сих пор неизвестную. Чтобы методы наши были строго научны, опорой нам будут институты, академии и всяческие научные общества, и это укрепит нашу уверенность, что в своем поиске мы не ошиблись, хотя именно институты, академии и всяческие научные общества живут большей частью тем, что деятельно доказывают, как уважаемый академик Такой-то заблуждается, полагая, что прав академик Имярек, в то время как академик Эдакий опровергает и того, и другого...

А ты, песик, сиди себе спокойно, скре-

би за ушами и не мешай мне. Вот придумаю еще одну теорию и тоже, может быть, стану потом чесать в затылке. И да будет тебе известно, что, опираясь на множество других мнений, я пришел к убеждению, что все начиналось именно так...

Древний человек охотился стаей, иначе он не имел ни малейшего шанса хоть что-нибудь поймать. Из всех животных человек был хуже всех подготовлен к жизни. Он очень долго преследовал зверя, бегал за ним, пытаясь выследить и настичь, разыскивал тропки, броды, водопой и те места, где тот укрывался; а часто человек просто-напросто ждал подходящего случая, чтобы зверя убить и съесть. Факт этот, естественно, не делает большой чести роду людскому, но в защиту его надо признать, что иначе не выживешь. Ведь мудрая природа — не благодетельница, не ласковая праматерь, а суровая школа убийства.

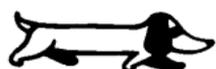
Человек-охотник не был так быстроног, как хищник, не обладал ни слухом его, ни обонянием, ни зрением и в окружающем лихом мире слыл, пожалуй, эдаким недотепой и размазней: он подолгу спал и нехотя просыпался. К тому же следом за ним тащилась та часть человеческого стада, которая была еще менее подвижна, чем он сам, — женщины с детьми и прочие родственнички и, конечно же, старики. О верховном руководстве мы уж и не говорим, эти вообще ничего не ловили, но зато вечерами у костра предсказывали иногда удачную охоту на завтра или пели песню про то, как отважный охотник (это каждый мог принять на свой счет) убил прекрасного оленя с тучными

окороками. От первых пошли шаманы и незаменимое начальство, от вторых — барды и писатели.

Короче, человек-добытчик имел лишь заботы, издержки и неприятности и только одно-единственное преимущество: совсем иные, чем у прочих представителей животного мира, верхние конечности. Комичное отклонение от нормы: большой палец, хотя и был в одном ряду с остальными пальцами, обладал способностью становиться перпендикулярно по отношению к другим, а это значит, что существо, которое через каких-нибудь сто тысяч лет получит право украсить себя титулом *homo sapiens*, то есть человек разумный, могло схватить рукой любой предмет и крепко сжать в кулаке. Палку, скажем, или камень.

И тогда человек стал задумываться: что же, собственно, такое он держит в руке и зачем. Короче, он так напрягал мозги, что трещала голова, и вот в один прекрасный день надумал: если к силе дубинки он присокупит силу камня, присоединив к палке заостренный кремь, то получит орудие, необычайно увеличивающее его собственную силу, — каменный топор.

Супротив медведя человек был до смешного слаб, но, вооружившись каменным топором, при некоторой отваге и в случае крайней нужды мог медведя и убить. Ого, вот так открытие! Ибо теперь человек уже сделал шаг по пути покорения природы, а также нынешних экологических катастроф. Впрочем, вернемся-ка лучше к началу этой головокружительной перспективы. Человек как был, так и остался слабым, но научился

свою слабость скрывать, пуская в ход орудия, а некоторую тупость восприятия восполнял остротой мышления. Затравить оленя он не мог, зато мог выкопать кремневым топором яму, забросать ее ветвями и дожидаться, когда олени побегут здесь на водопой.

До такого ни одно нормальное животное (например, собака) не додумается.

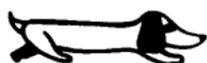
Итак, человек преследовал зверя и таскал домой куски кровоточащего мяса, и случилось, что те небольшие животные, которые по ночам протяжно выли или коротко тьякали, бежали следом за ним, слизывая капли крови и подъедая остатки, валявшиеся на том месте, где охотник прикончил зверя. Прежде всего здесь оставались крупные кости, потому что тогда человек их с собой не уносил, как и внутренности, которые роду человеческому долго приходились не по вкусу. Еще герои Гомера лакомились окороками и костным мозгом, но никогда кишками или почками!

Короче, та животина, коя еще никак не называлась, но из которой со временем получилась собака, так и таскалась за человеком, хотя он то и дело прогонял ее, потому что нет на свете создания более жадного и нетерпимого, нежели *homo sapiens*! Человек разумный враждовал со всеми, и с собаками тоже — а те ровным счетом ничего от него не хотели, только пожирали отбросы, которые все равно растащили бы другие хищники, — и обрушивал на них град камней. Мы уже говорили, что от природы человек отнюдь не был таким уж глупым, но ему долго приходилось раскачиваться, прежде чем он застав-

лял себя как следует пошевелить мозгами. Следует отметить, что такое случается кое с кем и поныне. Дело кончилось тем, что с собаками (не лучше ли их называть прасобаками?) ему пришлось-таки примириться. Собаки шли следом за ним целый день и даже возвращались к его стоянкам, ведь от добычи оставалось еще много костей, человек их здесь выбрасывал, а собакам только того и нужно было.

Еще одно открытие помогло человеку стать из обычного животного homo sapiens: он познал огонь. Жареное мясо понравилось не только ему одному, но и некоторым зверям, и в первую очередь собакам. Кость, побывавшая на огне и еще теплая, становилась хрупкой и, хотя царь природы высосал из нее столько мозга, сколько сумел, была собаке по вкусу, да и по зубам, легко поддаваясь ее сильным челюстям. Ведь у человека челюсти не такие крепкие, как у собаки или волка! Итак, по вечерам на стоянке человека у костра раздавались чавканье и сладостное кряхтенье, ворчливое бормотание шаманов, слышались голоса доморощенных певцов, детский плач и болтовня женщин, а в окружающей тьме стоял хруст и яростное рычание, ибо от общения с человеком собаки стали обидчивы и злобно кидались на каждого, кто посягал на их кость.

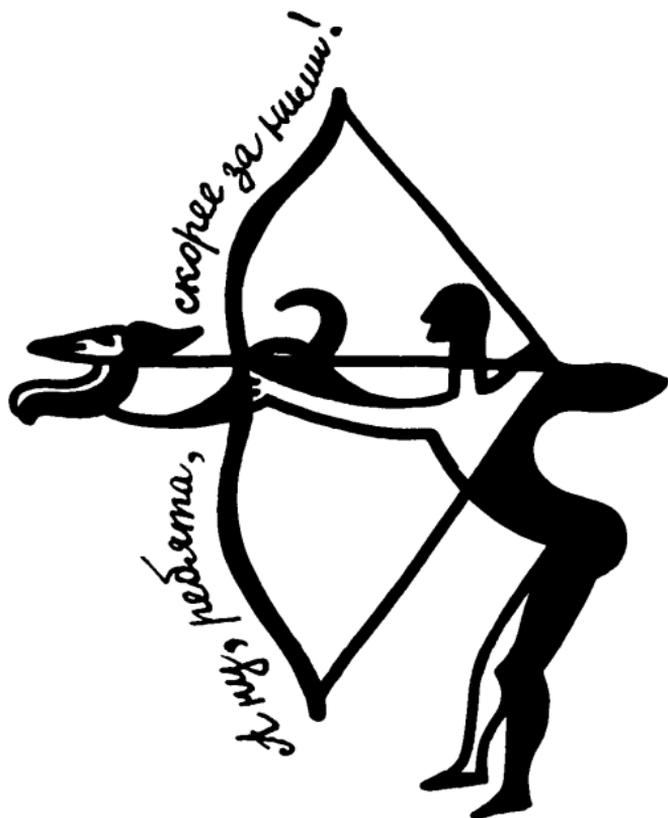
Хорошо нам вести речь о далеком прошлом, жаль, однако, что мы не способны в достаточной степени оценить ту роль, которую оно сыграло в истории человечества. Сколько лет, сколько десятилетий или столетий должно было пройти, чтобы изменилось хоть что-нибудь в рутине привычного течения

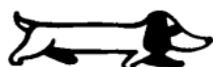
жизни! Пусть не повсюду, пусть хоть где-то. Лук изобрело не все человечество и не сразу; прошло, видимо, страшно много времени, пока где-то кто-то не обнаружил, что гибкая ветка обладает неким свойством — тем, что мы сегодня называем упругостью, — которое можно использовать, оторвав ветку от дерева и снабдив тетивой из тонких жил. И при этом лук можно носить с собой. Вероятно, додумался до этого некий выдающийся гений, какой-нибудь доисторический Эйнштейн, а ведь все так просто! Главное — каждый может повторить. Придумать лук — на это ушли, видимо, тысячелетия, а сделать лук наподобие того, что имеется у соседа, оказалось делом нескольких часов. Великие открытия совершались людьми довольно медленно, зато распространялись они молниеносно.

Кто из охотников остановился однажды и указал в сторону животных, к которым все давно привыкли, тех, что неотступно следовали за людьми? Кто гортанными криками привлек внимание сотоварищей к собакам, объяснив, что они бегут не только по их следам, но также по следу зверя?!

— О люди! — возопил тот первобытный человек. — Вы только гляньте на этих тварей! Как они приникают мордами к земле! Спорю на что угодно, они чуют оленя лучше, чем мы! Ведь они мчатся туда, откуда доносится запах стада! А ну, ребята, скорее за ними! Они приведут нас к цели! А если кто кинет в собаку камень, схлопочет по зубам! О люди! Делайте все, чтобы собака всегда была с нами! Кормите на стоянке! Да пусть собаки привыкнут к нам, а утром снова ведут по следу оленя!

Вот так и произошло это чудо. Собаки и люди стали жить вместе, собак отлавливали и приручали, щенятам уже не приходилось скулить где-то в кустах, теперь они скулили вместе с человеческими детенышами на стойбище, запах собаки больше не казался людям мерзким, скорее наоборот. Охотник гордился, если владел двумя-тремя псами, которые повсюду сопровождали его; он сам приноравливался теперь к ним, особенно если те хорошо выслеживали зверя, загоняли его и, более того (а тем временем прошло столетие-другое), приносили добычу, потому что, когда убитый зверь попадал в топь

или в воду, вытащить его могла одна лишь собака, ведь тогда человек еще не умел плавать.

Вот так, скажем мы, и родилась дружба человека и собаки.

Хвала тебе, природа, аминь!

Как собака пришла к человеку (Бирманская сказка. Народность нита)

Когда-то, очень давно, собака, как и все остальные звери, жила в джунглях. Но стоило наступить ночи, собаку одолевала тоска. Она спала, прижавшись к земле, а услышав какой-нибудь шорох, тут же просыпалась, вскакивала и поднимала лай. И нет ничего удивительного, что ей стало невмоготу жить одной и она решила подыскать себе сильного друга, чтобы тот защищал ее от опасностей.

Шла она как-то по лесу и повстречала оленя. "Какой сильный зверь! — подумала собака. — Да еще с рогами! Вот с кем хорошо жить вместе!"

Олень выслушал ее просьбу и кивнул головой.

— Что ж! Можем попробовать. Только говорю заранее: не поднимай по ночам шум!

Собака обещала. Но услышала сквозь сон какие-то шорохи, вскинулась и громко залаяла.

Олень проснулся и сказал ей:

— Нет, собака, мне с тобой вместе жить нельзя. Я — слабый, хотя тело у меня сильное и есть рога. На ночь я устраиваюсь в укромном местечке и лежу тихонько, чтобы никто меня не нашел. А ты — уж очень ты

горласта! Ступай, найди себе лучше кого-нибудь другого.

Подумала собака и пошла искать друга посильнее. Повстречала она лесного буйвола.

— Приятель, — сказала собака учтиво, — я решила жить с тобой вместе.

— Ладно, я не против, — лениво промычал буйвол.

Но только ночью собаку опять что-то встревожило, и она громко залаяла. Утром буйвол спросил, с чего это она ночью так куролесила.

Собака ответила:

— Ты сильный, а я нет, и на меня вдруг напал страх. Не сердись, я не собиралась тебя будить!

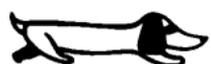
— Хочу тебе сказать, — вздохнул буйвол, — что есть звери сильнее меня. Например, тигры. Они ходят на охоту ночью, а услышав твой лай, могут накинуться на нас, и тогда нам обоим придется туго! Если не умеешь жить тихо, найди себе товарища посильнее, а от меня отстань.

Отправилась собака искать тигра. Нашла, и он милостиво разрешил ей жить рядом. Собака обрадовалась и решила, что уж теперь-то она не станет больше лаять по ночам, даже не пошевелится. Впрочем, вскоре она проснулась, потому что услышала какой-то шорох, но не залаяла. Вот услышит еще, тогда и подаст голос. Собака молчала до самого утра, но, как только рассвело, вскочила и залаяла что было мочи. А потом снова преспокойно уснула.

Утром ее разбудил тигр.

— Что это на тебя накатило? С какой такой стати шум поднимаешь?

— О господин, ты великий и могучий! И

я решила, что все звери должны знать, где отдыхает владыка джунглей!

— Правда твоя, я и в самом деле могучий владыка джунглей, но есть звери посильнее меня, например слоны. Если б от твоих воплей они всполошились и явились сюда, то раздавили бы нас обоих! Послушай моего совета, поищи-ка лучше защиты у них.

Вот так! Прогнал тигр собаку. И пошла собака к слону. Увидала и обрадовалась. Рядом с таким великаном ей нечего бояться! И попросила собака у слона позволения жить возле него. Слон махнул хоботом, и обрадованная собака примостилась рядом.

Наступила ночь. Собака твердо решила не издавать ни единого звука, да только утром по привычке залаяла.

И сказал ей слон:

— Должен признаться, дорогая соседка, ты своим лаем напугала меня! Мы, слоны, народ мирный и ласковый и шума не любим. Если ты будешь жить с нами, мы лишимся покоя. Ведь тебя услышит лев, узнает, где мы находимся, и убьет наших детенышей! Ступай лучше куда-нибудь еще. Хотя бы ко льву. Как-никак все-таки царь зверей!

И отправилась собака ко льву, и тот милостиво разрешил ей поселиться рядом. Собака радовалась и думала: "Наконец-то я могу жить спокойно, рядом со львом мне уже ничто не грозит".

Она было тявкнула на радостях, но тут же умолкла.

Наступила ночь, лев и собака улеглись спать. Собака ворочалась, ворочалась и в конце концов подняла громкий лай. Лев вскочил и зарычал:

— Несчастливая, ты почему мешаешь мне спать? Чего ты боишься?

— Я вовсе не боюсь, о царь зверей! Я лаю от великой радости, что живу рядом с тобой, ибо ты самый сильный!

— Ладно, — проворчал лев, — я, конечно, царь зверей, но не я самый сильный. Есть на свете существо, которое сильнее меня. Даже я боюсь его. Это человек. Он ходит на двух ногах и настигает любого зверя своей стрелой. Он ловит и убивает животных и питается их мясом. И вот тебе мой совет: ступай-ка ты к человеку, с ним тебе уже никого не придется бояться.

— Значит, сильнее всех — человек? — изумилась собака.

— Да, человек! — опустил голову лев.

И тогда собака пошла к человеку и сказала ему, что хочет жить вместе с ним.

— Ладно, — ответил человек, — живи, если хочешь. Днем веди себя смирно, а ночью хорошенько сторожи. Как что-нибудь услышишь, сразу начинай лаять, да погромче!

Собака радостно тьякнула, потому что такое предложение ей понравилось. А человеку понравился ее голос, и он сказал:

— Да! Вот так и лай но ночам!

Каждую ночь собака просыпалась, громко лаяла, и все теперь знали, что здесь живет человек, который сильнее всех и никого не боится.

С той поры и повелось: собака живет вместе с человеком, она лает, сторожит его дом и стала человеку верным другом.

Собака и человек в доисторические времена

Самое трудное — определить, когда, собственно, началась история. Человек откопал в поле старый черепок и возрадовался:

— Гляньте-ка, история!

А потом нашел под черепком обломок меча, а еще глубже — кострище, а под ним — обработанный камень, и пошло, и пошло: чем глубже в землю, тем дальше в глубь веков.

Такова же история собаки и человека. Она, похоже, не менее стара, чем сам мир и человечество в этом мире. Вы только вдумайтесь: когда Колумб открыл Америку, его поразил живущий там странный народ, но ничуть не удивило, что он видит собак; собака показалась ему чем-то вполне обычным, он привык к ней у себя на родине, а из Библии знал, что господь бог создал собаку на пятый день, то есть накануне сотворения самого Адама. Но вот позже у путешественников и ученых возник-таки вопрос: как же в Новый Свет пришли люди, ведь это так далеко, за "большой лужей"; а отсюда уже один шаг до другого вопроса: как здесь объявились собаки?

Такой, казалось бы, обычный вопрос, но как трудно на него ответить!

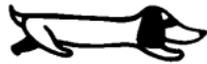
Нам достаточно точно известно, когда до Америки добрались корабли викингов, более того, мы знаем, что назвали они ее Винланд, то есть "Страна винограда", ну а индейцы — откуда же они? Тоже приплыли? И привезли с собой собак? На суденышках, выдолбленных из стволов? И, подобно Адаму и Еве, размножились в целые народы? И рядом с ним расплодились собаки?

Пожалуй, для ученых мужей подобное толкование слишком наивно; сейчас уже доказано, что люди пришли туда в давние-предавние времена, когда Американский континент не был еще отделен от других континентов водой и климат там был не таким, как сейчас, что и дало возможность древним народам пройти туда каким-то северным путем со всем своим скарбом, а значит, и с верным спутником — собакой...

Надо сказать, собаки были здесь — как, впрочем, и в иных землях, — видимо, в почете; когда мы находим захоронения и в них мумии — чему, конечно, способствовали скорее климат и почва, нежели искусство доколумбовых индейцев (наверяд ли они умели мумифицировать усопших с той же сноровкой, что и египтяне), — то непременно находим рядом и мумии собак. И если в могилу людям клали оружие, сосуды с пищей, то, естественно, и собаки на юго-западе Северной Америки получали с собой все, что любили: большие кости, более того — выкрашенные в красный цвет! В одной из таких мумий распознали нашего сеттера — собаку охотничью, в другой — рыжего колли. И американцы, народ по-детски восторженный, выставили мумию колли на какой-то собачьей выставке в Бостоне, и она — вроде бы посмертно — была увенчана золотой лентой, о чем нас ставит в известность господин К. В. Керам*.

Люди поселились на этом континенте так

*Керам (Курт Вальтер Керам, 1915 – 1972) – западно-германский писатель и журналист, автор научно-популярных книг по археологии.

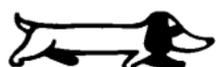
давно, что голова идет кругом от такой пропасти времени! Ведь это было в тот период, когда суша и море еще окончательно не определились, однако существо, которому еще только предстояло стать homo sapiens, уже кидается во все тяжкие, спешит всюду поспеть, подгоняемое любопытством, а скорее, голодом или верой, что найдет себе страну намного прекраснее той, где появилось на свет. И собака шла вместе с ним... Значит, в те времена, когда люди двинулись в Америку по той части суши, что много позднее стала Беринговым проливом, собака уже давным-давно была спутником человека и собачья свора вполне органично сроднилась с человеческой стаей. Ни лошадей, ни скота homo sapiens еще не знал, а возможно, просто не смог взять с собой, уж слишком далек и многотруден был путь. Сам же человек может выдержать многое, почти как собака!

И коль скоро мы обратились к тем древним временам, то вспомним еще один далекий континент, Австралию. И здесь тоже обитал человек, скорее всего, он появился в тех местах тысяч пятнадцать лет назад, добирался по островам и островкам, где пешком, где на лодках и плотках, и вместе с ним туда добиралась собака. Этому человеку не слишком повезло, он попал в страну столь огромную и пустынную, что потом переселенцы стали ее избегать, а те, кто остался, были позабыты и заброшены. По сей день племена там остаются на очень низком уровне развития. О том, как у них появилась собака, аборигены рассказывают странную сказку, которая свидетельствует об их удивительно древних представлениях о мире жи-

вотных и людей. Сказка отражает отношение человека к тотемному животному, в котором древний человек видел свой собственный символ и символ своего рода. Извечна страстная мечта стать таким, как зверь, ведь человек завидует его сноровке, которой лишен сам. Он же не умеет бегать, как собака, или прыгать, как кенгуру!..

Вот почему рисунки доисторических охотников отнюдь не иллюстрация. Рисование было скорее действием магическим. Впрочем, колдун из африканского племени, который надел маску льва, в представлении своего племени действительно становится львом. Примитив ведет себя не иначе, чем ведут себя наши дети: напяльте маску, и они станут вас бояться, потому что вы уже не веселый дяденька, а страшный колдун или волк. Отсюда неотразимый успех бородатого Деда Мороза и косматого черта у детворы, которая вообще-то преспокойно смотрит телевизор и слушает сказки в грамзаписи. Одно дело магия, совсем другое — техника.

Мы, однако, не имеем намерения углубляться в истоки человеческой истории, мы лишь хотим посмотреть, какую роль тогда играла собака. И в этой связи нам не удастся обойти вниманием рисунок на кремневом ноже из Южного Египта. Возраст ножа предположительно восемь тысяч лет. Собака на нем изображена необычайно скрупулезно, более того — в ошейнике! Человек надел собаке ошейник — исключительно из любви к ней, — когда она превратилась в незаменимого спутника и стала его собственностью. У европейского шакала в Америке

есть родственник — койот. Но ни шакал, ни койот ни в коем случае не собака. Австралийский пес динго, напротив, собака, одичавший потомок тех, что были сюда когда-то завезены, похоже, из Индии. Нигде в целом мире нет дикой собаки. Дикий предок лошади обнаружен, но у собаки такого предка просто нет. Собаку, как и человека, создала цивилизация, создала такой, как она есть. Человека цивилизация сделала прежде всего захватчиком. На территории, уже заселенной какими-нибудь племенами, вторгались новые племена и покоряли их либо сами бывали покорены. Они объединялись в новые племена и создавали новые государства, разорив старые, и принуждали прежних хозяев служить себе. Пришельцы жили уже не только охотой или бортничеством. Они стали разводить скот. И потому собака была им нужна.

Но государства возникали и исчезали, а собака так и осталась с человеком навсегда.

Она жила, пренебрегая границами, всюду, где только могла поселиться. И пока хозяева обременяли себя разбоем и войнами, нарушая границы соседей, собаки преспокойно охраняли стада и дворы тех, кто не отказывался их кормить, по какую бы сторону границы они ни находились. Да и что это такое — граница?

Ну как тут не признать, что уже тогда собаки в чем-то были мудрее человека.

Как появились собака и кенгуру

(Сказка австралийских аборигенов)

В те времена, когда кенгуру и собака еще были людьми, они повстречались как-то на лесной тропинке.

— Куда это ты собрался? — спросил один.

— На охоту, — ответил другой.

— Неплохо задумано. Пойду-ка и я с тобой, — сказал один, а другой согласился.

Они взяли копья и метальницы и двинулись в путь.

— Куда пойдём?

— Все прямо, прямо!

Шли они, шли и добрались наконец до речки с глинистыми берегами. Глина была коричневая, белая и красная.

Накопали глины, сложили в кучки, и сказал один:

— Попробуй нарисуй меня. Но так, чтоб я был похож на собаку.

— Можно. Нарисую тебя, и ты будешь похож на собаку.

— Возьми побольше коричневой глины!

Другой рисовал медленно и старательно. Сперва голову, потом тело, брюхо, грудь, хвост и четыре лапы.

— Гляди, ты уже готов! Я очень хорошо тебя нарисовал. Ты настоящая собака.

— Да, ты нарисовал меня прекрасно. Я настоящая собака!

— А теперь ты нарисуй меня! Но так, будто я кенгуру!

— Хорошо, ложись, а я тебя нарисую. Ты будешь кенгуру и поскачешь: гоп-гоп!

И нарисовал голову, две передние лапы,

брюхо, толстый хвост, а потом большие и сильные задние ноги.

— Готово, — сказал он вскоре. — До чего же хорошо ты получился! Настоящий кенгуру!

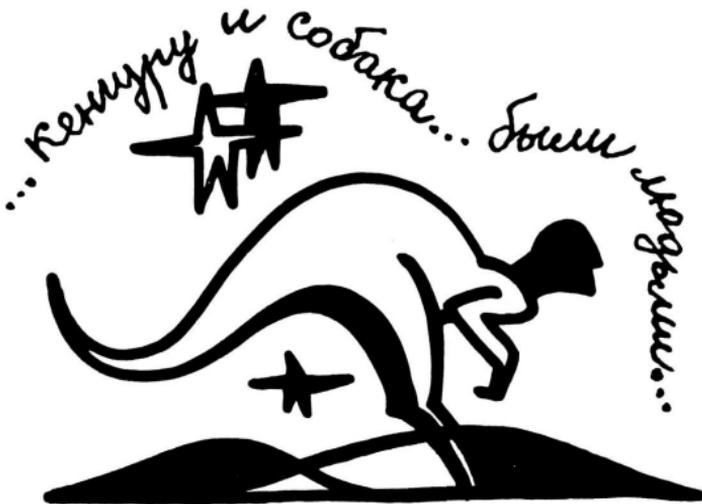
— Если ты и взаправду нарисовал меня похоже, тогда я стану кенгуру. А ты — если уж ты теперь собака — попробуй залаять.

— И залаю, — ответила собака и залаяла.

— А теперь попробуй догнать меня, — сказал кенгуру.

И потому что они уже были не людьми, а кенгуру и собакой, то побежали один за другим: впереди кенгуру, а за ним собака. Они мчались по долине, перескочили через ручей, вскарабкались по склону холма, и собака все время лаяла. А потом сели отдыхать.

— Как же мы назовем место, где друг друга рисовали? — спросила собака.

— Не знаю, как нам его назвать, — ответил кенгуру.

— Назовем его Барл-Барл, — сказала собака.

И они побежали дальше. Вброд перебрались через реку и очутились у подножия высокой горы.

— Как тут красиво, — сказала собака. — Давай влезем на эту гору!

— Давай, — сказал кенгуру. — Цепляйся зубами за мой хвост, и я дотащу тебя до самой вершины.

Когда они забрались на гору, собака сказала:

— Как мы назовем это место?

— Назовем его Нумилукари, — ответил кенгуру.

— Вот и хорошо, — согласилась собака, — и останемся здесь навсегда!

Так оно и стало. Кенгуру с утра до ночи прыгал, а собака лаяла.

Собачья клинопись

В древнем шумерском эпосе есть слова, от которых мороз подирает по коже: "Когда боги были еще людьми..."

Чтобы стать богами, нужно сначала сотворить человека. Но чтобы короли стали королями, нужно лишь подчинить подданных.

В плодородную низменность между двух рек пришли племена, они называли себя "черноголовыми" и воевали с теми, кто жил здесь до них. Когда-нибудь им придется воевать с другими — теми, кто захочет вытеснить их. И по-другому между людьми уже не поведется.

Как и каждый народ, "черноголовые" — шумеры — стремились восславить себя в камне и глине. Дворцы, само собой, разрушило время, храмы опустели, кое-где уцелел лишь фундамент, множество славных когда-то городов исчезло и еще не найдено, но, как ни странно, сохранилось то, что казалось наименее прочным, — знаки, которые древний писец выдавил бамбуковой палочкой на глиняной дощечке, после чего хорошенько обжег ее в огне. Это были удивительные времена: письма доверяли не почте, а раскаленной печи!

И за всеми этими великими и малыми процессами внимательно следила собака. Она вертела хвостом, убедившись, что ее хозяин рассудил правильно, и клала голову ему на колени. И потому, что другие звери так не поступали, шумерский хозяин стал собаку любить. Если хозяин занимал высокое положение, шумерский пес держался с важностью; но вел себя весьма скромно, если был просто бездомным псом. Шумерское слово для обозначения собаки — "ур". Возможно, слово это вообще означало понятие "зверь". Сходство любого зверя с собакой отражалось в его названии: водяная собака — выдра, земляная собака — барсук, была даже хищная рыба — собачья рыба, иногда ее называли акулой. Но в те времена само по себе слово "собака" еще ни о чем не говорило. Нужно было непременно добавить, откуда собака родом, и только тогда становилось ясно, что это за собака и на что она годится. И потому известны собаки из страны Элам, позже прославились собаки из города Мари, где, как можно предположить, их уже стали

сознательно разводить на вывоз. Хорошая собака считалась дорогим подарком для людей высокого положения. Царь Ибби-Смен получил в дар великолепного пса из Мелуххи. Шумеры знали несколько основных пород собак. Домашняя собака была крупной и сильной и прекрасно выполняла обязанности сторожа, но имелись собаки и помельче, предназначенные для охоты. Поскольку в этой стране, кто бы там ни стоял у кормила, всегда царил порядок — оплот и залог твердой власти, — мы узнаем из табличек с клинописью множество любопытнейших сведений, касающихся собак. Закон устанавливал, что владелец собаки отвечает за ущерб, нанесенный кому-либо его животным (весьма современно, не правда ли?). Удалось установить также, какое количество пищи назначалось крупной собаке. Ведь собаку тогда кормило государство, а если точнее, собачий

чись такое, и пациенту уже не выздороветь. Глупейшее суеверие, не так ли? Сейчас мы в медицине куда как ушли вперед; но, если дорогу нам перебежит черная кошка, чего уж тут греха таить, мы вздрагиваем. Видимо, старые поверья пусть подсознательно, но еще крепко сидят в нас.

Следует отметить, что вавилонский целитель в качестве лекарства не пренебрегал собачьей слюной. Впрочем, и в Библии сказано, что к болящему Лазарю приходили собаки илизывали его открытые раны. О целебной силе собачьего языка знали, как видно, на всем Древнем Востоке.

И если во времена шумеров о собаках упоминалось лишь вскользь, то позже, в эпоху ассирийцев и вавилонян, получила распространение царская охота, а вместе с ней возрос интерес к собакам. Ассирийцы умели очень точно определить, какую собаку пустить по следу хищного зверя, а какую — на зайца.

В мифологии судьба богов тоже накрепко связана с собакой, и без собаки мы их себе просто не представляем. Множество фигурок, изображающих собак, свидетельствует о том, сколь велико было ее место в магических обрядах.

Когда вавилонский царь Навуходоносор повелел восстановить храм богини Нинкаррак в Сиппаре, в нем обнаружили глиняную фигуру собаки. Дело в том, что эту богиню сопровождали псы. Более того, в одной из молитв ее умоляют держать своих собак на цепи, а самой большой надеть намордник! (Теперь вам ясно, сколь древнего происхождения всяческие объявления и запреты, касающиеся выгула собак в наших парках!)

Несомненно, даже в то давнее время у собак были собственные имена. Так, например, бог Мардук — обладатель собак с поэтичными именами: Этот-меня-цапнул, Этот-меня-одолел, Этот-меня-искушал.

Фигуры собак перед воротами городов и храмов ставили для охраны от демонов. В храме богини Нинисин под кирпичным полом обнаружили тридцать лежащих в ряд собак. Впрочем, ведь богиню здоровья и врачевания Гулу, то есть "Госпожу, которая помогает оживлять мертвых", непременно сопровождает собака!

А само слово "собака" в шумерском языке употреблялось для заклинания и очень редко как ругательство. Шумеры никогда не использовали собаку как тягловую силу.

И еще: в шумерском государстве и, вероятно, позже в Вавилоне собачье мясо не употребляли в пищу, чего о других древних народах, увы, не скажешь... Молодых собак

употребляли в пищу во многих землях, а кое-где — правда, в исключительных случаях — собака была животным жертвенным. Собаке странным образом не везло: где-то ей поклонялись, ее почитали, а где-то считали нечистой тварью. Если она жила в семье человека благородного, то и сама, конечно, считалась зверем благородным, но по улицам бегали и своры бездомных собак, пожирая отбросы и падаль. Эти ничьи собаки были изгоями общества.

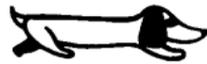
Несомненно, в те далекие времена собак разводили обдуманно, и, начиная с периода существования шумерских городов-государств, можно говорить о различных породах собак и о том, что собаку использовали как сторожа и как охотника, и еще мы знаем, что и тогда тоже собака была любимицей детворы.

И нет более прекрасного подтверждения ее привязанности к роду людскому!

Об истинной дружбе (Новоассирийская притча)

Жил человек, и у него была собака. Собака сторожила дом и сад, но пришло ее время, собака состарилась, и тогда сказал себе человек: "Зачем мне держать собаку, если она такая старая? Пойду и утоплю ее".

Он отвязал лодку, посадил собаку, прикрепил ей на шею камень и выгреб на середину реки. Собака сидела не двигаясь и лишь внимательно смотрела хозяину в лицо, будто все понимала. Когда лодка выплыла на быстрину, человек встал, поднял собаку и бро-

сил ее в воду. Но от резкого толчка лодка покачнулась, человек не удержался, упал в реку и стал тонуть.

Петля с камнем соскользнула с мокрой шеи собаки, и она оказалась на свободе. Из всех сил кинулась собака спасать человека и дотасила его до берега. Человек остался жив и вместе с собакой вернулся домой. Он стал заботлив и ухаживал за ней, пока она была жива.

Никогда не плати злом за добро, но всегда вместо зла делай добро!

Бог и собака или собака и бог?

Что звездное небо кишмя кишит собачьими названиями, знают все, но выбиться в божество собаке удалось лишь в Египте, где богом автоматически становился каждый фараон, даже если добился трона способом весьма сомнительным, большей частью человеческим.

Египтяне обожествляли все, что им нравилось и могло сгодиться, и, конечно, прежде всего Нил. Из животных в боги они определяли лишь тех, кто приносил больше пользы. Что одной из наиболее чтимых богинь они сделали Хатхор — корову, — понять можно. Корова и в самом деле дает человеку самое необходимое. И то, что богом войны — главным образом в Верхнем Египте — стал Вепуат-Упуат с волчьим ликом, тоже вполне объяснимо. Его изображения на штандартах несли перед местными фараонами. Волчья кровожадность этого бога открывала перед фараоном определенные перспек-

тивы. Но как именно пес — а на изображениях это чаще всего человек с песьей головой, Анубис, — стал богом погребения и патроном бальзамировщиков мертвых?

Стало это не по его вине, а, видимо, так проявилась любовь человека к собачьему племени. Собаки, как правило бездомные, надо полагать, бродили стаями вблизи захоронений. Их гнал голод. Не всех мертвых бальзамировали и предавали земле, трупы бедняков просто оставляли в местах захоронений. Кроме того, вблизи находились жертвенники, и остатки жертвоприношений доставались вечно голодным псам. Короче говоря, на кладбищах собакам жилось привычно и вольготно.

Изображения или фигурки собак обнаружены во всех гробницах. В гробнице Тутанхамона, например, их примечательно много: либо этот фараон очень любил собак, либо, уже выйдя из детского возраста, по-прежнему был не прочь позабавиться куклами и фигурками.

В научных трактатах принято утверждать, будто бог Анубис изображен с головой собаки либо шакала. Это мнение египтологов. У кинологов же точка зрения иная: они не сомневаются, что голова у Анубиса собачья и уж никак не шакаля! Ведь в гробницах обнаружены мумии собак, а не шакалов, да и на рисунках фараон охотится с собаками, а не с шакалами, потому что шакалов не удалось приручить. Собачий бог на всех изображениях выглядит совершенно одинаково: острая морда и острые уши. Это скорее символ, нежели изображение реальной породы или вида!

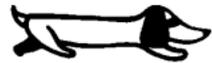
Египтяне знали несколько собачьих пород, но все они очень походили одна на другую. Ученые предполагают, что это может быть салюки, собака у нас в Европе довольно редкая, напоминающая борзую: шерсть шелковистая, морда острая, хотя уши не стоят торчком. Уши торчком — у борзой грейхаунд, родом из Африки, а также у цветной красавицы из Конго — басенжи, где ее использовали главным образом для охоты в зарослях африканского буша. До нас дошли сведения, что она была любима и при дворе фараона, чьи связи с африканцами не могли, естественно, не быть обширными и тесными. И у грейхаунда тоже удлиненная морда и уши торчком. Салюки, о которой мы уже говорили, обнаружена не только в Египте, ее останки найдены также на местах древнейших человеческих поселений. Очевидно, салюки была очень популярна, ведь даже ислам — религия весьма суровая — почитал ее как зверя почти священного. А в Египте бальзамировали вместе с усопшим высокородным господином.

Ну конечно же, это была собака, а не какой-то там шакал! О том, что египтяне действительно любили собак, свидетельствует множество упоминаний в египетской, в общем-то небогатой, литературе. До нас дошло около семидесяти собачьих кличек, иные из них очень красивы, ну, скажем, такие, как Быстроножка, Красивоголов, Хороший сторож... Собаку часто изображали вместе с человеком — то на охоте, то сидящей под стулом, на котором отдыхает ее хозяин. В одном частном письме некий военачальник, живший во времена XI династии, упоминает

...Стыдче доу не кароу-мо

ман забавуеуе доу...

о "постельной собаке, которую любит ее госпожа...". Для солдата такое проявление чувств непривычно искренне!

Собака в египетском обществе, конечно же, выполняла самые различные функции, но самая главная — это то, что она была богом. Любопытно, что бога Анубиса иногда называют Хозяином скота, значит, о древнейшей собачьей профессии египтяне не забыли, несмотря на то что бога, который возится с мертвыми, того же самого Анубиса, величают еще Владыкой святой земли или Владыкой пещер, а так как он участвует также в Последнем суде, называют еще и Считающим сердца. И конечно, Анубис — Мастер пеленания, тут имеется в виду пеленание тел усопших.

И хотя черная шерсть у собак встречается не так уж часто, египетский бог Анубис всегда изображается черным, видимо, этот цвет наиболее подходит для царства мертвых. Анубис всегда считался богом благородным, потому что смерть в Египте тоже считалась явлением возвышенным, а главное, была предметом обширнейшего промысла, какой только можно себе представить. Короче говоря, египтяне жили лишь для того, чтобы умереть, и всю свою жизнь тщательно готовились к смерти. Их загробная жизнь протекала не в раю среди святых, как в христианской религии, но имела все атрибуты жизни земной. Порядочный египтянин жил на этом свете довольно скромно, в домах или дворцах из глины, но, умерев, в соответствии со своим положением обретал каменную гробницу со множеством залов. Подземные захоронения — это огромные

резиденции, и размеры пирамид подчеркивают величие смерти. Пирамида сама по себе колоссальна, но к ней относились еще и храмы, и разные службы, включая специальные лады, на которых покойному надлежит переправиться на тот свет.

Поэтому и собачий бог Анубис не какой-то там завалящий бог, а, по представлению египтян, четвертый сын бога Ра. Более того, позже Анубиса объявляли даже сыном бога Осириса и его сестры Небетхет. Так что, сами понимаете, происходил он из благородного семейства, ибо сестра или дочь обычно становились супругами не только богов, но и фараонов. У богини Небетхет был муж Сутех, который утверждал, будто Небетхет бесплодна, надеясь таким образом избавиться от нее. Чтобы доказать обратное, она напоила допьяна своего брата Осириса и принудила зачать с ней сына. Вот так и появился на свет Анубис. Но в своем собачьем облике он пришелся матушке не по нраву, и она его бросила.

Другая жена Осириса — тоже его сестра — подобрала брошенного песика, вырастила, он стал жить вместе со своим папой и повсюду его сопровождал. Когда Осириса убил Сутех, верный Анубис помог найти его тело и обернул льняными бинтами, пропитанными смолами и маслами, то есть бальзамировал. Потом уже так поступали все. Ибо лишь непоруганное тело могло обрести бессмертие.

Однако бальзамированием дело не кончилось. Погребение в Египте сопровождали многочисленные церемонии. Полагалось не только построить посмертное обиталище,

но и обставить его с пышностью, положить туда пищу, цветы и бальзамированных животных, милых сердцу усопшего. Прежде всего, конечно, собак, кошек и птиц...

Бог Анубис, согласно "Текстам пирамид", участвовал в той части печального обряда, когда в присутствии богов на весы клали сердце покойного и решался вопрос, будет ли пущен умерший в "страну бессмертия", или же за скверное поведение его швырнут жуткому чудовищу — "великой пожирательнице" Амемайт, помеси льва, крокодила и бегемота, в пищу ей шло сердце человека, который не сумел ответить на вопросы, предложенные ему трибуналом богов, и потому осуждался на вечную смерть.

Одна надежда у покойника на бога Анубиса. Уж этот-то не подведет! Не покинет и поможет! Египтяне собак уважали, и даже город Касе в Верхнем Египте получил в их честь прекрасное имя: Собачий город, о чем мы узнали от греческих историков, назы-

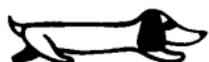
вавших его Кинополь. Ни одно животное, кроме собаки, своего города не имело!

Собака, сопровождающая мертвых, — такое представление уже обнадеживает, и нет ничего удивительного, что греки охотно переняли его у египтян. А так как греческий пес по имени Цербер, что стерег вход на тот свет, был исключительно нехорош собой, греческих мертвецов сопровождал туда непоседливый бог Гермес. И когда греки Птолемеи правили Египтом, они преспокойно соединили своего Гермеса с собачьим египетским богом Анубисом и получили Германубиса.

Любопытно, что представление о собаке, сопровождающей мертвых на последнем, самом тяжком пути, пережило и древних египтян, и древних греков, и христианским церковникам немало пришлось потрудиться, чтобы искоренить из своей религии эти языческие вольности.

Но и это еще не все. Древнему Египту оказалось мало одного собачьего божества, и потому в Верхнем Египте, в Абидосе, крупнейшем месте захоронений, почитали другого собачьего бога, по имени Хентиamenti, что в переводе означает "Ведущий мертвых с Запада". Это был бог древний, сохранившийся, видимо, со времен еще доисторических, и позднее его культ слился с культом бога Анубиса. Ему было доверено самое старое кладбище в Египте, где находились также гробницы символические, как, например, гробница бога Осириса.

Короче говоря, собаку никогда не считали обыкновенным животным, ее общение с человеком было настолько тесным, что

человек даже выделил ей особое место в своих поверьях.

И, руку на сердце, уважаемый читатель, ведь смерть и по сей день событие не пустячное еще потому, наверное, что она абсолютно объективна и справедлива и никому не дает ни исключения, ни поблажки. Чего только не делает человек, чтобы хоть как-то смириться с ней, где шуткой, где плачем, а бывает, бравадой. И потому не так уж плоха идея, чтобы в наш последний час за нами пришла любимая собака, поглядела своими умными глазами, взяла за руку и повела через "долину теней страшной смерти".

Если рядом с человеком идет собака, путь уже не кажется таким безнадежно одиноким. Вот в этом-то, видимо, все дело...

Обреченный на гибель сын фараона (Египетская сказка)

Рассказывают, будто некогда в землях египетских жил фараон, у которого не было наследника. И обратился он с молитвой к богам своего времени, и они определили, что у него родится сын. Когда миновали дни и прошли месяцы и сын уже был, явились семь хатхор — семь пророчиц — и предсказали, что сын фараона погибнет от крокодила, или змеи, или собаки.

Их пророчество слышали слуги, которые неотлучно находились при младенце, и донесли о том фараону, да будет он долго жив, славен и могуч. И опечалился фараон в сердце своем и повелел — да будет он долго жив, славен и могуч — возвести для сына в

пустыне, вдали от людей, каменный дворец и послал с ним туда верного слугу и всякую драгоценную утварь. И приказал он также, чтобы мальчик постоянно пребывал в том дворце и никуда за его пределы не выходил.

Когда сын фараона подрос, он поднялся однажды на крышу своего дворца и увидел человека, за которым бежала собака. И спросил сын фараона слугу, что это за зверь.

И слуга ответил:

— Это собака!

Тогда мальчик сказал:

— Приведите и мне такую.

Слуга отправился к фараону — да будет он долго жив, славен и могуч — и рассказал, чего возжелал его сын. И отвечивал фараон — да будет он долго жив, славен и могуч:

— Пускай принесут ему малого щенка, я не хочу, чтобы мальчик печалился.

И мальчику принесли щенка.

Прошло много дней, мальчик стал юношей и послал слугу к своему отцу с великой просьбой:

— Зачем коротать мне дни свои в пустыне? Все равно я осужден на погибель, ведь надо мной тяготеет тройное проклятие. Позволь мне жить, как я того желаю, покуда бог не исполнит своего предназначения.

И юноше дали повозку и множество утвари и оружия и переправили на другой берег Нила, сказав:

— Ступай, куда сам пожелаешь.

И поехал сын фараона, куда хотел сам. И собака шла за ним. Они миновали пустыню, кормясь тем, что смогли добыть, и добрались наконец до земель властелина Нахарины.

У Нахарины не было детей, только дочь, и для нее построили высокую башню с окнами о семидесяти локтей над землей. Когда подошло время, Нахарина призвал к себе во дворец сыновей сирийской знати и объявил:

— Тот из вас, кто допрыгнет до окна башни, где живет моя красавица дочь, получит ее в жены.

Долго пытались сыновья знатных сирийцев достичь заветного окна, но тщетно.

Молодой сын фараона ехал мимо. Его приняли, омыли ноги, дали есть и пить, подлечили ссадины, после чего спросили:

— Откуда ты прибыл к нам, прекрасный юноша?

И он ответил:

— Я сын военачальника и прибыл сюда из земель египетских. Моя мать умерла, а мачеха невзлюбила, и потому я оттуда бежал.

Его приняли и обласкали.

Тогда сын фараона спросил молодых людей:

— Что вы тут делаете?

И они ответили:

— Уже три месяца мы пытаемся достигнуть окна, за которым живет дочь властелина Нахарины, потому что тот, кто до него допрыгнет, получит ее в жены.

— Если б у меня не болели ноги, — сказал сын фараона, — я бы тоже попытался сделать это.

Он стоял в стороне и смотрел. Но его заметила из окна дочь Нахарины, и глаза ее остановились на нем с любовью.

Тогда сын фараона присоединился к знатым юношам. Он прыгнул и сразу же достиг

окна. Красивая девушка обняла его и поцеловала.

Об этом узнал правитель Нахарина и сделался мрачен.

— Не стану же я отдавать свою дочь неизвестному бродяге из земель египетских! Пусть убирается прочь!

И сыну фараона сообщили волю правителя. Услышав такое, девушка вскричала:

— Заклинаю вечным богом Ра! Если его выдворят отсюда, я откажусь от еды и питья и умру!

Тогда Нахарина послал своих людей убить юношу.

Но дочь Нахарины вскричала:

— Заклинаю вечным богом Ра! Если его убьют, я тоже умру до заката солнца. Я не переживу его ни на одну минуту.

И Нахарине пришлось призвать к себе юношу и дочь свою. Нахарина обнял юношу, дал ему дом и уголья и много скота. И была свадьба.

— Судьбой определено мне погибнуть от крокодила, или змеи, или собаки, — сказал сын фараона своей жене.

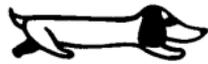
И молодая жена отвечала:

— Тогда вели убить свою собаку!

— Нет, этого я не сделаю, — ответил принц, — ведь она живет у меня с самого детства и никогда не покидает меня. Я ее вырастил!

И решила жена приглядывать за мужем, чтобы уберечь от злого рока.

Никто не знал, однако, что с того самого дня, когда сын фараона покинул земли египетские, за ним неотступно следовал крокодил, назначенный ему судьбой, и следил за

ним. Крокодил поселился в реке неподалеку от города, где жил теперь сын фараона со своей женой. Но в той же самой реке обитал Дух вод, который не давал крокодилу выйти на берег. Как только вставало солнце, соперники вступали в борьбу. Так продолжалось долго.

Однажды молодой сын фараона весь день пировал в своем доме, а вечером, утомившись, заснул на ложе, и сон ослабил его тело. Увидев это, молодая жена наполнила две чаши — одну вином, а другую пивом — и поставила возле его ложа.

Ночью в комнату приползла змея и намерилась ужалить сына фараона. Однако жена не спала. Она видела, как змея выпила обе чаши, после чего, опьянев, растянулась на земле. Тогда жена взяла палку и убила змею. А потом разбудила своего мужа и сказала:

— Смотри, твой бог снял с тебя одно из трех проклятий. Увидишь, он убережет тебя и от тех двух, что остались.

Обрадовался сын фараона и принес жертву богу Ра и восхвалял его много дней.

Через какое-то время сын фараона поехал осматривать свои владения, но жена ехать с ним не смогла. И сопровождала его одна лишь верная собака.

По дороге сказала собака сыну фараона человеческим голосом:

— Я твоя судьба!

Молодой человек испугался и убежал. Он добрался до реки, полагая переплыть через нее, чтобы скрыться от собаки, и тут его схватил крокодил.

Крокодил затащил принца туда, где обитал Дух вод, и сказал:

— Я твоя судьба! Я слежу за тобой неотступно и вот уже три месяца сражаюсь с Духом вод. Но если ты вступишь с ним в бой, когда он вернется, я отпущу тебя. Хочешь спастись от меня — убей Духа вод! Ты убоялся собаки, так погляди на крокодила!

На другой день, когда землю опять осветило солнце, вернулся Дух вод...

На этих словах папирус обрывается... В котором тысячелетии была написана эта сказка? Каков же ее конец?

Некоторые египтологи считают, что причиной гибели фараонова сына по законам рока окажется все-таки верная собака. И наш поэт Юлиус Зейер*, писавший об этой сказке, с ним согласен.

Основоположник чешской египтологии академик Франтишек Лекса трактует сказку совершенно иначе. Он, по всей вероятности, не только знаток древнеегипетского, но хорошо разбирается в собачьей натуре. Сын фараона, считает он, преодолев все невзгоды и препятствия, возвратился домой и предстал перед своей женой как будущий фараон. Они жили счастливо, пока герой сказки не умер с горя после смерти своей любимой собаки.

Итак, хоть причина и романтична, пророчество хатхор все-таки сбылось.

По нашему же мнению, лучшего конца и быть не может!

*Юлиус Зейер (1841 – 1901) – чешский поэт и писатель, представитель позднего романтизма.

История продолжается в Древнем Иране

Древние иранцы, так же как индусы, принадлежат к тем индо-европейцам, что со своих традиционных мест обитания переместились очень незначительно. Они не перебирались на Запад, как это делали племена греческие, кельтские или древнегерманские, а позже и славянские, но пасли свой стада неподалеку от предполагаемой прародины и были, несомненно, народом пастушеским, что выражено у них намного ярче, нежели у тех арийских народов, которые отправились в Индию. Занятие скотоводством и определило их отношение к собакам. Собака была животным уважаемым и стояла на иерархической лестнице сразу после домашнего скота, составлявшего основное богатство древних иранцев. Ведь собака помогала пасти скот и оберегала людей и стада их от волков.

Мы ведем свой рассказ только о собаках, хотя известно, что древние люди были значительно ближе ко всему миру животных, нежели мы, нынешние. Зверь у жителей степей и гор вызывал не только страх, но был также источником зависти. Потому что обладал теми качествами и свойствами, которыми обделен род человеческий. Человек представлял себе загробную жизнь как страну обетованную, где много всяческих благ и совсем не надо работать, и в мечтах своих видел, что будет благоденствовать в окружении различных, в том числе и хищных, животных, которые там его, естественно, обижать не станут.

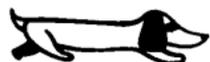
Мечта быть поближе к животным и заключить с ними разумный договор наиболее ярко расцветает в Индии, где строжайше запрещено убивать все живое.

Древние иранцы не были столь бескорыстны и благородны, они отлично знали, какие животные приносят человеку пользу, а какие — вред, и свои отношения строили именно на этом. Вредными считались звери, угрожавшие людям и их имуществу. Не только волк, лев, тигр, но и змея. Змея — в первую голову, потому что она опаснее всех. Люди ненавидели ее, боялись и уничтожали, как могли. Именно по этой причине иранцы так почитали ежа — истребителя змей. И если кто-то возразит, что ведь и змею-хозяйку тоже кое-где почитали, я отвечу — это лишь еще одно доказательство человеческой изворотливости и коварства. Просто люди пробовали обходиться со змеей и так и эдак, и похорошему и по-плохому...

Не станем посему удивляться, что собака заняла в Древнем Иране столь высокое положение и что о ней мы можем прочесть в священнойнейшей из священных книг Древней Персии — Авесте, где на вопросы Заратустры, касающиеся собаки, отвечает сам Господь Премудрый — бог добра и света Ахура Мазда.

Всем, кто любит собак, и больших и маленьких, следует знать слова, что донесла до нас древняя Авеста, и тогда сердца их возрадуются.

В разделе под названием Видевдат собаке уделено большое внимание, в то время как о скоте говорится в книге Гаты. Скот, очевидно, составлял основную часть иму-

щества, и не случайно в брахманской Индии корова и по сей день считается священным животным. Иранцы, однако, оказались намного практичнее, нежели погрузившиеся в философские размышления индусы. И хотя корова была их главной кормилицей, богиню из коровы все-таки делать не стали. Из собаки тоже не сделали бога, зато создали целую науку о разведении собак и, более того, строго следили, чтобы с собаками обходились по-человечески. Иранцы знали несколько пород собак: пастушью, сторожевую, охотничью, но иногда мы обнаруживаем у них названия собачьих пород, которые ученые по сей день не могут распознать.

Представьте себе, к собакам тогда причисляли также ежа и дикобраза — потому, вероятно, что эти оснащенные иглами звери истребляли змей лучше, чем собаки, и потому заслуживали еще большего уважения. Ежика называли "пугливая собака с острой мордочкой".

Обязанностью собаки было не только сторожить дом и стадо. Собака принадлежала к тем животным, которым поклонники Заратустры отдавали дань особого уважения еще и потому, что она вместе со стервятниками и прочими хищными птицами избавляла их от разлагающихся трупов, которые тогда складывали в специальных башнях в стороне от мира живых. Быть сожранной собакой или голодным грифом считалось счастливым концом. Кому-нибудь это покажется ужасным, но дело-то скорее в нашей точке зрения, нежели в реальном факте. Впрочем, когда в далеком Китае знамени-

тый философ Чжуан-Цзы* завещал своим ученикам положить его останки к подножию горы, те в отчаянии принялись отговаривать учителя, на что мудрец, усмехнувшись, сказал:

— Почему вы так нетерпимы? Какая разница, послужу ли я после смерти пищей грифам и псам или земляным червям?

Древние огнепоклонники дошли до этой мудрости своим путем. Кроме того, они были убеждены, что собака в смерти человека играет важную роль. Умершего показывали собакам даже с некоторой, можно сказать, торжественностью: приводили пса, у которого шерсть на бугорках над глазами отличалась цветом от остальной. Впрочем, такая она у большинства собак, но древние верили, будто у этой собаки четыре глаза. Довольно прозрачный намек, ведь в Древней Индии у бога Ямы — владыки царства мертвых — был четырехглазый пес!

Такая четырехглазая собака, взглянув на усопшего, якобы магической силой отгоняет от него злую муху, прилетевшую к человеку с далекого Севера в смертный час. На самом деле это не муха, а злая ведьма, которая хочет покойника украсть. Взгляд собаки отпугивает муху и дает возможность умершему, оставившему на земле лишь свое брненное тело, спокойно перейти через мост Чинват на другой берег, где он будет перевоплощаться дальше. Этот мост, конечно же, сторожат собаки.

*Чжуан-Цзы (ок. 369 – 286 до н. э.) — один из основоположников даосизма. Противник насилия человека над природой.

Значит, у собаки есть душа, которая после ее смерти уходит к источникам вод, и здесь — что за странная выдумка! — тысяча душ кобельков и тысяча душ сучек превращаются в парочку выдр и начинают жить в воде! На чем зиждется столь буйная фантазия? Видимо, древний человек с великим уважением наблюдал за существом, у которого хоть и есть шерсть, но оно, подобно рыбе, живет в воде и питается тем, что дает вода. А так как вода считалась священной — ведь воды в этой стране всегда не хватало, — то всякого, кто в ней обитает — пусть то будет рыба, рак или лягушка, — они считали существом исключительным. Факт, что выдра была известна всем индоевропейцам, доказывает ее имя. Слово "выдра" прямо перекликается с греческим "гибра" — водяное чудовище, на древнеперсидском ее называли "удра", а на древнегерманском — "оттар".

Про собаку с убежденностью говорят, будто она умеет отличить добро от зла. А так как древнеиранская религия признавала лишь два этих принципа: добро и зло — выбирай, человек, любое, — то собачья способность распознавать, что хорошо и что плохо, ценилась весьма высоко. Впрочем, каждый, у кого есть собака, подтвердит, что этого качества собаки не утратили по сей день. Быть может, это одна из причин, почему мы так неравнодушны к собакам.

Но волка — зверя, которого многие народы считают как бы двоюродным братцем пса, — в Древнем Иране находили исключительно вредным и злым. И даже священную Авесту, сторонницу добра, когда речь идет о волке, охватывает прямо-таки маниа-

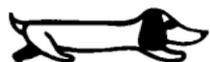
кальная жажда убийства. Авеста утверждает, что волка необходимо уничтожать неустанно и повсюду... Волк, несомненно, наносил стадам большой урон, а ведь человека скот кормил. Такого *homo sapiens* никогда не прощает...

Ну а другие индоевропейские народы?

От древних германцев, как, пожалуй, и от древних славян, мы о собаках узнали немного. Скот уже не был главным источником пропитания. Человек становится оседлым. А земледelec и оседлый скотовод видят в собаке, скорее, сторожа, призванного охранять его дом. Собаку уже не обожествляют. И когда древнегерманский бог войны Водан, известный также под именем Один, мчится со своей дружиной по свету, то его сопровождают звери и те, кому привольно живетcя на поле брани: волки и вороны...

Тем не менее собака — существо, любимое человеком, и у древних германцев ее тоже хоронят вместе с хозяином, так же как в иных местах коня или других милых ему животных. Вот почему мы находим в германских погребениях скелеты собак, а также соколов и кошек.

И таинственный народ скифы, о происхождении которых наука пока еще ничего определенного не сказала, эти жестокие варвары, столкнувшиеся с древними греками в степях за Черным морем и Каспием, тоже были народом пастухов и коневодов. И неудивительно, если в захоронениях племенных вождей кроме убитых рабов мы обнаруживаем убитого коня. И собак! На берегу реки Салгир, вблизи нынешнего Симферополя,

стоял некогда большой скифский город, здесь в мавзолее вождя, в самом центре, была похоронена его любимая собака.

Не было народа, который оказался бы столь диким, чтобы в душе его не нашлось местечка для собаки. И это облагораживает и варваров, и собак.

О чем повествует священная Авеста

О Создатель этого мира! О Великий! Что это за существо, которое принадлежит к благому духу среди всех тех, кого этот дух творит, и которое от утренней зари и до восхода солнца кидается на тысячи тварей, принадлежащих духу злому?

И сказал Ахура Мазда: это пугливый пес с острой мордой, называемый ванхапара, которого люди зовут дужака, это существо, принадлежащее благому духу между всеми, которых этот дух сотворил, и потому от брезжущего рассвета до восхода солнца кидается она на тысячи тварей, принадлежащих духу злому. И кто убьет, о Заратустра, этого пугливого пса с острой мордой, ванхапару, которого люди прозывают дужака, тот причинит вред своей душе до девятого колена, и его потомки не перейдут через мост Чинват, покуда тот, кто его убил, не искупит своего проступка.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то убьет пугливого пса с острой мордой, ванхапару, которого люди называют дужака, каков штраф за такой проступок? И сказал Ахура Мазда: определено тому 1000

ударов кнутом и столько же плетью. А если кто убьет собаку пастушью, собаку сторожевую или собаку охотничью или такую, которая умеет многое, то душа его перейдет в свою будущую жизнь с великим плачем и стонами большими, нежели их испускает волк, попав в глубокую яму. Даже в смертный час никто не поможет ему, хотя он будет плакать и рыдать, и даже псы, стерегущие мост Чинват, не помогут ему, хотя он будет плакать и рыдать от страха и боли. Если кто-то нанесет пастушьей собаке колотую рану, или надорвет ей ухо, или отрежет ногу, а вор или волк незамеченным унесет у другого часть имущества, тот, кто обидел собаку, ответит за нанесенный ущерб. Искалечив же собаку, ответит штрафом, положенным за умышленное увечье.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то ударил пастушью собаку и лишил ее способности сторожить и нанес ущерб ее жизненной силе, какое наказание понесет он за такой проступок?

И сказал Ахура Mazda: определено тому 800 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то ударил сторожевую собаку и лишил ее способности сторожить и нанес ущерб ее жизненной силе, какое наказание понесет он за такой проступок?

И сказал Ахура Mazda: определено тому 700 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то ударил охотничьего пса и лишил его способности внимать и нанес ущерб его жизненной силе, каково наказание за такой проступок?

И сказал Ахура Мазда: определено тому 600 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то ударил молодую собаку и лишил ее способности внимать и нарушил ее жизненную силу, какое наказание определено ему за такой проступок?

И сказал Ахура Мазда: определено тому 500 ударов кнутом и столько же плетью. Таково наказание за яжаву, визуше, урупая с сильной челюстью, за раопая! Это наказание за всех животных, принадлежащих к собачьему племени, созданных благим духом, исключая выдру, которая живет в воде.

О Создатель этого мира! О Великий! Если кто-то вынуждает пастушью собаку страдать от недостатка пищи, сколь велика вина такого человека?

И сказал Ахура Мазда: столь велика, как если б он заставил страдать от голода хозяина большого дома.

О Создатель этого мира! О Великий! Сколь велика вина человека, заставившего страдать от недостатка пищи сторожевую собаку?

И сказал Ахура Мазда: столь же велика, как если б он заставил страдать от голода хозяина дома средней величины.

О Создатель этого мира! О Великий! Сколь велика вина человека, заставившего страдать от недостатка пищи охотничью собаку?

И сказал Ахура Мазда: столь же велика, как если б он заставил страдать от голода правоверного мужчину, обладающего знаками жреческой власти, который вступил в его дом.

О Создатель этого мира! О Великий! Каково прегрешение человека, заставляющего страдать молодую собаку от недостатка пищи?

И сказал Ахура Мазда: столь же великое, как если бы он заставил страдать от голода деревенского ребенка, который находится у него в услужении.

О Создатель этого мира! О Великий! Каково наказание тому, кто заставляет страдать от голода пастушью собаку?

И сказал Ахура Мазда: за это определено ему 200 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Каково наказание тому, кто заставляет страдать от голода сторожевую собаку?

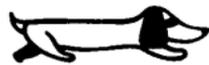
И сказал Ахура Мазда: определено ему за это 90 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Каково наказание тому, кто заставляет страдать от голода охотничью собаку?

И сказал Ахура Мазда: определено ему за это 70 ударов кнутом и столько же плетью.

О Создатель этого мира! О Великий! Каково наказание тому, кто заставит страдать от голода молодую собаку?

И сказал Ахура Мазда: определено ему за это 50 ударов кнутом и столько же плетью. Ибо всякий голод, о великий Заратустра, приводит тварей, созданных благим духом в этом насущном мире, к болезням, и прежде всего собак, ведь собаки, не имеющие еды, стоят подле того, кто ест, и глядят на него со стороны, но им ничего не перепадает. Пускай человек прикажет принести

собакам молока, жира и мяса, ибо и для них это подходящая пища.

О Создатель этого мира! О Великий! Если в доме верующего собака не лает, но кусает, потому что потеряла рассудок, что должен делать правоверный?

И сказал Ахура Мазда: он должен прикрепить собаке на шею кусок дерева и засунуть его в пасть так, чтобы сделать ее безопасной, чтобы такая собака, которая укусит, не залаяв, не могла поранить овцу или человека. За ущерб же пускай она понесет наказание, определенное всем за умышленное нанесение ран. Если сделает так в первый раз, то пусть ей отрежут правое ухо. Если во второй, пусть ей отрежут левое ухо, если в третий, пусть ей отрубят левую ногу, если в четвертый, пусть ей отрубят правую ногу, но если в пятый, пусть ей отрубят хвост.

О Создатель этого мира! О Великий! Если в доме верующего собака не совладеет со своими инстинктами и совсем потеряет рассудок, как должен поступить правоверный?

И сказал Ахура Мазда: для нее следует искать лекарство, как для любого верующего человека.

О Создатель этого мира! О Великий! Если, невзирая на все поиски, такого лекарства не найдется, что должны делать почитающие Мазду?

И сказал Ахура Мазда: они должны прикрепить собаке кусок дерева на шею и сделать ее безопасной, иначе та, которая больше не владеет своими инстинктами, может свалиться в яму, или в колодец, или в расщелину среди скал, или в быстро бегущую

воду и погибнуть. Ибо знай, о Заратустра, что я, Ахура Мазда, дал собаке одежду и обул ее, я создал ее сторожкой и злобной, чтобы она охраняла тех, кто дает человеку пищу, и, покуда собака способна лаять, ни воры, ни волки не унесут ничего со двора его. Но волков, этих зверей со слюнявой пастью, надлежит убивать, истреблять и уничтожать.

О Создатель этого мира! О Великий! Кого из помета волка с собакой следует истреблять прежде: того, которого сплодил пес с волчицей, или того, которого сплодил волк с сукой?

И сказал Ахура Мазда: истребить нужно прежде всего того, которого сплодил пес с волчицей, и потом того, которого сплодил волк с сукой. Ибо из первого помета пойдут собаки более опасные для дома и двора, нежели кроткая собака. А из другого пойдут волки более опасные для дома и двора, нежели сами волки. Собаку же по повадкам можно определить восьмикратно: она подобна служителю бога, воину, скотоводу, батраку, вору, ночному хищнику, потаскухе, ребенку. Пищу принимает, как служитель бога, удовлетворяясь ею быстро, как служитель бога, довольствуется пищей скудной, как служитель бога, и держит себя, как служитель бога. Она, как воин, следует за теми, кто идет впереди, кидается на благодушный скот, как воин, и ведет себя, как воин. Она сторожка, и сон ее неглубок, как у того, кто разводит скот, и ведет себя, как тот, кто владеет скотом. Она услужлива, как батрак, мстительна, как батрак, и ведет себя, как батрак. Темноту любит, как вор, в согла-

сии с ночью, как вор, и лезет, как вор, без размышления, она ненадежна, как вор, и ведет себя, как вор. Темноту любит, как ночной хищник, и ведет себя, как ночной хищник. Готова на все, как потаскуха, мстительна, как потаскуха, гадит на дорогах, как потаскуха, и ведет себя, как потаскуха. Сонлива, как ребенок, слюнява, как ребенок, высовывает язык, как ребенок, бегаёт вокруг тех, кто идет впереди, как ребенок, и ведет себя, как ребенок.

Если собака подошла к дому, не следует мешать ей войти, ибо не стоял бы так прочно дом на земле, которую создал благой бог, если б не было на свете собаки.

О Создатель этого мира! О Великий! Но собака умирает, и, состарившись, не отрабатывает своего хлеба, и семя ее иссыхает, и покидает чутье! Что тогда?

И сказал Ахура Mazda: тогда собака уйдет к источникам вод, о Заратустра. И в тех водах водятся две живущие в воде выдры. Из душ тысячи собачьих самок и тысячи собачьих самцов родится пара выдр: самка и самец. И тот, кто убьет выдру, навлечет голодную засуху, и от тех мест, о Заратустра, отвернутся счастье и изобилие, здоровье и удача, и пресекутся всходы хлебов и трав.

О Создатель этого мира! О Великий! Когда же снова вернуться туда счастье и изобилие, здоровье и удача, станут расти травы и всходить хлеба и злаки?

Не ранее, о Заратустра, чем тот, кто убил выдру, сам падет от удара, а верующие не возьмутся три дня и три ночи почитать душу выдры при неугасимом огне. Лишь тогда

вернутся счастье и изобилие, здоровье и удача, начнут расти травы и взойдут хлеба и злаки.

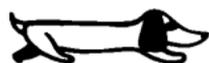
Древняя Индия

Мы уже растолковали любезному читателю, как заключили свой прекрасный союз человек и собака, сослались на клинопись, на древнеперсидскую Авесту, чтоб доказать, сколь стара эта история, вспомнили даже Египет.

Однако нет на свете ничего ни достаточно древнего, ни давнего, а также нелепого.

В Древней Индии официальная брахманская религия считала собаку нечистым животным. Но как объяснить многочисленные упоминания о собаках как образах мифических? Ведь именно собака сопровождала Кандобу — древнейшее божество исконных жителей Индии, населявших ее задолго до того, как в страну с севера пришли рослые арийцы (кстати, арийцы означает "господа") и захватили всю огромную территорию, завели свои порядки, навязали свои взгляды, оттеснив коренных жителей в глубь страны, в непроходимые джунгли.

Очевидно, новые хозяева переняли у исконного населения кое-какие верования и перенесли их в свою религию. Древнего бога Кандобу изображали с собачьей головой, и происходил он от собаки. Во время торжественных церемоний в его храмах служители лаяли по-собачьи, а верующие, пришедшие ему поклониться, делали вид, будто кормят их костями в память о великом со-

бачьем предке. Более того, считалось, что бесплодная женщина, послужив какое-то время в таком храме, непременно родит ребенка. Видимо, храмовые священнослужители умели не только лаять! Собаку, как утверждают ученые книги, еще и сейчас в некоторых частях Бомбея почитают как друга самого бога Шивы. В Бенаресе есть храм, там верховодит божок, вернее, демон Котвал, которого сопровождает невидимая собака. А кондитеры, проживающие вблизи храма, выпекают сахарные фигурки собак. Набожные матери покупают их своим детям не только полакомиться, но и как талисман, на счастье.

И даже в Упанишадах* — этом сгустке мудрости — имеется целая собачья литургия, а четыре пса Даттатрея вроде бы считаются воплощением четырех Вед.

У философа и ученого Бадараяны была собака, она всегда бежала впереди него, танцевала и держала миску, выпрашивая для своего хозяина — аскета — еду и питье.

Древний индийский герой, который, подобно греческому Прометею, принес людям огонь, был, естественно, благородного и высокого происхождения — мать его была сукой.

А из Ригведы мы узнаем, что бога солнца Сираму поэтично называли "божественная собака". Бог Индра, один из величайших богов, держал при себе сучку, по имени Сарамы, она прославилась тем, что навела бога Индру

*Упанишады — заключительная часть Вед, основа всех религиозно-философских систем Индии. Практически подчинена целям достижения духовного освобождения.

на след коров, которых злая богиня Пани у него похитила. В ответ же на подобное злодеяние бог Индра получил моральное право убить Пани. Хоть и был Индра всемогущим богом, но не обладал столь острым нюхом, как его собака Сарам! Ну разве это не комплимент собачьим талантам?!

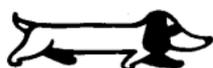
Бог индийского загробного царства Яма тоже завел себе собак, и они стали охранять вход на тот свет. Эти прямые потомки Сарамы были четырехглазыми. Если вспомнить, что греческие мифы тоже упоминают о собачьем боге — страже загробного мира, то нам остается лишь удивляться, как это древние ухитрились передавать друг другу плоды своих фантазий, ведь ни одна нелепость не оказалась достаточно нелепой, чтобы ее тут же не переняли и не передали дальше, получая при этом великое удовольствие.

В Индии на собаку взвалили множество всяческих дел, касавшихся погребения.

В некоторых краях перед погребением покойника показывали собакам, ведь бродячие, бездомные псы пожирали останки людей и животных, которые валялись вокруг людских селений.

Впрочем, мудрец Васиштха сложил даже поэтический гимн собаке, чтобы таким образом обеспечить себе место в раю.

И нет ничего странного, что некоторые индийские семьи держали собаку как животное, символически принадлежащее всему роду. Ведь когда-то животные были тотемные и давали имя целому роду. Об этом имеются упоминания еще в древней "Махабхарате", где "куккура" и есть именно такое тотемное имя собаки. И еще. В санскрите имеется сло-

во "куккута", но оно означает "петух". И следует заметить, у этих двух животных не только схожие названия. Уже у иранцев они считались священными. У индийцев их родство сохранилось лишь в области языковой. Оба — и петух, и собака — приветствуют наступающий день; петух предвещает приход утра и конец владычества ночи, а значит, и власти ночных демонов. Крик петуха освобождает человека, попавшего во власть темных сил. Подобная же роль отводилась собаке, чей лай нравился человеку — в отличие от всех остальных существ, которых лай этот пугал. Человек уже понял, что лай собаки оберегает его от опасности.

Итак, хотя в Индии все-таки побеждает мнение, будто собака зверь недобрый, это не мешает, однако, собакам-избранницам общаться с богами и быть любимицами великих философов.

Впрочем, мрачная судьба собачьих стай на улицах индийских городов подобна судьбе бездомных бродяг, не имеющих крова над головой. И те и другие влачат жалкое существование, они — изгои общества, которое делает вид, будто их вовсе нет.

Бездомные собаки и бездомные люди — вот оно зеркало, отражающее истинное лицо мира богатых.

Как собака стала собакой (Древнеиндийская сказка)

В давние времена в непроходимых джунглях джунглей жил мудрый отшельник, который питался лесными плодами и пил чи-

стю родниковую воду. И потому, что содержал он себя в такой строгости, все обитатели леса уважали его и по вечерам собирались возле его хижины. Посидят, поспрашивают, здоров ли, и снова разойдутся, каждый своей дорогой, по густым зарослям. Хаживали к его порогу и лев, и тигр, и леопард, и медведь, и даже могучий слон.

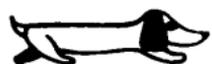
В тех джунглях жила и собака, она не щерила зубы, не лаяла, не рычала, не преследовала зайцев и не вспугивала кур, а спокойно сидела на лугу и щипала цветы и травы, но охотнее всего вертелась возле отшельника. Добрый человек полюбил собаку, и собака привязалась к человеку. Так и жили они в мире и согласии. Однажды явилась к хижине отшельника черная пантера. Она щерила зубы, облизывала пасть языком и хлестала себя хвостом по бокам. Ее злобные глаза кровожадно вперились в собаку, и собака испугалась, решив, что ей пришел конец. Поджав хвост, она бросилась к отшельнику.

— Святой отец, помоги мне! Иначе пантера сожрет меня! У нее такой грозный вид! Отшельник улыбнулся:

— Делай то же самое, что она. Не убегай, бей себя хвостом, щерь зубы, высовывай язык и притворяйся, будто собираешься ее сожрать.

Собака так и поступила, пантера испугалась и бросилась наутек.

Через какое-то время к хижине явился свирепый лев. Увидал собаку, которая ела цветочки, и решил, что неплохо бы полакомиться ею на ужин. Шерсть у льва встала дыбом, он страшно рычал, бил себя хвостом и готовился прыгнуть.

Собака испугалась и позвала на помощь отшельника.

— Глупышка! Я ведь дал тебе однажды совет. Держись, как он! Шерсть на загривке дыбом! Рычи и бей хвостом. Тогда лев не осмелится обидеть тебя.

Собака сделала, как велел отшельник, и лев, решив, что она его роду-племени, счел за благо удалиться.

Мудрый отшельник радовался, что дал своей любимице хороший совет. Однако, как известно, радоваться прежде времени не следует.

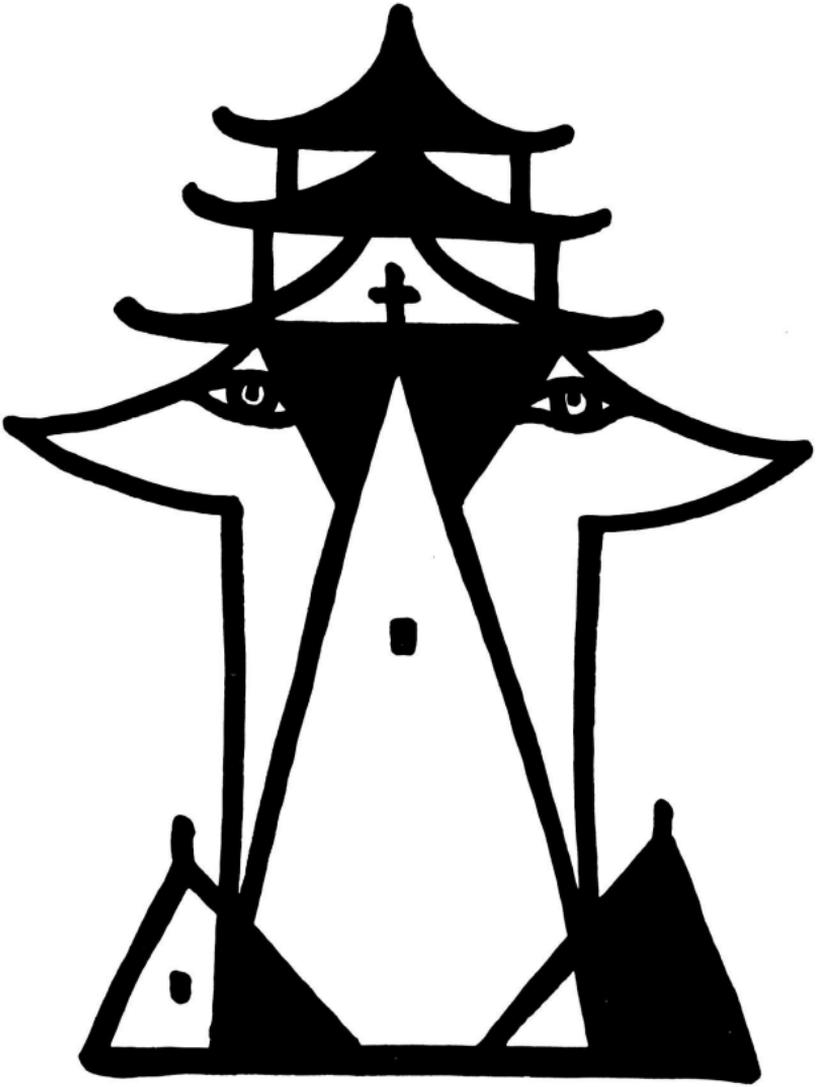
Собака возгордилась, что даже лев ее боится, и стала на всех лаять, рычать и скалить зубы. Животные теперь боялись ее, а она их преследовала. И нагоняла страх! Добродушное создание, которое питалось травой и цветами, превратилось в настоящую собаку, и звери теперь спасались от нее бегством. Кролики, зайцы и куры стали на собаку жаловаться.

И отшельнику пришлось посадить собаку на привязь. Так с тех пор и ведется.

История шагает на Восток

Около тысячи лет до нашего летосчисления в Китае правила династия Чжоу, и мы можем увидеть первые изображения китайской собаки на бронзовой вазе той поры. Мы ничуть не сомневаемся, что когда-нибудь обнаружат еще более древние изображения.

За полтысячелетия до нашей эры в "Книге обрядов" — "Ли-Ци" было сказано, что со-

бака есть зверь, который отлично стережет и безошибочно определяет нрав и умыслы людей. Собака, говорится далее в этой "Книге", не останется с тем, кто не такой, каким старается казаться, а только притворяется. И потому древние китайцы брали с собой собаку, когда отправлялись на пиршества, чтобы она охраняла их от неискренних и назойливых и тех, кто пожелал бы использовать во зло, что ее хозяин позволил себе выпить лишнее. Верный песик, очевидно, был своего рода порукой, что упившийся хозяин попадет именно к себе домой.

Миниатюрные фигурки собак резали из жадеита, скорее всего, в начале нашей эры, и они, надо полагать, служили амулетами. Фигурки эти — самые младшие в ряду находок, а ведь им уже две тысячи лет!

Впрочем, отношение китайцев к собаке было противоречивым, и не только потому, что собака была почитаема, а по улицам бегали стаи ее бездомных собратьев, но еще и потому, что мясо собак употребляли в пищу. Более того, оно считалось деликатесом.

Придется добавить, что не только на Древнем Востоке были, но и сейчас в центре Европы имеются, с позволения сказать, гурманы, считающие, увы, мясо собаки непревзойденным лакомством; а собачий жир служил когда-то испытанным средством при легочных недугах. Стоит ли удивляться, что в чешской газете в 1938 году появилось объявление, что в некоторых шахтерских поселках около города Мост открыта торговля собачатиной. При растущей безработице это было единственное мясо, доступное беднейшим из бедных... Жизнь, как видим, в ко-

торый уж раз столкнула стаи бродячих псов и голодных людей...

В Монголии собак хоть и не ели, но разводили ради шкур и меха. Невелика разница!

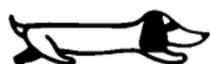
В Китае вывели породу собак, названную просто "желтая" — хуангоу. У нее вытянутая морда, немного похожая на морду шпица, цвет желто-коричневый, иногда более темный, уши торчком, шерсть жесткая.

По китайским гороскопам Собака относится к "Двенадцати небесным ветвям" и к "Шести домашним животным". Люди, рожденные под созвездием Пса, верные и преданные.

В Древнем Китае верили, будто Небесная Собака пожирает детей землян, и потому в женских спальнях вешали изображение Небожителя, который, целясь в Собаку, прогоняет ее, и тогда внизу, на земле, появляется на свет множество детей. Если женщина станет почаще взглядывать на его изображение, у нее родится ребенок, которого Небожитель спас от Собаки.

Но вместе с тем появление собаки в доме предвещало деньги и добрые вести. Очень возможно, такую приметку выдумал какой-нибудь философ — он просто жалел собак, которых люди гнали от своих жилищ камнями.

Почти так же, как китайцы, в те древние времена относились к собакам и японцы — и почитали, и преследовали. Что же касается гороскопов, японцы, родившиеся под знаком Пса, считались людьми преданными, но не слишком удачливыми. Рядом с такими непременно должен находиться энергичный спутник и советчик. Поэтому им рекомен-

дуются брать в жены решительных женщин. Уж она-то быстро отобьет охоту водить компанию с нерадивыми дружками, что вечно липнут к бесхарактерным!

За свою историю собака в Японии претерпела лихие времена. Но случались и времена славные. Самая прекрасная пора наступила для собаки в эпоху владычества пятого сёгуна Токугавы, который в 1687 году издал закон, повелевающий всем подданным обращаться с собакой хорошо и ласково. Ведь сам сёгун родился в год Собаки. Правитель он был жестокий, с таким шутики плохи: не внявший его закону и обижающий собаку или не проявляющий к ней должного пиетета карался заточением или изгнанием, а то и смертной казнью.

Более того, этот самый сёгун Токугава ввел собачий налог, деньги от которого шли на прибежища для бездомных собак. Сразу же после смерти сёгуна верные подданные, естественно, постарались как можно быстрее ликвидировать этот закон, и — представьте — из заточения вышло 12 659 человек! Все они сидели в темницах за прегрешения против собак!

Столь двойственное отношение к собакам, характерное для стран Востока, видимо, факт не только истории. Не так давно, лет десять назад, в мире вспыхнуло яростное движение протеста против жестокого обращения с собаками в Японии.

Толчок был дан — кем же? Ну конечно, английским клубом собаководов, членов которого крайне обеспокоило тревожное сообщение о том, что в Японии тиранят собак, забивают палками насмерть и травят стрих-

нином. Более того, возмущенные лорды решили ввести эмбарго на вывоз собак в Японию. Впрочем, все вышесказанное отнюдь не означает, что японцы в отношении собачьего племени проявляют себя патологически извергами. Наоборот! Собак в Японии великое множество, имеются здесь и свои собственные редкие породы, в моде также европейские собаки, приобретенные за солидные суммы, потому что в Японии держать дорогую собаку считается престижным. Более того, в Японии имеются древнейшие записи собачьих родословных, и "Книге записей", как утверждают, уже пятьсот лет!

Японские породы собак необычны. Пес акита, к примеру, красивый и сильный, его издревле используют для охоты. У одного из токийских вокзалов даже стоит памятник собаке. Японцы не разрешили снести его, хотя он мешает все более оживленному уличному движению, потому что судьба этой собаки тронула их сердца: каждый день она ждала тут своего хозяина, врача д-ра Иена, возвращавшегося поездом домой. Здесь собака ждала и здесь умерла, не дождавшись, потому что хозяин погиб, став жертвой железнодорожной катастрофы.

Похож на собаку породы акита и пес породы тоса, а собачка ису — эта помельче, когда-то она была охотничьей. Карафутто родом с Сахалина — собака крупная, выносливая, ее используют как ездовую, так же как полярную собаку в краях вечного льда, и разводят главным образом на острове Хоккайдо.

Короче, японцы вовсе не так уж жестоки к собакам, и сообщения, опубликованные в Англии, были восприняты в Токио с

большим возмущением. Владельцы собак даже вышли на демонстрацию протеста против оскорбительных выпадов и оговоров англичан.

Надо полагать, японцы просто-напросто обращаются с собаками, как это вообще ведется на Востоке, что и огорчило уважаемых лондонских собаководов. Один из директоров Всемирного общества по охране животных провел в Японии полтора года и здесь на месте изучал действительное положение дел.

Выяснилось, что японцы относятся к собакам заботливо, но стоит собаке состариться, без зазрения совести выгоняют ее на улицу, где собака погибает. Факт, разумеется, не слишком утешительный. Но что это? Проявление личной жестокости? Или, быть может, за этим кроется нечто иное? Например, иной менталитет? Ведь жестокое отношение к животным было известно и в Европе. По христианскому вероучению, у животного нет души и потому с ним можно обходиться как тебе бог на душу положит. Что же касается души, то прогрессивному человечеству пришлось затратить немало сил, пока римская церковь официально признала, что индейцы, населяющие Южную Америку, — люди, а следовательно, наделены душой, значит, их нельзя убивать просто потому, что тебе такое взбрело в голову. Но и в этом сыграла свою роль не столько религия, сколько экономик: индейцы были рабами, и потому выгоднее заставить их умирать от непосильной работы, чем просто взять да убить.

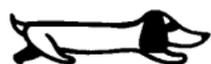
В Чехословакии, разумеется, ни по отношению к собакам, ни по отношению к другим животным ничего подобного не допускается.

Но позвольте! Минутку внимания. Что же произошло, когда повысили налог на собак? Что вдруг стало с людьми? Куда девалась любовь к собачке, как только пришлось за нее больше платить? И откуда взялись своры бездомных бродячих собак? Разве не чувствительные хозяева выкинули их на улицу? Много поучительного могли бы мы услышать от лесничих, которым туго пришлось в борьбе с одичавшими псами. От тоски и голода сбившись в стаи, они борются за существование, как им подсказывает природа. Утратившие древние навыки и мучимые голодом, они становятся свирепыми и опасными. Трагедия завершается отстрелом.

И все же не будем слишком строги, не станем обвинять в таких проступках всех и каждого. Я знаю, что много собак появилось в иных домах именно в те времена, потому что нашлись люди, которые сжалились над брошенной животной. Когда мы говорим о людях, не следует просто говорить: люди... Всегда нужно подчеркивать: есть среди людей и такие...

**О сумасбродных путниках
и мудрой собаке**
(Китай, народность дунгане)

Жил бедный человек, которому захотелось стать богатым. И отправился он по свету, чтобы отыскать бога богатства, потому что давно наступило время избавить его от вечной нищеты. Бедный человек ходил долго. Искал бога, а повстречал незнакомца.

— Куда идешь, брат? — спросил его незнакомец.

— Я бедный, иду искать бога богатства, — отвечал ему человек.

— Прекрасная мысль! Сколько раз она тоже приходила мне в голову! — сказал незнакомец, и они пошли вместе.

Встретили путники крестьянина, который пахал поле. Крестьянин и спрашивает: "Куда вы путь держите?" Они ответили. Крестьянин бросил свой плуг и говорит:

— Всю жизнь я надрывался, но так и живу бедняком. Пойду-ка и я с вами. Что скажете?

— Идем, идем, — отвечали они, радуясь, что теперь их трое.

Шли путники через горы, через доли, но богатства не нашли, и бога тоже. Зато на берегу реки повстречали рыбака.

— Куда идете, братцы?

— Туда-то и туда-то, — отвечали они.

Рыбак задумался.

— Я всю жизнь ловлю рыбу и всю жизнь бедствую, бывает, не ем досыта. Пойду и я с вами.

И пошли. Стало их теперь четверо. Пришли они в лес и увидели дровосека. Сказали, куда идут, и спросили, не знает ли он дорогу.

— В лесу я знаю каждую тропку, это правда, но где живет бог — ей-ей, не ведаю! Если возьмете, и я пойду с вами. Может, нам повезет — и мы найдем его в лесу!

Они переночевали в хижине дровосека, поели его хлеба, а утром отправились в путь впятером. В горах им встретился одинокий человек, и они спросили его, как перебраться

ся через эти высокие горы.

— Куда вы спешите, люди? — поинтересовался тот.

— Как тебе объяснить? В общем-то мы никуда не спешим. Мы ищем бога, который распределяет богатство. Хотим напомнить, что мы очень бедны и нуждаемся в его помощи.

— Это и мне подходит, — сказал человек. — Возьмите меня с собой, и я переведу вас через горы.

Стало их теперь шестеро, и шагали они веселее. Только вот богатства все нет и нет.

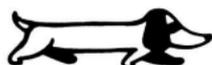
Повстречали путники пастуха. Вместе с большой умной собакой он пас овец. Узнал пастух, куда они путь держат, обрадовался.

— Очень правильно вы задумали, братья! Отгоню-ка я овец в деревню и пойду вместе с вами, а вы пока отведайте моего сыра и запейте его овечьим молоком.

Пока они ели и радовались, возвратился пастух со своей собакой. Хотел ее прогнать, но собака все бежала и бежала за ними. Путники пожалели ее и взяли с собой. Собаке тоже было жалко семерых путников, она знала, что пустились они в долгий путь понапрасну, но все-таки плелась следом, пока были силы, а когда совсем ослабела, они по очереди несли ее на руках.

Все большее отчаяние овладевало бедняками, потому что не могли они найти ни богатства, ни бога, который им оделяет. Они не знали, как быть дальше, и души их наполнила горечь. И тогда вдруг заговорила собака:

— Друзья! Открою вам тайну, ведь вы ко мне так добры! Искать богатство — пустое

дело! Нам, собакам, оно ни к чему. Я вижу неподалеку прекрасную пещеру, сделаем лучше привал, настало время отдохнуть.

И они вошли в пещеру, теплую и тихую. Разместились поудобнее, улеглись и почувствовали вдруг такую усталость, что уснули глубоким сном. И надо же такому случиться — им всем приснился один и тот же сон, будто стали они богатыми! От такого прекрасного сна зачем пробуждаться?

И потому просыпаются они раз в три года. Откроют глаза, а собака им тихо говорит:

— Нет, добрые люди, ваше время пока не пришло, на свете живется не лучше.

И они переворачиваются на другой бок и спят дальше, а собака стережет их сон, ибо она одна знает, что надежда стать богатым бессмысленна и напрасна. Богатство — всего лишь прекрасная мечта бедняков.

Сказка про волка и собаку (Япония)

Однажды подружились волк с собакой и даже стали ходить друг к другу в гости. Как-то раз услышала собака, что ее хозяин говорит:

— Состарилась собака! Ни к какой работе непригодна. Что будем с ней делать? Прогоним или убьем и сдерем шкуру?

Испугалась собака и кинулась к волку.

— Плохи мои дела, приятель, ох плохи! Дома говорят страшные слова. Посоветуй, как быть!

Засмеялся волк:

— Столько лет разбойничаю в лесу, а такого не слыхивал! Ладно. Не бойся, я тебя выручу!.. Приметил я, что твои хозяева берут с собой на верхнее поле ребеночка и оставляют неподалеку, пока сами работают. Я их ребенка схвачу и побегу с ним к лесу. А ты кидайся вслед за мной и лай что есть мочи, я вроде бы испугаюсь, брошу ребенка в траву и дам деру. Хозяева оценят твой поступок и станут опять к тебе хорошо относиться.

Собака обрадовалась. До чего же прекрасно волк придумал! Поблагодарила его и вернулась домой. На следующий день хозяева отправились на верхнее поле и взяли ребенка с собой. Пристроили люльку в тени и принялись за работу. Вдруг из лесу выскочил страшный волк, схватил ребенка и помчался прочь. Люди с криками бежали за волком, да какое там, разве догонишь?! И тут следом за ним кинулась с лаем старая собака, догнала, волк испугался, уронил ребенка в траву, и собака принесла его родителям.

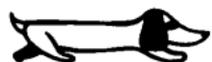
Хозяева изумлялись:

— Вот уж никогда б не подумали, что наша старая собака все еще так сильна! Сам волк ее испугался! И дитя наше, спасибо собаке, живое-здоровое, с нами!

С тех пор они обходились с собакой ласково и кормили ее сытно.

Через какое-то время вблизи их жилища появился волк, старая собака обрадовалась и пошла его благодарить. Волк же лукаво ответил:

— Вижу, теперь ты живешь хорошо и всего у тебя вдоволь. Вот и тащи мне за услу-

гу курочку из курятника, да самую большую и жирную!

Вздохнула собака:

— Разве я могу сделать такое? Ведь курица-то хозяйская, а нам, собакам, положено стеречь хозяйское добро. Такого от меня не жди!

Волк никак не поймет, почему собака не хочет принести ему курочку, ведь у ее хозяина этой птицы полон двор! Но виду не подает.

— Ладно, — говорит. — Тогда приходи ко мне завтра в лес, я тебе кое-что расскажу.

Поняла собака, что ей несдобровать, разорвет ее волк на куски, да что делать? И пообещала прийти.

Их разговор случайно услышала кошка и подумала: "Ну, попала ты, добрая душа, в переделку! Живем мы вместе, в одном доме, надо тебя выручать!" И пошла к собаке. А та лежит возле будки и тяжело вздыхает.

— Что с тобой? Ты вся дрожишь от страха! Уж не забежала ли сюда злая лиса?

И поведала собака кошке всю правду без утайки. Кошка ее утешает:

— Не бойся, я тебе помогу. Пойдем завтра в лес вместе!

Но волк тоже побаивался собаку и позвал себе на помощь друга своего, черта:

— Послушай-ка, черт, не хочешь ли завтра вместе со мной полакомиться старой собакой?

Черту что? Согласился.

Пошли утром собака с кошкой в лес, а волк с чертом их уже поджидают. Волк задремал, а черт сидит, выставил свои длинные черные уши из травы и шевелит ими ту-

да-сюда, туда-сюда — прислушивается, не идет ли собака.

Видит кошка, в траве что-то шевелится, и думает: "Что такое? Уж не мышь ли?" Обернулась к собаке и говорит:

— Подожди меня тут, я мышку поймаю, и мы немного подкрепимся! Кто знает, что нас ждет впереди!

Кинулась, ухватила черта за ухо, всеми четырьмя лапами вцепилась, зубами впиалась.

Перепуганный черт как заорет:

— Волк, помоги, помоги! Какое-то чудище держит меня за ухо!

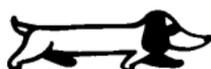
Сбросил с себя кошку и пропал в облаках.

Волк спросонья тоже струхнул, взвыл и умчался в далекие горы. С той поры собака его возле деревни никогда больше не видела.

Собачья и человеческая история в античные времена

Как известно, греков и римлян по традиции считают великими учителями Европы, и, надо сказать, не без основания. И тем не менее, если оценивать их с точки зрения истории собаки, следует признать, что не так уж они оригинальны. Многие из того, что им приписывается, берет истоки где-то там, где жили древние культурные народы Востока.

Давайте-ка вспомним. Нам известно, что вавилонскую богиню врачевания Гулу всегда сопровождала собака. Собака же — как ни странно — сопровождала и греческого бога Асклепия, наделенного символом лекарской

власти, и по сей день непременно во всем мире, — посохом с ползущей по нему змеей. И это также пришло из Вавилона...

Мы уже говорили, что у некоторых древних народов собака играла немалую роль в погребальных обрядах. У иранцев даже как пожирательница трупов. У индусов как спутник бога смерти.

И потому мы, пожалуй, знаем, откуда взялся греческий пес Цербер, стерегущий вход в подземное царство. Цербер хоть и чудовище, но все-таки собака, свирепая и неподкупная; а три головы придуманы, надо полагать, для вящего эффекта. Цербер, между прочим, не кто-нибудь, происхождения он непростого: матушкой его была Ехидна, полудева-полузмея, а папашей — Тифон, с его сотней драконьих голов. Самому верховному богу Зевсу пришлось туго, прежде чем он положил Тифона на лопатки. А для полной уверенности в победе Зевс все-таки решил придавить грудь Тифона Этной. Между прочим, имя "Тифон" живо по сей день, но уже в английском произношении, и, надо сказать, ничего хорошего не сулит — это тайфун!.. Значит, Цербер — нечто среднее между собакой и демоном. Впрочем, самые обычные собаки тоже подчас становятся сказочными, но не утрачивают при этом своего врожденного собачьего характера.

Греки были народом пастушеским и собак держали для охраны скота. В маленькой Греции таких огромных стад, как в степях Ирана, не было, да к тому же греков вскоре стала кормить не земля, а море. Собака в Греции была прежде всего охотничьей, потому что в скалистой местности охота без

собаки почти невозможна. Кроме того, греки охотились, не только преследуя зверя, но прежде всего загоняя его в сети, ямы, ловушки, и собака служила великолепным загонщиком. Вот почему тут, в Греции, было написано несколько книг о собаках, весьма практического и даже научного характера (авторы Ксенофонт или Арриан): они служили римлянам — и не только им — постоянным пособием для разведения собак на протяжении всего средневековья. Само слово "кинология" — то есть наука о собаках — тоже греческого происхождения, хотя греки, конечно же, опирались на познания, накопленные уже вавилонянами или иранцами.

А так как греки отличались чрезвычайно богатым воображением, то не станем удивляться, что они видели собак не только вблизи, на земле, но и на небе. Созвездие Пса, куда входит звезда Сириус — по некоторым толкованиям это собака охотника Ориона, — есть и поныне понятие астрономическое.

Конечно, в античном мире собаку считали домашним животным. Ей никогда не приписывали исключительных или каких-либо особо положительных качеств. Герои Гомера, скажем, стоя под стенами Трои, перед каждой битвой, чтобы вызвать в себе ярость, осыпали друг друга ругательствами, среди которых встречается и такое: "Ты, в груди которого бьется сердце собаки..." Однако собака вовсе не труслива, наоборот, вступившись за своего хозяина, она бьется до последнего, а за хозяйскую овцу в схватке со стаей волков готова положить живот...

Греки использовали собак в бою, они вывели сильную породу собак меласских (видимо, наш дог), для охоты брали собак из Лаконии, а дамы благоволили к маленьким собачонкам, которых носили на руках и обкармливали сладостями. Это переняли от них дамы средневековья, да и нынешние тоже, ибо плохое и вредное, как ни странно, сохраняется в этом мире дольше всего остального. Мальтийский шпиц и в Греции и в Риме стоил очень дорого.

Римляне высоко ценили этрусских собак, то есть собак того народа, с которым испокон веков воевали и в конце концов покорили, хотя целиком впитали его культуру. Римляне, надо сказать, не слишком оригинальны, их интересы полностью исчерпывались политикой и созданием всемирной Римской империи. Культуру они переняли не только у греков, но и у других народов, с которыми время от времени сталкивались.

Римляне пришли в изумление, когда в войне с кельтским племенем галлов обнаружили, что этот народ использует в бою собак. Собаки были крупные, хищные и агрессивные и доставляли римским legionерам немало хлопот. Но главное, что поражало римлян, — это привязанность собаки к хозяину, даже павшему в бою. Собака сидела рядом, выла и никого не подпускала к нему. Для собаки он не был мертв. Такую верность до гробовой доски даже суровые римляне сумели оценить.

А впрочем, с собакой тогда связывали явления скорее неприятные. О звезде Сириус мы уже говорили: когда она выходила на небо, наступали так называемые "собачьи дни", "dies caniculares", — стояла мучительная, невыносимая жара, не заседал сенат, не было занятий в школах. Это слово и сейчас живет в русском языке — каникулы. А когда кому-то, кто играл в кости, не везло, говорилось "canicula", то есть "собачий", штрафной ход, или "ощенился". Проигравшему приходилось раскошелиться...

Греки давали своим собакам различные имена, главным образом отражающие их действительные или желаемые достоинства. Римляне переняли у греков и это. Своих собак, к которым обращались по-латыни, они наделяли тем не менее именами греческими. В аристократических семьях это считалось хорошим тоном.

Следовательно, и здесь собакам жилось так же, как их господам: были собаки-аристократы, которых на прогулку водили рабы, но бегали и бродячие псы, и в них каждый, кому не лень, мог запустить камнем.

Мясо молодых собак на столе богачей считалось деликатесом, имелись также собаки редкостных пород, которых преподносили в качестве драгоценного дара. Известно, что греческий бог Зевс, начав обхаживать Европу, первым делом подарил ей собачку...

О том, что в Риме держали сторожевых собак и, естественно, обязаны были отвечать за нанесенный ими ущерб, мы узнаем из мозаик в Помпеях. Владельцам собак вменялось в обязанность перед входом в дом выкладывать из камешков надпись: "Cave canem", то есть не что иное, как наше знакомое "Осторожно, злая собака". И чтобы исключить сомнения, сажали рядом эту самую собаку на привязи, и она скалила зубы.

"Cave canem! Осторожно, злая собака!"

Собака сопровождала различных богов, и прежде всего богиню охоты Артемиду (римляне звали ее Дианой), бога Гермеса (у римлян — Меркурия), который занимался вопросами торговли, а также бога Арея (или римского Марса) — того самого, что ведал войнами.

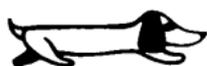
У Гомера мы можем прочесть одно из самых прекрасных повествований о собаке. Когда Одиссей под видом нищего вернулся на родную Итаку и, никем не признанный, добрался до своего дома, его пес Арго был уже стар и немощен. Он лежал на куче навоза, покрытый клещами, служанки им не занимались, ибо все были уверены, что Одиссей уже не вернется. Но старый слепой Арго узнал своего хозяина и, не в силах подняться, лишь слабо завилял хвостом. Одиссея такая верность растрогала до слез.

Взаимоотношения собаки и человека уже тогда приобрели формы, близкие нашим. Это было истинным партнерством двух столь различных существ.

Греческая легенда о преступлении и наказании

(С перечислением собачьих имен)

В те давние времена, когда человек и зверь еще жили вместе и боги не гнушались общения с людьми, в те веселые времена, когда боги — по крайней мере в Греции — навещали людей и соблазняли земных женщин, которые этому, конечно же, радовались, хотя и целомудренно это утаивали, а дети, родившиеся после визита богов, как и

все отпрыски знатных особ, уже и тогда, в те незапамятные времена, тоже пользовались исключительными привилегиями, — итак, в те стародавние времена, которые мы называем мифическими, стряслось не столь уж нашумевшее, но вместе с тем весьма трагическое происшествие.

Богиня Артемида, известная своей красотой и недоступностью, охотница, с луком и колчаном стрел, сопровождаемая сворой собак (вспомните упомянутых выше богинь шумерских и ассирийских), кроме прочих достоинств отличавшаяся еще и целомудрием, девственница, строго оберегающая свою девичью честь, чем иные богини явно пренебрегали, купалась однажды после утомительной охоты в горном потоке. И, как это часто бывает, забыв об осторожности, отпустила собак. Скинув не только лук, но и хитон из тончайшей ткани, она плескалась в прозрачной воде совсем нагая, как создал ее господь бог, если такое можно сказать о богине.

В тот же час по роковому стечению обстоятельств и в тех же самых местах охотился герой и красавец Актеон со своими друзьями и сворой злобных псов, натасканных на травлю зверя. И случилось ему, отстав от друзей, заблудиться в неприступных скалах, спускающихся отлого к горному потоку. Актеон был истинным охотником и передвигался по привычке без малейшего шороха и шума. Где-то вдали отзвучали охотничьи рога, не слышно стало собачьего лая, и лишь торжественная тишина вечной природы обступала его. И Актеон решил освежиться в прохладной заводи. И вдруг заметил в воде какое-то движение и услышал плеск струй.

Актеон подкрался поближе и замер: в заводи купалась ничего не подозревающая дева. Она была прекрасна, как может быть прекрасна лишь богиня.

Актеон не стал утруждать себя размышлениями, какая из богинь могла тут оказаться, ибо сразу понял, что нашел свое счастье и может сделаться возлюбленным одной из вечных олимпиек.

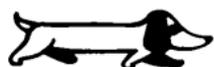
Он был настоящим мужчиной и потому не спешил, а, затаив дыхание, лишь жадно глядел на обнаженное женское тело со сверкающими на белой коже капельками влаги.

Все же в нем заговорил охотник. Внимательно осмотрев место, где он нежданно наткнулся на столь прекрасную добычу, Актеон заметил легкий хитон, серебряные сандалии с ремешками и драгоценный лук неописуемой красоты. И догадался, что купающаяся красавица — сама Артемида! Он, охотник Актеон, не раз обращал к ней свои молитвы и приносил кой-какие жертвы и потому не сомневался, что имеет право наглядеться на нее досыта. По крайней мере так долго, пока она не заметит его и, растроганная таким благородством и любовью, не откроет ему своих мокрых объятий и не позволит осушить свое тело пламенными лобзаниями.

Нет ничего хуже самоуверенности мужчины, полагающего, будто женщина, с которой он едва знаком, проявит к нему благосклонность лишь потому, что он слывет неотразимым любовником!

Охотник Актеон отшвырнул лук богини Артемиды в сторону, раздвинул кусты и вышел на берег заводи.

Богиня, услышав треск ветвей, тихонь-

ко вскрикнула и погрузилась в воду по шейку. Очи ее потемнели от гнева. "До чего прекрасна! — подумал Актеон. — Все женщины в бессильном гневе прекрасны. Сейчас она в моей власти. Пока лишь во власти моих глаз, но скоро окажется и во власти моих рук". О том, что последует дальше, он думать не мог, потому как у него и без того голова шла кругом.

— Богиня, — сказал он, дрожа от страсти, прерывающимся голосом. — Ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел и которое, хотясь, сподобился поймать. Теперь ты моя! Ты отлично знаешь, что нет на свете мужчины, который мог бы обидеть такую красавицу, как ты. И потому не бойся, если, конечно, не убоишься любви человека.

Но, как уже было сказано, Артемида была богиня целомудренная. Сестры ее, например Афродита или Афина Паллада и даже Гера, те не стали бы поднимать шума, если б их застал нагишом красавец охотник. Известно, что эти три богини не постеснялись показаться именно в таком виде царскому сыну Парису, потребовав отдать яблоко той, которую он сочтет самой прекрасной. Более того, каждая ему что-нибудь посулила, если он вручит яблоко именно ей.

Артемиде же мужчина был не нужен. Тем более Актеон, который, как и всякий охотник, весь пропах потом и пылью и к тому же был небрит. "Очень возможно, он меткий стрелок, — решила богиня, — но сейчас, бедняга, промазал, да к тому же совершил преступление, пусть даже и в любовном пылу!"

Ах, кому дано знать, какие капризы могут быть у богинь!

— Сейчас же отвернись и убирайся прочь, — прошипела Артемида, ее нежное личико вспыхнуло таким гневом, что даже вода не смогла его охладить. — Ступай прочь, о смертный!

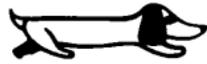
Актеон был, как мы уже говорили, настоящим мужчиной. Он отрицательно покачал головой, уверенный, что Артемиде от него не уйти. Богиня теперь в его власти, еще более, чем молодая серна, запутавшаяся в тенетах. Красавица из воды попадет прямо в его объятия. Или ей придется оставаться в воде, но тогда он сам бросится к ней. В любовной горячке Актеон не страшился даже ледяной воды.

Вот как случилось человеку дерзко и необдуманно перейти границы дозволенного. Конечно, никому не заказано любить богиню на человеческий лад, но не следует склонять ее к любви силой. Актеон подобрался к заводи совсем близко. Тут богиня вдруг подпрыгнула, показав несчастному гордецу всю свою ослепительную наготу, и, набрав в ладони воды, плеснула в лицо Актеону.

И в то же мгновение он превратился в оленя! Ничего не скажешь, он стал горделивым, ретивым оленем, королем лесов, он был великолепен, и богиня охоты Артемида отметила это. Но Актеон уже не был ни мужчиной, ни охотником. Он стал зверем, а значит, предметом охоты.

Увидав свое отражение в зеркале вод, Актеон ужаснулся, а заметив новый жест богини, испуганно отпрянул. Как всякий олень, он кинулся прочь, ломая кусты, ибо оленю на роду написано бояться человека.

Богиня стряхнула с себя воду, наброси-

ла хитон из тончайшей ткани, надела сандалии, обвязала вокруг лодыжек ремни и, схватив колчан со стрелами и лук, покинула место, где ей было нанесено столь неслыханное оскорбление.

Она одна знала, какое страшное наказание ждет Актеона за дерзость. Только она знала, что бывший охотник сам теперь станет предметом охоты. Знала также, что в довершение трагедии Актеона будут гнать его друзья и травить его же собственные псы. Взяв след, они помчатся за ним и станут преследовать день и ночь, пока загнанный олень не падет, став жертвой своих собак и добрых друзей, которые, разыскивая Актеона, наткнутся на красавца оленя.

Актеон же, узнав своих друзей, ничего не сможет им сказать, поймет, что загонят его собственные собаки, его любимицы, после охоты обычно ластившиеся к нему, когда он в приливе нежности бросал им лакомые кусочки. Теперь он должен мчаться, должен преодолевать кручи, теперь он олень, а не Актеон. Он пропал, конец...

Так погиб охотник, растерзанный ни в чем не повинными псами, как ни в чем не повинны были и его друзья, понуждающие собак преследовать оленя. Во всем виноват лишь он сам, Актеон...

О горе нам! Ведь даже за малое прегрешение боги сурово карают смертного!

Но почему мы решили рассказать именно эту легенду? Показать, что даже собственные собаки могут быть к нам жестоки? Да нет же, что вы! Отнюдь! Причина совсем не та. Когда великий римский поэт Овидий включил этот миф в свои "Метаморфозы",

Лабр с Артиодом, потом с пронзительным лаем
Гилактор, —
Долго других исчислять*...

Такие и другие имена носили собаки Актеона, которые разорвали своего господина на куски.

А мы рассказали эту историю для развлечения и поучения. Опасно проявлять излишнюю самоуверенность, когда охотишься — будь то на зверя, на богиню или на женщину вообще. Осторожность, уважаемые Актеоны, никогда не помешает!

Пути в день нынешний ведут через средневековье

Вот и пришла пора вернуться из темных глубин веков и дальних краев поближе к дому, в Европу, символом которой стал крест, а высшим идеалом церковь — владычица души, да и тела, верующих.

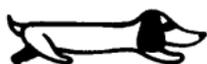
Ну а как жилось в те времена собакам? Не то чтобы плохо, но и не так уж хорошо. Животное, которое некогда в иных странах занимало положение прямо-таки культовое, в Библии — наиважнейшей книге средневековья — упоминается чаще всего уничижительно. Израильские кочевые пастушеские племена, конечно, использовали собак, но говорили о них с пренебрежением: "лакает воду, как собака", "собаке нужна палка", "злой, как собака" и даже "немой...", а то и "прожорливый, как пес". Молящийся просит бо-

*Перевод С. В. Шервинского.

га, чтоб душа его не попала под власть меча и собаки. Хорошо, коли хватило ума признать: "Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом".

По откровению св. Иоанна Богослова, собака относится к тем существам, кого не примут в рай. Впрочем, в своей беде она не одинока, та же кара ожидает колдунов, развратников, убийц, идолопоклонников и еретиков. Вот почему в личинах каменных водосливов на галереях кафедральных соборов среди химер, демонов или дьяволов можно увидеть и собачью голову. К счастью, святые отцы, которые подхватили и развили идеи христианского вероучения и создали книги, дополняющие Библию, к собаке относились не столь сурово. Видимо, они лучше знали жизнь, чем фанатичный автор Апокалипсиса, и потому говорят о собаке как о звере вполне симпатичном и близком человеку. Восхваляют ее главные достоинства — верность и преданность. И приходят к мысли, что охранительница стад может стеречь также верующих овечек. Но от кого? Ну конечно же, от волков, что так и рыщут вокруг человеческого стада, выбирая, кого бы им сожрать. Святой Августин пришел к глубочайшему убеждению, что волк есть воплощение дьявола, союзник еретиков и враг Доброго пастыря. Но достаточно нам вспомнить древнеперсидскую Авесту, и все встанет на свои места: Авеста тоже клянет волков, ибо она предназначена пастушескому народу. Попробуй разберись в этой сложной христианской символике, где первоначальные значения начисто утрачиваются!

И если полагаться на символы, то собака,

с одной стороны, предстает перед нами как животное, воплощающее такие пороки, как Зависть и Злоба (естественно, выраженные фигурами символическими), а с другой, наоборот, — олицетворяющее достоинства, такие, как Правдивость, Справедливость, Сострадание и Мир. Значит, в конечном счете бедная собака все-таки остается в выигрыше.

Интересно узнать: каким удивительным образом в христианской иконографии собака стала животным, близким к святым мужам? Видимо, причина здесь в двух святых, а именно в Бернаре Клервоском, основавшем орден цистерцианцев, и Доминике, основоположнике ордена доминиканцев. По легенде, матери Доминика (а также Бернара) привиделся сон, будто она породила щенка, держащего в зубах факел. Позднее Доминик принял жечь огнем все, что попадалось под руку, — видимо, чтобы очистить таким образом мир от еретиков. Орден доминиканцев, как известно, кроме всего прочего печально знаменит еще и тем, что ревностно охотился за этими самыми еретиками и выдавал их святой инквизиции. Одетых в белую рясу и черный плащ монахов люди называли *domini canes* — господни псы. Вероятно, за то, что те вынюхивали и безошибочно шли по следу. Вот почему святого Доминика всегда изображают в сопровождении черно-белой собаки, а рядом со святым Бернардом неотлучно находится собака белая. Святого Губерта тоже наделили собакой, ибо христианское прозрение осенило его на охоте, когда ему явился олень с золотым крестом между рогами. Ну а какой же охотник без собаки? Святой Сузо не был у церковников

в почете, но народ его любил, книги его усердно читались, и, хотя могилу святого Сусо так и не нашли, память о нем жила долго. При Сусо тоже находилась собака. Он, отпрыск богатого рода, роздал все свое состояние бедным, а сам отправился выхаживать больных чумой. И, естественно, заразился; в лесу его врачевал ангел, а собака каждый день носила свежий хлеб.

Святой Венделин — тот вообще королевского рода, правящего в Ирландии и Шотландии, он пренебрег короной и стал впоследствии покровителем пастухов. Поэтому у ног его обычно изображают собаку из породы овчарок.

Имя святого Бернара Ментонского, хоть на картинах его и не сопровождает собака, тоже связано с ее родом-племенем. Этот человек основал в Швейцарских Альпах монастырь, а в нем — прибежище для путников. Отсюда и получили свое название большие добродушные псы сенбернары. Послушаем, что говорит об этом старая энциклопедия Ригера*, изданная в 1860 году: "У монахов тут собаки особенные, они отыскивают путников, заблудившихся на крутых склонах и угодивших в пропасти, после чего в монастыре им оказывают самое радушное гостеприимство. Монахи принимают за это скромные добровольные дары. Трупы же погибших складывают в специальные часовни, где от мороза они лишь высыхают, не изменяясь".

*Ригер, Франтишек (1818 – 1903) – чешский политический и общественный деятель. Совместно с известным чешским историком Франтишком Палацким издал первую чешскую энциклопедию (1858 – 1874).

Вдвойне счастлив путник, если его все-таки отыскал сенбернар, да еще с бочонком рома на шее!

Любопытно, что на некоторых средневековых надгробиях имеется выбитое в камне изображение собаки; полагают, будто это символ бдительности. Неясно одно: к чему усопшему бдительность?! Надо полагать, это, скорее, древний, ловко использованный языческий обычай класть в гроб то, что покойный любил. Хоронить собаку вместе с человеком? Исключено, ведь она не может попасть в рай, зато ее можно изобразить на могильном камне, особенно если для этого нашелся подходящий повод в хитроумной церковной символике. Собачка стережет вечный сон своего господина, так же как скифских кочевников в курганах сторожат их собаки, правда погребенные вместе с хозяином.

Ну, а как обстояли дела собачьего племени у нас, в Чехии, когда в Пражском граде сидели князья из рода Пршемыслава?

В те времена и у нас тоже значительно окреп феодализм — к великой радости тех, кто правил, и к меньшей радости тех, кем правили. Господа жили в замках, построенных по образцу немецких или французских, их уже не удовлетворяли древние городища. Но потому как в своих крепостях господа не располагали большими возможностями для развлечений, они скрашивали свою жизнь попойками и охотой, постепенно ставшей новым стилем жизни.

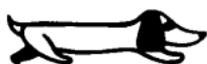
У рода Пршемысловцев были могущественные враги в лице рода Славниковцев. Однажды, как дошло до нас, Пршемысловцы

подбили Вршовцев принять приглашение Славниковцев пойти к ним в Либнице на празднество. И там во время пиршества гостеприимных хозяев всех до одного уложили.

Во время археологических раскопок на месте бывшего городища была найдена фигурка собаки — видимо, игрушка детей, которых на том пиршестве поубивали вместе со взрослыми.

О собаках в старых чешских рукописях упоминается лишь вскользь. Прежде всего мы узнаем, что собак использовали для охоты и что собаки были породистые, подчас стоившие очень дорого. Охота, которой увлекались господа, — это модное пристрастие — отнимала у них большую часть времени и стояла выше всех прочих занятий, что весьма не нравилось строгим блюстителям нравов.

Читая хронику Далимила*, о которой нам, увы, известно очень мало, — хронику, полную ненависти к нравам чужаков, которые начали у нас в стране входить в силу, — мы просто поражаемся, сколь яростно он осуждает страсть короля Вацлава к охоте. Уж очень скорбит хронист Далимил, что "король имеет обыкновение со псами охотиться". Даже и глаз-то Вацлав потерял на охоте, где проводит все свое время. Похоже, в лесу король Вацлав и в самом деле чувствовал себя намного безопаснее, нежели на Градчанах. Он строил все новые и новые замки, из которых, например, Тыршов над Бероункой служил одновременно и охотничьим замком для его сына, отчаянного повесы Пршемысла Отакара, взбунтовавшегося потом против папаша. Да! Что и говорить, нелегко жилось королям из рода Пршемыслова!

Ясное дело, увлечение охотой и нерадивость к государственным делам отличали не только короля, это было явление, если можно так выразиться, общественное. Точно так же вели себя господа помельче и даже какая-нибудь мелюзга, владеющая всего-то небольшим замком посреди площади. Даже эти уделяли больше времени охоте, нежели заботам о хозяйстве.

И без стихов Далимила известно, что именитые господа, позабыв о добром имени, торчали дома и жирели, прощу прощения, как свиньи, в то время как молодежь гоня-

*Хроника Далимила — выдающийся памятник чешской историографии и литературы начала XIV века. Автор неизвестен. Ранее авторство ее приписывалось болеславскому канонику Далимилу Мезиржичскому.

лась с собаками по лесам за зверем. Когда-то за собаками присматривали челядинцы, ныне о них стали печься сами молодые господа. Прежде челядинцы с собаками жили вдаль от господских домов, в домах блюли чистоту и господа съезжались для забав. Прежде среди них были ловчие, что охотились за зверем для господ, сами же господа принимали участие лишь в травле оленя, и то одной потехи ради. Потому-то у них и оставалось время посидеть в совете и порадеть о мире в стране. "Теперь же, — говорит хронист с возмущением, — живут они со псами в одном доме и разговоры ведут лишь про гон да своих псов гончих. И нечего удивляться, что стали они беднеть, а их хозяйства — хиреть. Хуже того — от смрада псов, заповлонивших их покои, стали помирать они прежде срока". Короче говоря, наступил упадок нравов...

Кто хочет прочесть об этом в переложении со старочешского оригинала — извольте:

В те поры паны голытьбою стали,
 В одних покоях со псами живяху,
 Полагая в том приятность и за честь прияху,
 Все про собак одних говоряху,
 Стали они от того нищати,
 От песьего смраду ране сроку помирати...

Неужели только это так сильно разозлило щепетильного хрониста? Ну конечно же, нет! Дело совсем в другом. Далимил обрисовал нам более значительные общественные перемены. Раньше феодал должен был думать не только о своем житье-бытье, но и о хлебе насущном для своих подданных. Сей-

час многое изменилось. Феодализм укрепился, господа перестали радеть о подданных, их заботили лишь сбор дани да развлечения. А так как модным развлечением стала охота, они предались ей сверх всякой меры. Хронист, сам того не подозревая, описал также изменения в манере охоты. Прежде на охоту отправлялись со сворой собак, но такого количества животных дворянин у себя в замке держать не мог, для этого необходимы были псарни, расположенные подчас далеко от замка. И если деревня называется Псарь, нам уже ясно, что там жили псарни, которые ходили за господскими собаками. Но когда стали разводить породистых собак, феодал пекся уже не о безымянной своре, а об отдельных собаках. Теперь он берет их к себе в замок, в свои покои. Человек неожиданно обнаружил, что собака отличный компаньон. Когда наступали холода и господину было нечем занять себя, оставалось лишь сидеть возле очага и греть зябнущие ноги, только собака скрашивала ему жизнь. И уже не одни мужчины окружали себя породистыми собаками, своими любимицами, но и женская половина в замках тоже завела себе собачонок, прозванных "муфтами".

О том, что собаки и в более поздние времена, уже в эпоху Ренессанса, подчас делили с хозяином даже спальню, свидетельствует в одном из своих стихотворений известный гуляка и бражник Гинек из Подебрад*, сын

*Гинек (Индржих-младший) из Подебрад, князь Минстерберский (1452 – 1492), – сын чешского короля Иржи из Подебрад, чешский политический деятель, писатель и поэт.

Иржика. Вот его рассказ про то, как молодой человек очнулся от любовных сновидений:

Дрыгнул он ногой спросонок,
Так что треск пошел вокруг,
И собачка под кроватью,
Завизжав, вскочила вдруг...

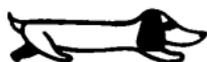
Удалец, которому приснилось, будто он обнимает возлюбленную, проснувшись, обнаруживает, что это всего лишь его подушка! И откровенно добавляет:

Душа печалится моя,
Как будто схоронил отца...

К тому времени собака утрачивает свое прежнее, исключительное положение на охоте. В Европе — и у нас тоже — после крестовых походов появилось новое увлечение — соколиная охота. Но сокол не мог охотиться один, кто-то должен был пернатую дичь спугнуть и поднять. И появилась новая порода собак — специально для охоты на пернатых и на зайцев, их называли "псы под соколы". Моралисты задыхались от ярости, но ничто не помогало.

Впрочем, и сам Ян Гус хулит разбогатевших пражских горожан за то, что "косматок и мясоедок, никакой пользы не приносящих, содержат, моют, чешут, в баню носят, мясо особое им покупают и варят, а для бедняка и геллера не найдут".

Гон! Улюлюканье, трубят рога, летит кавалькада охотников — великолепное зрелище, многие художники запечатлели этот сю-

жет на своих полотнах, изобразив также всевозможные породы собак: легавых, что поднимали зверя из чащи, гончих, что его преследовали, и, наконец, борзых, которые его травили. Охотник со свитой мчится на коне следом за сворой псов, стремясь уложить зверя, прежде чем псы успеют растерзать его. Чтобы придать развлечению более благородный и пристойный характер, в нем стали принимать участие дамы. Само собой разумеется, местом охоты было все, и не только леса, но и поля подданных. А после того как многочисленная кавалькада охотников и свора собак промчались по полям, о каком урожае можно думать? Что же тут удивляться, если людей строгих нравов это безобразие возмущало! Особенно когда в своей жажде заполучить самых дорогих собак из Франции и Англии знать совсем разорилась.

Между тем люди начинают замечать, что у собак есть свой характер.

В излюбленных сочинениях, где звери советуют царю-льву, как ему править, каждый из них делает это в соответствии со своей натурой. В "Новом совете зверей" чешского автора Смиля Флашки из Пардубиц* свинья рекомендует льву быть грязным, а лисичка — хитрым... А какой совет дает собака?

Царь, советую тебе,
Преданных держи при себе!
А коли у тебя гостина,

*Смиль Флашка из Пардубиц (около 1350 – 1403) – чешский поэт, автор дидактическо-аллегорической поэмы "Новый совет зверей".

Своих потеснее стремися сдвинуть!
 Они, учуяв вмиг коварство,
 Что опечалило б тебя,
 Все встанут грудью за тебя,
 Не пощадивши живота!
 Когда же спишь в своих покоях,
 Пусть будут стражами в дверях...
 Охоты не чурайся,
 Вставай и собирайся
 На травлю или гон,
 Живи, забот не знай,
 Печалью дней не омрачай.

Рыцарское общество имело свои, совсем иные нравы, они оказались весьма устойчивы и были даже воспеты в литературе.

И нас нисколько не удивляет, что мирный император Карл IV изображался как охотник, хотя охотой увлекался не он, а юный принц Вацлав. Однако, согласно легенде, именно Карл IV открыл Карловы Вары, когда одна из его собак в погоне за оленем обварилась в бьющем из земли горячем источнике. Впрочем, история этого не подтверждает. К чему было королю Карлу отправляться охотиться на край света, когда у него были охотничьи замки неподалеку от Праги? Но такова легенда; и на этот сюжет написаны столь прекрасные и убедительные картины, что нынче ни у кого не возникает сомнений в ее правдивости.

Завзятым охотником был сын Карла IV Вацлав IV. Его уже не удовлетворял ни Кршивоклат, ни любой другой замок. Он выстроил себе небольшой охотничий замок в Кунратицах под самой Прагой, чтобы не надо было ездить на охоту далеко. Это был

монарх, прославивший себя кроме охоты еще и весьма большим интересом к женскому полу. На его счету, говорят, даже купающаяся Сусанна, которая, как видно, тоже клюнула на его крючок. И хоть был он королем добрым, с женщинами ему явно не везло, да и с собаками тоже. Громадные псы спали у дверей его королевской опочивальни. Верно, Вацлав IV не чувствовал себя в полной безопасности. В одну новогоднюю ночь к нему заявила его супруга Яна Баварская, но пес, верный страж короля, набросился на королеву и перегрыз ей горло. Королева умерла. Что случилось с собакой, нам неизвестно. Но при чем тут собака? Она невиновна, ведь ее святой долг — охранять своего господина.

Вызывает, правда, недоумение, что могло столь неожиданно понадобиться королеве в спальне ее супруга, чешского короля? Любовь ли была причиной, ревность ли? Или виной всему веселье той бурно проведенной ночи? Собака была решительно непривычна к тому, чтобы эта дама являлась на мужнее ложе, в противном случае она приветствовала бы королеву вилянием длинного хвоста, а не убийственными клыками!

Что и говорить, случай печальный и достойный всяческого сожаления, но абсолютно уникальный! Больше известны истории о верных собаках, отдавших жизнь за хозяина.

У всех нас, друзей собак, нет и тени сомнения в том, что рассказы о собачьей преданности исключительно правдивы, и мы надеемся, что нам не однажды представится возможность поведать об этом.

А в остальном в рыцарские времена собаки тоже вели себя по-рыцарски.

К слову сказать, собачка Утан умерла на груди у своих хозяев Тристана и Изольды, ибо ей не для кого стало жить...

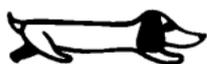
На этом мы пока оборвем короткую, но славную историю человека и собаки, историю одной дружбы, которая когда-то — мы не знаем точно когда — началась и которая — это уж мы знаем точно — не кончится, покуда останутся на земле люди и собаки.

**Почему не любят волки собак, собаки
кошек, а кошки мышей**
(Старочешская сказка, XIV век)

Давно это было, когда люди решили заключить с волками договор, что не станут друг другу больше шkodить. В грамоте они указали также, что собакам разрешается подбирать объедки после волчьего пиршества. Скрепили договор печатью и пообещались никогда его не нарушать.

Собаки решили отдать грамоту на сохранение кошке, потому что кошка видит в темноте. Наказали ей день и ночь стеречь драгоценный документ и выдать лишь тому, кто станет настаивать. Кошка согласилась и спрятала документ в потайном месте, куда никто из людей и волков заглянуть не мог.

Но любопытным мышам всегда больше всех надо — так и шныряют по углам! Какая-то мышь увидела спрятанную бумагу и захотела узнать, что в ней есть. А заглянуть никак не может, потому что бумага туго скатана и скреплена печатью. И решила мышь бумагу разгрызть, залезть внутрь и узнать, что же там все-таки написано.

Какое-то время спустя волки нарушили договор, и собакам пришлось голодно. Собаки перестали служить людям. А люди стали гнать их со двора, потому что не служат. Собаки решили заставить волков силой договор выполнять. Для начала загнали.

Волки не растерялись:

— Да, нас взяли силой, но собак не так много, как кажется. И к тому же все они разной масти, а мы одной — все серые! Значит, нас больше, значит, мы правы.

Накинулись они на собак и многих порвали. Собаки испугались и постановили обвинить волков в нарушении договора.

Тогда волки потребовали просмотреть договор заново. И собаки велели кошке принести бумагу.

Кошка понятия не имела, что стряслось с договором из-за мышинного любопытства. И договор принесла.

Увидев вместо драгоценного документа одни клочки, волки обрадовались и набросились на собак.

Мало кому удалось тогда спастись.

Вот почему не любят волки собак, собаки не выносят кошек, а кошки охотятся за мышами.

А мыши с тех пор все прячутся по углам и скребутся, скребутся... Наверное, пытаются написать договор заново.

II ИНТЕРМЕЦЦО

Что писали про собак чешские газеты сто шестьдесят лет назад

"Вестник Отечества", издаваемый шенфельдской типографией у Св. Анны в Праге, нижний этаж, вход налево, июля 9 дня 1821-го года предлагает корреспонденцию из Австрии, что "Их Величество государь император Чрезвычайного Посла в честь коронации английского короля Георга IV назначить соблаговолили", что в Триесте бандиты-матросы напали на капитана "и за оное будут на реях вздернуты", а также, что "Алжирская флотилия" двинулась навстречу грекам.

В рубрике "Разное" редактор Йозеф Линда помещает статью о собаках, в коей "как поучительные, так и трогательные примеры из жизни наличествуют".

Ни одно животное не изъявляет такой привязанности к человеку, как собака. Каждому зверю определено на свете свое место, повсюду расселился лишь человек, а вместе с ним верный его страж и защитник собака. И потому "Вестник" не уронит своей чести, если поведет нынче речь о собаках.

...Месячный щенок уже показывает свою сообразительность. Собачий век — 14 — 20 лет,

старая же собака ни к чему не годна. В странах, где климат не в меру жаркий, собака утрачивает темперамент, смелость и находчивость, столь нам полезные. Зато пользительна тем, что годится в пищу. Мавры собачьё жаркое предпочитают любому иному и потому платят за собачьё мясо дороже, нежели за любое другое. Египетские блудницы не знают деликатеса изысканней, чем отварной щенок, а древние карфагеняне — недруги римлян, народ знаменитый, — известные собаководы. В Африке, в королевстве Ангола, собак разводят подобно домашнему скоту и ценят весьма дорого. Там двадцать двух рабов, из коих каждого сбывают большею частью по десяти дукатов, люди богатые отдают за одну-единственную тучную собаку! А чтобы получить высокий титул, нет средства более верного, нежели отправить на королевскую кухню несколько жирных собак.

И вообще, у человека немало причин быть благодарным собаке. Камчадалы шьют из собачьей шкуры праздничную одежду, гренландцы используют как силу тягловую, ведь собака бежит быстрее лошади и пробегает за день десять-двенадцать миль; четыре собаки тащат сани с тремя взрослыми людьми да еще с шестьюдесятью фунтами клади! В Норвегии собак натаскивают на ловлю птиц, что гнездятся на отвесных скалах, человеку недоступных. С помощью собак загоняют также рыбу в сети. В дальних плаваньях собачьё мясо не однажды укрепляло плоть ослабших и больных людей. Собачий жир используют в медицине. Шкуру употребляют везде. Кожемяки, чтобы очистить ее от шерсти, применяют жидкие испражне-

ния собак — особенно там, где во множестве изготавливают сафьян. Многие, заболев, берут в постель к себе щенят. Сами выздоравливают, но вот щенков болезнью награждают. Вылизывая раны и подагрические шишки, собаки облегчают людям страдания.

У нас самые преданные собаки — пастушья и дворовые.

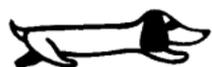
...В Риме нищего-слепца водила собака. Подойдя с ним к дому, где была надежда на подаяние, она, приняв милостыню, опускала ее в шляпу и, даже если то была пища, никогда не трогала.

...Македонского царя Филиппа сопровождал верный пес во всех битвах. Жалобно воя, лежал он возле тела убитого хозяина и вслед за ним вскочил в горящий костер (мертвых тогда сжигали), доказав тем верность своему владыке.

...В Голландии некий охотник по ошибке запер свою собаку в чулане, а сам отлучился куда-то по делам, где пробыл пять дней. Вернувшись домой, он нашел собаку мертвой с голоду, хотя рядом находилась битая дичь, ею не тронутая.

...Некто прохожий оставил на время свою собаку в трактире. Хозяйский пес, что был намного крупнее, выказал ей недоброжелательство. Чужачка спокойно вышла из трактира, но вскоре вернулась с другим псом, сильнее. И вот тогда они вдвоем порядком оттрепали хозяйского за враждебность.

...Врач Моран выходил собаку своего приятеля, которая сломала ногу. Время спустя кто-то поскребся в его дверь; открыв, Моран увидел свою пациентку, а рядом еще

собаку, у коей тоже была сломана нога. Моран, человек добродетельный, понял, чего хочет от него благородное животное.

— Что ж, будь по-твоему! — сказал он. — Но впредь запрещаю тебе оказывать протекцию пациентам!

...Пес мясника каждый вечер хаживал со своим хозяином в трактир. Однажды в лютый мороз он по обычаю собрался улечься на свое излюбленное место у очага, но его заняли другие собаки. Тогда пес выбрался на улицу и принялся громко лаять. Собаки всполошились и кинулись вон. Как только они оказались за дверью, пес мясника прибежал назад и устроился на своем месте у очага. Этот фортель он выкидывал и дальше.

А теперь кое-что о преданности.

...В Париже два человека повздорили чуть не до драки. Сбежался народ. Пес смекнул, что хозяин его вот-вот окажется в потасовке; отбежав в сторонку, он вскоре воротился, держа в зубах палку, и положил оную к ногам хозяина. Зеваки да и сами спорщики засмеялись и закончили свару.

...Солдат Обри в лесу у Бонди (во Франции) был убит и закопан в землю. Собака солдата прибежала к его другу. Она скулила, выла, кидалась на него, пока тот не последовал за нею в лес. Кто совершил злодеяние, оставалось тайною. Спустя некоторое время собака увидела рыцаря Макера и словно бешеная набросилась на него; так же она вела себя и потом, что вызвало подозрение. Король Карл V прослышал про сию историю и повелел привести к себе собаку. Более двадцати придворных там было, но лишь

на Макера в великой ярости накинулся пес. Король приказал Макеру вступить в единоборство с собакой, ибо в те поры исход поединка считали промыслом божьим. Макер был в схватке побежден собакой и повержен ею наземь, после чего признался королю в содеянном. История эта, в пьесу переложенная, была переведена господином Штепаном на язык чешский и показана в театре.

...В Америке, в Пенсильвании, в непроходимом лесу заблудился ребенок. Родители делали все, но тщетно. Тем временем наведялся к ним дикарь-индеец со своей собакою. Он спросил башмаки и чулки, что надевал в последний раз пропавший мальчуган, дал их понюхать своему псу, приказав искать. Собака исчезла в дебрях. Сверкая глазами, она вскоре вернулась, показывая, что ребенка нашла, чем избавила его от гибели. Дикаря звали Тевенис, его собаку Онаиб. Несчастливого отца Лефевр, а его четырехлетнего сыночка Дерик.

...В сильном подпитии крестьянин, возвращаясь домой, сбился с пути. Дело было зимой, валил густой снег, и пьяный уснул. Собака нагребла вокруг хозяина сугроб, а сама улеглась сверху, согревая его своей теплой мохнатой шерстью, чем и спасла от смерти.

...Три месяца, изо дня в день, навещала собака могилу своего хозяина. Чтобы отучить, ее посадили на цепь. Но она с привязи сорвалась, отогнать ее от могилы уже не было никакой возможности. Тому, кто пытался это сделать, она яростно противилась. Позже, вконец ослабнув, она раскопала могилу и в яме той околела.

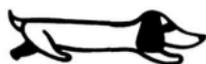
...Едучи на коне из дальних странствий, купец имел при себе собаку. Спешившись и отойдя в сторонку по нужде, позабыл он там свой пояс с деньгами. Но, не заметив этого, пустился дальше. Собака его всячески тому препятствовала: она кидалась на коня, лаяла и злобствовала. Полагая, что она взбесилась, купец выстрелил в нее, однако, хватившись пояса, скоро воротился и нашел на том месте умирающую собаку, она протягивала хозяину переднюю лапу. И тот оплакал ее, долго еще страдая и раскаиваясь.

...В Швейцарии на горе Св. Бернара стоит монастырь, где каждый путник находит отдых и гостеприимство. В той труднодоступной местности, в высоких горах, нередко случаются несчастья. Люди проваливаются в снег либо бывают засыпаны лавинами, сползающими с горных круч. Чтобы отыскать несчастных, в монастыре содержат великое множество собак. Они пускаются на поиски пропавших и многим сотням людей уже спасли жизнь.

...Два добрых приятеля отправились на прогулку. У одного из них была собака, различным штучкам обученная. Особо похвалялся хозяин, что собака его принесет любой предмет, утерянный им даже на расстоянии мили. Второй господин этому верить отказывался, полагая, что предмет, столь долго пробывший на воздухе, запах утратит, а собака единственно чутьем сильна. Побившись об заклад, приятели решили испытать собаку немедля. Хозяин ее, доставши серебряный талер, потер его руками и, положив в лесу под кустом, повернулся к дому, что находился в миле пути оттуда. Дома хозя-

ин всполошился, сделав вид, что ему чего-то недостает, а собака сразу же наострила уши. Хозяин приказал ей искать, и собака, принюхиваясь к следам на земле, убежала. Решено было ждать, покуда она не вернется. И друзья ждали. Тем временем портновский подмастерье, что ходил из города в город в надежде получить работу, свернул с дороги в лес и по воле случая набрел на то место, где ранее сидели те двое. В невеселом своем раздумье он заметил вдруг в кустах талер и, обрадованный, схватил его. "Теперь, — сказал он себе, — у меня есть деньги и не надо больше с протянутой рукой выпрашивать крейцер и сносить брань, сегодня я смогу поест, а может, и выспаться в мягкой постели".

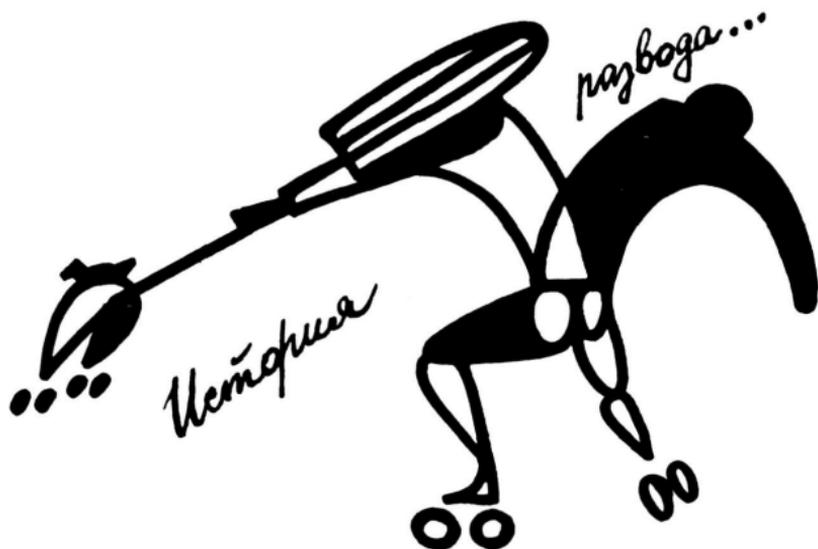
Так он радовался, и тут, откуда ни возьмись, прибежала собака и, хоть была она чужая, к нему ластилась и вертелась рядом. Портняжка радовался деньгам, радовался он и доброму псу, полагая сбыть его в ближайшем городишке. Так, довольные друг другом, направились они в город. Портняжка вместе с собакой тотчас пошел в трактир, заказал сытный ужин и постель в каморке наверху; уставши с дороги, он крепко уснул, а ласковая собака с ним рядом. Утром, поднявшись и желая одеться, штанов своих он не нашел, хотя вечером положил их подле кровати на лавку. Исчезла и собака. Портняжка позвал трактирщика и поведал ему о своей беде. Надо платить, да нечем, и без штанов не выйдешь. Трактирщик был человек добрый, он согласился подождать с оплатой ужина и ночлега и помог бедолаге, дав свои старые штаны. А тем часом приятель подтрунивал над хозяином собаки, ибо по-

лагал спор выигранным. Но тут в дверях появилась собака, неся в зубах штаны, которые положила у ног хозяина. И тот, обрадованный ее верностью, к своему изумлению, обнаружил в кармане штанов свой талер. И тогда на радостях хозяин собаки приказал узнать, у кого пропали штаны, а узнав, отослал портняжке вместе с оными и талер.

История развода глазами собаки
(Разговор в карлинской* многоэтажке, двух-
комнатная квартира 3-й категории,
переоборудованная во 2-ю категорию,
четвертый этаж, без лифта)

— Наконец-то все встало на свои места!
А могло бы встать и раньше, если б ты не
был таким трусом и не врал, скрывая от ме-

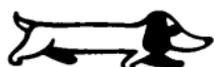
*Карлин – район Праги.

ня, что я тебе давно безразлична и ты меня уже ни капельки не любишь. Впрочем, к чему употреблять это слово, которым ты только прикрывал свое вранье, а я, дура глупая, все еще была тебе верной женой, когда ты уже шлялся по вечерам и даже по ночам — где только были мои глаза! — с той тощей бабой. Ума не приложу, как ты мог на нее польститься! Хотя мужчина без всяких принципов, вроде тебя, и к тому же без царя в голове, может польститься и не на такую. Пожалуйста! Я не возражаю. Я на все согласна! Между нами все кончено, я уже ни о чем не жалею, а если и жалею, то лишь о том, что так долго была слепа и глуха.

— Хо-хо! Слепа и глуха! Да, с той самой поры, как отправилась в так называемую "туристическую" к морю, где была отнюдь не от работы и не с подругой, как лгала мне, а с тем мужиком, имя которого мне и произносить то противно. Ты мне изменяла с бесстыдным цинизмом, на который способна лишь абсолютно безнравственная женщина! Впрочем, ты всегда была такой, а я — я, несмотря на это, ни в чем тебе не отказывал! Сколько я наломался, чтобы сделать из нашей квартиры самое прелестное и самое уютное гнездышко в мире, и все потому, что тебе это втемяшилось в голову! Я провел здесь центральное отопление, пока ты преспокойно разгуливала по ресторанам! Что ж, я готов! Развод, и только развод! И не жди, что на суде я тебя пощажу и всю вину возьму на себя...

(Точка зрения собаки Лизы)

Опять лаются! Теперь они лаются постоянно. Где те времена, когда в квартире ца-

рил мир и покой и порядочная собака могла себя чувствовать здесь как дома! Я лежала на ковре и наблюдала, а эта парочка рассиживала в креслах и смотрела телевизор. Не понимаю, что они там видят хорошего? Но вот наконец один из них поднимается, нажимает кнопку, экран угасает, и мне ясно, что наступило счастливое время вечерней прогулки! Остается лишь пробежать по ступенькам вниз, и вот уже улица, довольно тихая и пустынная. А так как у нас, у догов, шерсть темная, то можно исчезнуть в небольшом сквере, и никто не заметит, что ты носишься как угорелая по траве, хотя это запрещается, и поднимаешь ножку, что тоже запрещается, — никак не пойму, почему все запрещается? Странно, но в этом человеческом мире всегда "нельзя" то, что совершенно естественно, зато дозволено многое, что любой собаке кажется абсолютно бессмысленным.

Теперь мои хозяева телевизор не смотрят, теперь они друг на друга только рычат, а иногда даже бьют посуду. Поначалу я считала, что они играют, оказалось, нет. Черепки долго валяются на полу, она плачет, а он эти черепки топчет ногами. Представить только, чтобы какая-нибудь собака пнула лапой свою миску и разбила ее! Такого собака никогда не сделает, потому что миска — это расчудесная вещь: вечером она полна густой похлебки с кусками мяса. А люди почему-то преспокойно швыряют друг в друга даже те тарелки, из которых только сейчас ели! Н-да, остается лишь встать у дверей и долго стоять там, давая понять, что мне уже пора, тут уж ничего не поделаешь!

Приспичило. И один из них наконец-то поднимается. Обычно это делает мой хозяин. Он заявляет, что как человек долга обязан считаться с тем, что необходимо собаке, в то время как она — хозяйка — с легкой душой даст собаке подохнуть! После этих слов он хватается за поводок и выводит меня, за что я его и люблю. Иногда он не идет, тогда со мной назло ему отправляется хозяйка. Она говорит: "Ты моя бедняжечка, этот варвар способен замучить даже собаку. О, если б ты знала, Лиза, как он поступил со мной! Ну и повезло же нам обеим!"

Но мне все это ни к чему, главное — чтоб поскорее открыли дверь и я оказалась на улице. Есть вещи, которые сильнее нас, и пренебречь ими невозможно... Нда-а! Случается, что вечером она дома одна и все время торчит у телефона. Лицо у нее такое нежное... Иногда дома сидит он и тоже все время разговаривает с кем-то по телефону. Из трубки доносится писклявый голосок, а он бормочет что-то, как будто ласкает чужую собаку или еще хуже — тьфу! — кошку.

(Примечание)

На первом разбирательстве в суде примирение между супругами достигнуто не было, и потому назначили второе разбирательство. Муж переехал в другую квартиру. Он знал, что, так или иначе, жилплощадь останется его бывшей жене, и, кроме того, томился без своей возлюбленной. Жене это было удобно, потому что квартира теперь принадлежала ей одной, хотя приходилось вставать на полчаса раньше, чтобы выгулять собаку. Но с собакой она не чувствовала себя та-

кой одинокой. Зато — официально это, конечно, не принимается во внимание — страшно одинокой чувствовала себя собака Лиза.

*(Рапорт постового милиционера о происшествии
в Летенских садах)*

В 16 ч. 20 м. во время обхода я обнаружил у выхода из Летенских садов толпу людей. Подойдя ближе, я увидел, что крупная собака породы "дог" тащит за брюки гражданина, который после проверки документов оказался гражданином Яном Галой, служащим, прописанным в Карлине, но проживающим в настоящее время у барышни Зламаловой, в указанное время находившейся тут же в состоянии неглубокого обморока. По свидетельским показаниям граждан, дело обстояло следующим образом: вышеуказанный гражданин Гала и барышня Зламалова, которая, очнувшись от неглубокого обморока, признала, что они ведут с вышеуказанным гр. Галой общее хозяйство, так как тот пребывает в состоянии расторжения брака, чего вышеуказанный не отрицал, прогуливались по парку, когда к ним подбежала собака породы "дог" крупных размеров и стала бросаться на гражданина Галу, своего хозяина, которого долгое время не видела. Собака породы "дог" лизала его физиономию, а он обнимал ее, и многие граждане были этой сценой растроганы. После чего собака породы "дог", пол — сука, попыталась утащить гражданина Галу куда-то в сторону, где была супруга вышеуказанного гр. Галы, которая находилась с собакой на прогулке, а с гражданином Галой в состоянии расторжения брака. Барышня Зламалова хотела

ему помешать и попыталась отогнать собаку. Как показывают свидетели, барышня делала это весьма бесцеремонно, а по утверждению некоторых, более того — грубо, что барышня Зламалова отрицает. Собака, т. е. сука породы "дог", окрас черный, бросилась на нее, и это вызвало у вышеуказанной барышни неудовольствие. Тов. Гала добавляет, что догиня Лиза на барышню Зламалову не нападала, а просто, желая выразить ей свою симпатию, положила лапы на ее плечи и облизала лицо, покрытое жидкой крем-пудрой марки "Дермакол". Но догине Лизе "Дермакол" пришелся не по вкусу, отчего последняя взвыла, и это в свою очередь испугало вышеуказанную б. Зламалову, которая упала в неглубокий обморок. Во время разбирательства подошла пани Галова, супруга вышеуказанного тов. Галы, и увела догиню Лизу, сопроводив эту акцию несколькими нелестными замечаниями в адрес мужа. Догиня упиралась и выла, а б. Зламалова громко причитала, и потому тов. Гала не знал, кого успокаивать. В заключение пострадавшая б. Зламалова сообщила, что никаких претензий к хозяину собаки гр. Гале не имеет, и толпа рассредоточилась. Имею дополнительные сведения, что собаке (догине Лизе) были ранее сделаны прививки от бешенства. Дело закрыто в 17 ч. 10 м.

(Разговор в однокомнатной отдельной квартире дома 1-й категории, второй этаж, лифт, встроенные шкафы)

— Ну, знаешь, я многое в жизни повидала, но такое! Твоя страшная баба наверняка натравила на нас эту уродину, чтобы те-

бя оскорбить, а меня опозорить! Ты же, как и следовало ожидать, ведешь себя безобразно! Вместо того чтобы вмешаться и пнуть эту бестию ногой, ты еще с ней лижешься!

— Довольно! Я вынесу все, только не оскорбления в адрес Лизы. Собака ни в чем не виновата, она существо преданное и ласковое и всегда была мне верна, чего я не могу сказать о женщинах.

— Что это ты вдруг заговорил о женщинах во множественном числе? Очень мило! Раньше ты изображал, будто, кроме неудачной связи со своей женой, знал одну-единственную женщину — то есть меня! При всем при том твоя баба, конечно, это безобразие подстроила! Она хотела, чтобы собака меня придушила — и проблемы как не бывало. Любой порядочный человек после этого отвез бы этого лютого зверя к ветеринару и усыпил!

— Категорически запрещаю тебе нападать на Лизу, ибо она не способна ни на какие гадости! Сразу видно, у тебя никогда не было собаки и ты не представляешь себе, что это за прекрасные создания! Лишь поистине тонкий человек может понять, что такое любовь к животному и любовь животного к человеку!

— Это переходит всякие границы! Я, которая поддалась на твои искушения, я, которая приняла тебя в свою однокомнатную отдельную квартиру, я, которая заботится о тебе, в то время как тем дряням — сейчас я говорю не только про твою жену, но и про твою суку Лизу! — осталась двухкомнатная квартира, потому что ты — шляпа и мямля, естественно, лишь по отношению к ней, но не ко

мне, меня ты почти отдал на растерзание зверю, мне пришлось падать в обморок, пока не пришел постовой! Столько народу собралось! Ты бы слышал, что они о тебе говорили, пока я была без сознания.

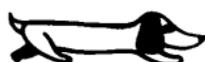
— Хотелось бы мне знать, что это за обморок, если ты слышала, о чем трепалось бабье! Признайся, ты разыгрывала комедию, а несчастное животное просто искренне обрадовалось, что видит меня. Ты это использовала и сейчас используешь в своих мелких интересах, и я начинаю задаваться вопросами, которыми до сих пор не задавался, я, моя милая, не слепой, ты напрасно это вообразила, и не идиот, как ты надеешься, и потому требую признать, что ни я, ни Лиза не виноваты...

— Ты привык к скандалам и потому ловишь меня на слове, ты всегда все ставишь с ног на голову, и я не могу понять, почему позволяю оскорблять себя в своей собственной однокомнатной квартире первой категории, где до сих пор проживала одна...

— Одна! Смех, да и только, милая ты моя...

— Ты выходишь за рамки приличия! Поднимаешь скандал и становишься просто невыносимым...

(Разговор, конца-края которому не видеть, вдруг прерывается шумом разбиваемого кофейного сервиза, воплями, а затем стуком в стенки из соседних однокомнатных отдельных квартир. После чего мужчина выскакивает на улицу и мечется по ближайшему скверику один, с завистью поглядывая на тех, кто проводит здесь время в хорошем расположении духа и в обществе своих собак. Он чувствует себя ужасающе одиноким.)

(Разговор в карлинской многоэтажке, двухкомнатная квартира 3-й категории, переоборудованная во 2-ю категорию, четвертый этаж, без лифта)

— Ну вот, опять! Прощу тебя, внуши, наконец, своей уродине, чтобы она не клала голову мне на колени! Ты только погляди, во что она превратила мои бежевые фланелевые брюки! Ужасно, до чего же слюнявая собака!

— Ну-ну, ничего страшного не произошло. Высохнут. Лизонька просто показывает, что любит тебя, и ты не смеешь ее отталкивать! Животному необходима любовь человека!

— Благодарю покорно за такую любовь! Да это же телок, а не собака! Когда радуется, начинает хлестать своим хвостиком, того и гляди, перебьет мне ногу!

— Лизонька, отойди, этот человек не любит собачек. И неизвестно, любит ли он людей! Явился прямо к ужину, знает, что у меня хлопот полон рот, но ему и в голову не придет помочь мне, хотя бы вывести тебя, пока я буду возиться с холодными фаршированными помидорами на закуску, жарким из молодой кольраби с мясом да еще готовить сладкое. И все это, конечно, ради него, а он и знать не желает, что у меня голова идет кругом.

— Что верно, то верно! Я не в состоянии вывести это чудовище на улицу! И не боюсь в этом признаться. Мне приходится все время держать ее на коротком поводке, а в последний раз она просто волочила меня по тротуару. Такой зверюге необходима хорошая дрессировка, она же на всех нагоняет ужас!

— Интересно, интересно, с чего это ты

вдруг начал трусить! Именно ты! Когда мы встречались тайно и, более того, вместе ездили в Болгарию, к морю, ты был храбрее. Увы, те времена ушли безвозвратно. Учти, Лизонька, мужчина, который боится собаки, — это лишь полмужчины, а может, и того меньше.

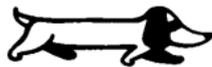
— Да, единственное, что мне остается, — это сойти за половину или даже четверть мужчины! В один прекрасный день тебе и этого покажется много и я окажусь лишь восьмушкой мужика! Ну нет, извините, такие отношения меня не устраивают. А ужином меня попрекать нечего!

— Недаром говорят, кто не умеет ладить с животными, тот не умеет ладить с людьми! Не скули, Лизонька! Нет, скули! Ты права, тебе уже самое время на улицу, а этот дядя с тобой идти не желает. Сейчас я надену пальто и пойду с тобой сама. Где сказано, что ужин должен быть непременно в половине восьмого, да еще из трех блюд?

— Если ты даешь мне понять, что я нежеланный гость, пожалуйста! Только скажи. В конце концов, я привык питаться в столовках, там посетителя по крайней мере не принуждают выгуливать этих чертовых собак!

(Размышления Лизы)

Очень странно, но, сдается мне, я весьма угодила бы своей дорогой хозяйшке, если бы сожрала волосатую девицу, у которой живет теперь мой дорогой хозяин. Не стану отрицать, и мне это доставило бы немалое удовольствие, если бы пожирание людей было в собачьей натуре. Мой хозяин тоже наверняка будет рад, если я разорву на части нашего

гостя, от которого так мерзко несет какой-то помадой. Вцеплюсь в горло — и все, порядок. Но разве воспитанная догиня — тигр или варан, чтобы пожирать живых людей? Я предпочитаю требуху и вкусную вареную пашинку, мне намного милее сарделька, чем тот дядька, что похаживает к моей хозяйке. Наш брат (или сестра) собака не может поступать опрометчиво и забывать, что (он) она — всего лишь собака и многие человеческие недостатки ей чужды. Нет, я не трону ни ту, ни другого. Наоборот, я буду с ними любезна, но тверда! И стану слюнявить штаны пижону, как только представится возможность. Он меня не прогонит, побоится. Стоит мне даже тихонько зарычать, как он уже помирает со страху! Но было бы неплохо сжевать перчатки, которые он оставляет в шляпе на столике в передней. Что же касается моего хозяина, с ним все ясно: тут необходимы самые бурные проявления любви! Мы же непременно опять встретим его в парке, и я проделаю все, что умею: повалю его на землю, чтобы сбежалось как можно больше народу, хозяин на меня сердиться не станет, ведь раньше он никогда не сердился — а как мы замечательно возились! — и даже гордился, что не трусит, когда я щерю клыки и хватаю его за руку, ведь я сжимаю зубы не более, чем если б держала в пасти перышко. Так поступают все сильные собаки.

(От автора)

Прошло много времени, но бракоразводный процесс еще не завершился. Догиня Лиза уже знала, где живет ее дорогой хозяин, и частенько навещала его. По этой причине

блондинка впадала в отчаяние. У мужчины же, который навещал хозяйку, Лиза изжевала не только замшевые перчатки, но и велюровую шляпу. Это был предел того, что он мог вынести.

Однажды вечером в садик у карлинской многоэтажки явился Лизин хозяин под предлогом, будто ему нужно взять кое-какие вещи. В действительности же он пришел, чтобы увидеть, как его жена (в настоящее время в состоянии развода) выгуливает Лизу, и позавидовать им обеим. Кроме того, ему больше нигде было жить, двери однокомнатной отдельной квартиры первой категории захлопнулись перед ним навсегда.

Лиза, увидав его, продемонстрировала такую силу любви, что сшибла хозяина с ног. И подбежавшая хозяйка не знала, что делать: помогать ли ему подняться или обнимать Лизу и, воспользовавшись представившейся возможностью, его тоже. Владельцы других собак при виде этого всплескивали руками либо, растрогавшись, пускали слезу. Каждый в соответствии со своим темпераментом.

— Не могу себе представить, что сейчас мы опять расстанемся, — молвил хозяин, — но, увы, у тебя дома этот... не хочу даже называть его имени...

— Ошибаешься, он оказался недостойным трусом в отношении Лизы, кем же он мог оказаться в отношении меня? — сказала хозяйка. — Ты можешь спокойно жить в своей комнате.

Безо всякого труда мы могли бы описать конец этой истории и завершить ее рассказом о страстной и полной любовных вздо-

хов ночи с клятвами и обещаниями. Но не следует уходить от реальности а, главное, пренебрегать собачьими привычками.

Когда помирившиеся супруги опустились на ложе, догиня Лиза забралась к ним в постель и улеглась между ними, чтобы они могли провести ночь как можно приятнее. Ведь каждый из них имел теперь возможность трепать ее по спине и почесывать за ушами.

Знайте: ничего прекраснее для собаки нет.

Моритат* о Кулишке

Жил некий добрейший и благороднейший муж, владелец прелестной таксы по имени Кулишек. Такса Кулишек обладала гладкой блестящей шерстью, была очаровательно неуклюжей и вечно полеживала на шее эдаким мягким, теплым воротником у согнувшегося над пишущей машинкой хозяина. Ибо ее хозяин, пан Мирослав, был мужем ученым, историком, и среди древних пергаментов чувствовал себя как рыба в воде. Разумеется, пану Мирославу было известно, что еще вавилонский царь Хаммурапи определил в своих законах ответственность владельца за поведение его собаки...

К счастью, Кулишек вел себя безукоризненно и любезно, он был не способен на дурные поступки и переваливался на своих кривых ножках столь беспомощно, что любящие хозяин и хозяйка носили его на руках вверх, а также вниз по лестнице. Потому как Кулишек, обладая всеми присущими своей

*Моритат – песнь об убийстве.

породе чертами, обладал ими в еще большей степени, и ноги у него были значительно кривее, нежели у остальных такс, что и усложняло ему передвижение.

Историк, хозяин Кулишека, любил рассказывать, как однажды Кулишек, увидав на улице летящего шмеля, попытался его преследовать. Но когда шмель, резко изменив направление полета, ринулся вперед, целясь прямо в мордочку Кулишека, добряк такса рухнул на землю, моля о снисхождении.

Чтобы иметь необходимый для работы покой, наш историк подыскал себе и Кулишеку комнату в уединенном домике лесника в кршивоклатских лесах и совершал многочисленные прогулки среди густых зарослей, в которых низкорослый Кулишек исчезал, естественно, с головой. Впрочем, время от времени Кулишек подтверждал, что он все-таки из породы норных, и совал свой нос в какую-нибудь нору, но, когда из одной такой тучей вылетели осы, прекратил столь опасную и исполненную драматизма деятельность.

Лесник Барабаш, тот самый, у которого они поселились, был человеком непосредственным и, глядя на Кулишека, брюзгливо говаривал:

— Этот полупес — нечто среднее между селедкой и попугайчиком. Ему бы только полеживать в комнате на подушках да слушать, как вы стучите на машинке, так-то вот. Настоящей собаке место во дворе.

Во дворе у лесника Барабаша и в самом деле жила собака. Эдакий полкан неопределенной породы, которых, как правило, заво-

дят в сельской местности. Леснику, несомненно, следовало бы держать у себя чешского фоусека, но Барабаш не был охотником, он был из тех лесников, которым предписано мотаться по лесу отнюдь не в поисках дичи. План по сдаче древесины в кубометрах преследовал его даже во сне. И потому Барабаш брал с собой в лес лишь суковатую дубинку да трубку-носогрейку. Цепную собаку звали Оржех, и в его обязанности входило оставаться при доме, когда лесник бывал в лесу, и бегать на цепи по проволоке между миской с водой, всегда теплой и грязной, и обедками, вечно облепленными мухами. И еще его обязанностью было лаять. А теперь, когда в домике поселились дачники, Оржех получил строжайший наказ не сожрать ненароком полупса Кулишека.

Кулишек предпринял было попытку с ним познакомиться, но это добром не кончилось. Цепная собака не приемлет собак, свободно передвигающихся, тех самых собачек при хозяине, которых кормят деликатесами и выводят на прогулку.

И Кулишек, чтобы поразвлечься, ходил вокруг пса Оржеха на почтительном расстоянии, а тот злобно выл и хрипел, потому что цепь мешала ему ринуться на полупса Кулишека.

Версию о том, что Кулишек ходит вокруг Оржеха на почтительном расстоянии, придумал хозяин Кулишека и сам же ее повсюду распространял.

Если бы он удосужился взять метр и провести линию, по которой передвигается Кулишек, то обнаружил бы, что эта линия есть касательная к полукругу, прочерченному на-

тянутой до последнего предела цепью Оржеха.

То есть Кулишек был намного сообразительнее, чем это можно предположить: он вычислил, докуда может дотянуться Оржех, и бегал дразнить его и издеваться. Оржех неистовствовал, и хозяин поначалу опасался за своего Кулишека, но потом успокоился, поняв, что боязливая собачонка ближе не подойдет. А Оржех страстно мечтал, чтобы цепь хоть разок ослабла на несколько сантиметров, и тогда он наконец-то ухватит за ухо нахала, что измывается над ним! И это будет самая прекрасная минута в его жизни. Ведь по вечерам, когда лесник спускал его с цепи, Кулишек прятался в комнате, куда Оржеху доступа не было.

— Обратите внимание, ваша собачонка боится темноты, — хмуро сказал как-то лесник Барабаш, — баба, а не собака.

”Комнатный полупес! Помесь селедки с попугайчиком!” — это, скажу я вам, было ужаснейшим из оскорблений, брошенным лесником Барабашем прямо в глаза Кулишеку. Обиднее этого такса с самыми кривыми ножками, какие только могут быть у этой породы, представить себе не могла. Кулишек обиду, конечно же, затаил, и его взор, обычно ласковый и нежный, иногда затягивался тучей, но никто этого не замечал.

Случилось однажды леснику Барабашу выбраться из дому по дровяным делам только под вечер, он поменял псу Оржеху воду и предупредил, что вернется поздно.

Кулишек вперевалку двигался по комнате, потом выкатился во двор: ему, видимо, стало жарко и он надумал проветриться.

Через некоторое время послышался яростный лай. Оржех лаял непривычно громко и злобно, с короткими передышками.

”Где же Кулишек? — испугался добрый хозяин-историк. — Уж не заблудился ли в такой темноте?.. Чего это Оржех так рычит на него? Ведь Кулишек мог подойти к Оржеху ближе, чем позволяет цепь, и тогда ему конец!”

Историк вскочил и бросился на двор.

Однако двор был пуст, лишь Оржех рвался и хрипел на привязи.

Хозяин позвал Кулишека, но никто не откликнулся и не появился; это было странно, ибо прелестный, нежный песик был известен своим послушанием. Хозяин решил выбраться со двора в сад.

И — о ужас!

Его глазам открылась страшная и непривычная картина.

В дальнем углу сада летали перья. При ближайшем рассмотрении они оказались перьями белой курицы, которая, растерзанная, лежала на земле, а рвал ее зубами и пожирал не кто иной, как наш ласковый комнатный песик Кулишек. Он пожирал ее розовое мясо с яростью и захлебывался брызжущей кровью.

Курятник стоял распахнутый настежь.

Добрый хозяин все понял. Его комнатная собачка убила курицу. Бедняга Оржех взывал тщетно.

— Кулишек! — издал хозяин вопль из самой глубины своей израненной души. — О, милостивый боже!

Кулишек оставил курицу и отряхнулся. Сверкание его глаз стало как будто угасать.

Но он еще продолжал старательно и алчно облизываться. Вся его морда была перепачкана кровью, кровь была и на ножках, таких кривеньких, что он с трудом поднимался по лестнице.

Хозяин кинулся к курятнику. Курятник был пуст, а на чердак вела приставная лестница с заляпанными ступеньками. Здесь наследил, залезая наверх, полупес Кулишек, где и настиг свою жертву.

Грабитель и убийца Кулишек!

Теперь жди неприятностей! Но где же остальные куры? В страхе разбежались кто куда?

Хозяин схватил Кулишека и потащил к колодцу мыть. Он бранил его, а вид у Кулишека был довольный.

— Ты понимаешь, что натворил, дрянь ты эдакая? — грозным голосом спросил его хозяин.

Но Кулишек, песик, который столь часто воротником лежал у него на шее, безмолвствовал.

Хозяину пришла в голову мысль, что курицу необходимо куда-нибудь спрятать. В охватившей его панике он никак не мог придумать — куда. Кроме того, в историке заговорила совесть. "Нет, я не стану ее прятать. Ну сколько может стоить курица, которая усердно несет яйца?"

Сколько бы ни стоила, он просто-напросто заплатит, принося при этом многочисленные извинения. Кроме того, курица, вероятно, безрассудными взмахами крыльев спровоцировала несчастного Кулишека на столь ужасный поступок!

Так, бегая в смятении по двору и по са-

ду, бедный историк вдруг заметил под кустом сирени нечто странное. Он принес фонарик, засветил его, и фонарик выпал из его опустившихся рук. Курочки из курятника вовсе не разбрелись. Они лежали под кустом. Ровненько, рядком. Все шесть были мастерски и аккуратно задушены и уложены так, что любой привереда охотник остался бы доволен.

Историк ощутил резкую боль в груди и сообразил, что на него надвигается инфаркт миокарда. Смертельно бледный, он отшатнулся, позабыв белую курицу, жестоко изуродованную жертву Кулишека, где-то между двором и садом.

Прижимая к сердцу мокрое полотенце, историк рухнул на кровать.

Наконец вернулся лесник Барабаш. Он был безудержно весел, видимо, путь его пролег вблизи трактира.

И вдруг раздался вопль:

— Беда, пан доктор, с нами стряслась беда! У нас побывала куница! Вы слышите?

— Угу, — стонал историк. — Мне плохо.

— Это от жары, — послышался голос лесника. — Вы себе лежите... Но эта негодяйка куница загрызла мою курицу! Как раз ту, что так хорошо неслась. Ее ни с кем не спутаешь, это куница!

С ложа раздался слабый голос:

— А не мог этого сделать кто-нибудь другой? Ну, скажем, собака?

— Да вы что! Откуда здесь взяться собаке? А Оржих сидит на цепи!

Оржих жалобно выл, тщетно пытаясь объяснить хозяину, что произошло на самом деле, но тот его не понимал.

— А может быть, Кулишек, — пискнул из глубин своего ложа немощный ученый.

— Го-го, — загоготал лесник Барабаш. — Этот задохлик? Меня, лесника, не проведешь! Здесь побывала куница.

— Я удовлетворен, — сказал ученый-историк, но сказал это совсем тихо. Вернее, не сказал, а подумал.

Лесник, несколько успокоившись, спустил Оржеха с цепи.

Добродушный пес отряхнулся и опротягивая кинулся в сад, прямо под сиреневый куст. Лесник направился следом. И тут раздался новый вопль, и лесник поплелся домой. Он держался за сердце, точно так же, как минуту назад его дачник.

Из кухни донесся его хриплый голос:

— Пан доктор, я ошибался... Это была лисица... Черт бы все побрал, я уже давно твержу себе, пора походить вокруг дома с ружьем, но от меня все требуют и требуют эти дурацкие кубометры... Господи боже, вот беда так беда...

И он тоже положил на сердце мокрую тряпку, и на дом опустилась тишина.

Кулишек поднялся со своего коврика и направился к хозяину. Вскочив к нему на кровать, свернулся калачиком.

— Вот видишь, — подтвердил он тихим собачьим голосом, — это была лисица. А ты сразу...

Не следующий сезон добряк ученый купил домик в деревне поблизости, обнес его высоким забором и держит там своего Кулишека, хищника и убийцу.

Между прочим, с той поры на совести этого нежного песика гибель двух кошек,

вообразивших, что от такого заморыша не стоит удирать, и двух ежей, которых Кулишек, весь исколовшись, все-таки перевернул на спину, а потом разорвал.

А вот и мораль нашего моритата:

— Помни, дружище, что от природы не уйдешь!

Что говорят о собаках пословицы и поговорки

Коль скоро эта книга открывается пословицей, придется заняться ими посерьезнее, чтобы вы не сочли, будто других мы не знаем.

Пословицы очень важны и поучительны. В ученых книгах их определяют как "афористически сжатое, образное, логически законченное изречение с поучительным смыслом". То есть пословица есть коротенькая, в несколько слов, притча, сгусток народной мудрости. Далее, однако, говорится, что "нет нужды всегда руководствоваться пословицей, хотя неплохо прислушаться к опыту, многократно в ней заложенному. Однако весьма комично приводить их в разговоре постоянно".

Итак, постараемся соответствовать этим требованиям, хотя бы потому, что "пословица может заключать в себе истину".

Но какую же истину заключают в себе пословицы о собаке?

Собака в поговорках и пословицах выступает как герой положительный, потому что говорят: "верный, как собака", "послушный, как собака", но могут также с пренеб-

режением бросить: "тощий, как собака", "голодный, как собака" и даже "брешет, как собака", хотя это явный оговор, ведь собака не может ничего сказать, а значит, не может и солгать.

Собака часто бывает голодной, ей приходится клянить пищу и с нетерпением ждать, и потому нередко слышишь: "Ходит, как собака вокруг горячей каши", "Сколько собаке ни хватать, а сытой не бывать", "Дай собаке мосол — хоть ешь, хоть гложи, хоть под стол положи", "Не попало в рот — ин пес найдет".

От голодной собаки не просто отделаться, и потому кое-кого можно упрекнуть: "У него гордости не боле, чем у голодной собаки" — или, наоборот, об ином сказать: "Наглый, как сытый пес".

Если о чем-то, махнув рукой, бросят, что никуда, мол, это не годится, говорят: "И собаки есть не станут" — или: "Красота не лучше песьего хвоста".

О бесчестном человеке по праву выскажут мнение: "От такого и собака отвернется", а то и еще похлеще: "Жил собакой — окошел псом".

Усмехнутся, когда речь пойдет о плохой стряпухе: "Для двоих сойдет, если дома пес да кот". К такой хозяйке в гости ходят с опаской: "Как собака в кухню".

Бывает, собака лает попусту и получает по заслугам: "Вольно собаке и на владыку брехать", "Собака лает — ветер носит", "От собачьего лая буря не поднимется".

Про бабу-тараторку скажут: "Языком мелет — собаке не перебрехать".

Собаку хвалят за чуткий сон, потому и

некоторыми людьми восхищаются: "Спит, как на собачьей подстилке".

И человеку и собаке равно дают добрый совет: "Хочешь быть с хлебом, не храни до обеда".

Если ты увалень и нескладеха и ни к какому делу не гож, значит, толку от тебя "как от кобеля в церкви".

А про того, кто увещаний не слушает, говорят: "Нужны ему советы, как собаке пятая нога".

Собаке не следует много есть, потому что "тучная собака бегать не станет". Но, надо полагать, эту поговорку придумали скупцы, те, у которых "и собаке корки не перепадет" или: "У него в доме и в собаку нечем запустить". Таким людям следовало бы помнить: "Какова псу кормля, такова от него ловля".

"Не бойся собаки, хозяин на привязи", — говорят про злых людей. И советуют не забывать: "Битому псу только плеть покажи".

"Не тычь в подворье — и собаки не залают", — напоминает мудрое присловье, что можно еще истолковать так: "Не суй нос не в свое дело!"

Иногда собакам приписывают самые скверные качества: "Собака на сене лежит,

сама не ест и другим не дает”, ”Без чести, без совести, как собака без хвоста”, ”Из собаки свинины не сделаешь”, ”Собачья бы воля — не жить бы кобыле”, ”Словно песья трава в глаза лезет”, ”Кичлив был, да на цепи был”...

Но не торопитесь с выводами, не так-то все просто! Частенько говорено будто бы про собак, но речь-то идет о людях!

Ударился кто-то в загул — про такого в старой поговорке скажут: ”Пошел собакам сено косить”.

Если кто-то руглив, о нем говорят: ”Лает, как собака”.

Тщетная попытка — ”доить собаку”. Глупо ”учить рыбу плавать, а собаку лаять”.

Иногда вздохнут с укоризной: ”Не умела песья нога на блюде лежать, так под лавкой навалается”.

Человек может ”доверить козлу капусту” и с тем же успехом ”заставить собаку мясо стеречь”. Хмурый человек ”идет, будто его собаки порвали”. Если кому-то что-то не по вкусу, говорят: любит ”как собака палку”. Про человека нерешительного: ”Ждет, пока ему собака булку поднесет”. Про человека пронырливого, что всюду поспел: ”Эко чутье, будто нос собакой натер”.

Тот, кто везде ищет выгоду и постоянно что-то клянчит, — ”Подлизывается, как собака”, а когда бог разумом обделил — ”Где пастух дурак, там и собака дура”. И все эти качества нужны человеку ”как собаке здрастье”.

Влюбленный ходит за своей избранницей, как собачонка. Поженились — что ж, бывает и такое: ”Живут, как кошка с собакой”.

Когда жена мужем помыкает, можно, пожалев его, употребить такую поговорку: "Смирную собачку и кочет бьет" — и сказать, что жизнь у таких супругов "собачья".

Но, люди, внимание! — собака ваш друг, и, если вы "идете к волку на посиделки, берите с собой собаку"! Не забывайте, что "чужой собаке, чужому коню и чужой жене — не верь"! И еще, как говорится в народе (хоть и грубовато, но справедливо): "Опасайся конского задка, собачьего передка и бабьей середки!"

Если же тебе дали поручение, постарайся его выполнить, иначе про тебя скажут: "Вели псу, пес хвосту, пес ложится, хвост не шевелится".

Собаке посвящается и такая поговорка: "Сердитая собака — волку корысть". А человеку: "Бойся, лев, когда пса бьют!" И еще запомните: "Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй".

Мудрено замечено: "Собака, что лает, — не кусает" и "Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой". И если в песенке про женщину поется: "Лучше маленька девчонка, чем девица до небес", то про собаку говорят: "Маленькая собачка до старости щенок"!

Если кому-то выбор пословиц и поговорок пришелся не по вкусу, прошу меня извинить и принять то, что я смог предложить. Ведь "старого пса к цепи не приучишь".

Если же читатель похвалит — автор порадуется. Он знает, что рано или поздно настанет время, когда его "ни одна собака не вспомнит"...

III

ОБЫКНОВЕННАЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

РАССКАЗКИ ПРО СОБАК

Собака в доме

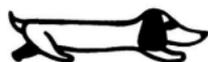
Если человек, несмотря ни на что, все-таки решил завести собаку (почему он решил, как, когда и чем это для него обернется, мы подробно говорить не станем, обо всем между строк сказано в книге), итак, если он твердо решил завести собаку, ему не остается ничего иного, как отправиться за ней. Пешком или на транспорте. По указанному адресу, к человеку, который среди собачников именуется "заводчиком". Для того чтобы иметь "питомник на дому", прежде всего необходима сука, а затем и кобель, а кроме того, огромный, просто невероятный опыт и познания. Владелец "питомника" обязан быть заядлым членом какого-нибудь клуба и свою собаку усердно натаскивать и обучать всевозможным премудростям, чтобы получить соответствующие звания и оценки (речь, конечно же, идет о собаке). Только после обучения собаки ее потомство вписывается в родословную книгу. Владелец должен иметь соответствующую территорию, которая будет отведена собакам, по меньшей мере предоставить им часть комнаты, у него должны быть снисходительные соседи, которые не станут предъявлять претензий, потому как щенята начнут беспокоить их своим скулежом, но самое главное — ему просто невозможно не быть одержимым иде-

ей, что в результате всех его усилий и стараний в конце концов на свет появятся самые прекрасные щенки вельшей, овчарок или коккер-спаниелей, и также пекинесов, биглей, бассетов, лабрадор-ретриверов, йоркшир-терьеров, шелти... — ведь это и есть истинная гордость заводчика: он выводит одну, избранную им, породу, и дело его чести заселить мир именно этими собаками. Поэтому заводчик заседает во всевозможных советах и комитетах, ходит на субботники и воскресники, чтобы как можно лучше оборудовать при клубе площадку для собак. Он должен сколачивать и сбивать щиты, перекладыны и лесенки, а также утрамбовывать беговые дорожки. Короче говоря, у такого человека хлопот полон рот, его никогда не застанешь дома, потому что он вечно пропадает вместе со своей собакой (или своими собаками) то на площадке, то в клубе, то на каком-нибудь мемориале или на лекции о развитии собачьей челюсти. Его жизнь омрачают кошмары, что он случайно отдаст щенков людям, которые воображают, будто иметь собаку — лишь развлечение, в то время как это каторжный труд! Он как дисциплинированный функционер борется с нерадивыми хозяевами, которые балуют и нежат своих собак, чем только портят, в то время как настоящий любитель-собаковод приучает их к дисциплине. От дисциплинированных родителей рождаются дисциплинированные поколения! Заводчик пишет статьи в журналы и клубные вестники. На собраниях он разносит в пух и прах тех, кто на них не ходит, на субботниках — тех, кто в подобных мероприятиях не участвует. Соба-

ковод-любитель живет, как говорится, яркой и полнокровной общественной жизнью. Впрочем, дома его считают психом, ничтожеством и никчемным мужем.

Итак, к такому вот энтузиасту и направляет свои стопы человек, который надумал завести собаку. Там его уже ожидает щенок, существо очаровательное, какой бы породы он ни был. Это маленький лохматый шарик или голенастый дылда, который, естественно, еще будет расти; щенок может быть черным, белым, ласковым либо ворчливым, но человек, увидав эту прелесть, непременно тут же сомлеет, растает, а следовательно, он пропал. Он сразу же загорается безумным желанием стать собаководом, но сначала становится собаконосом, потому что малыша приходится нести в сумке или в объятиях или увозить в автомобиле, и у него, соответственно, будет мокрая сумка, мокрый рукав или лужа на заднем сиденье машины.

Даже самые чистоплотные собаки от чрезмерного волнения ведут себя в такие минуты непристойно. Хозяева щенят, как правило, сопровождают подобные эксцессы восклицаниями: "Непонятно, что это с ним такое, именно этот щенок всегда отличался исключительной аккуратностью!.." Но тот, кто пришел за собакой, настолько взволнован и растроган, что ему поведение малыша не претит. Он охотно выслушивает длинный ряд добрых советов, ему рекомендована обширная литература, он должен повторять кучу неперемненных правил, без которых просто не может вернуться домой, и потому остается лишь удивляться, если с ним не стрясается то, что стряслось со щенком...

Наконец переговоры закончены, меня, правда, одолевает искушение сказать: сделка состоялась, ведь приобретение собаки не обходится без затрат, собака стоит денег, но об этом упоминать не принято; стыдно говорить о купле-продаже в присутствии живого существа, которое вас с растерянностью и ужасом разглядывает. У вас ёкает сердце, щеночек скулит, и это мгновенье практически бесценно. Заводчик после вашего ухода вычеркивает из блокнота еще одного щенка. Теперь ему предстоит переделать огромное множество дел, чтобы через какое-то время переслать вам синюю книжечку "Родословная собаки", где указаны основные данные о существе, которое вы уже успели назвать, ну, скажем, Пупся, хотя его официальное имя Ариет фон Гиршберг — ибо каждая по-

рядочная собака обладает столь блистательным и разветвленным генеалогическим деревом, что у вас захватывает дух и вы искренне конфузитесь перед ней за себя. Вам едва ли известно, что ваш дедушка родом из Одоленой Воды, а бабушка из какой-то деревушки под Яромержем, в то время как собачьи предки известны до почти неуловимого прошлого (т. е. до четвертого колена)! А это, извольте ли знать, шестнадцать предков блистательнейших имен, и все они "фон" или попросту "из", а у вас-то имечко, мягко говоря, куда как простенькое... Впрочем, щенку его генеалогическое древо безразлично, он сидит себе у миски с молоком и облизывается, как самый обыкновенный подзаборник, а не аристократ фон Гиршберг. Собака всегда демократична, аристократку из нее корчит заводчик, и она тут ни при чем.

Естественно, человека, возвращающегося домой со щенком, ожидают дома с большим нетерпением. У него самого было время разобратся, он в какой-то мере имел возможность выбора, но домашние томятся в ожидании: кого же он принесет? "Такой недогепа, — лихорадочно думает супруга. — Уж я-то его знаю! Обязательно выберет что-нибудь не то, ни разу еще не выбрал хоть что-то мало-мальски стоящее, если, разумеется, не считать меня..."

Дети тоже ждут. Они выдвигают невероятные пожелания, чтобы папа, например, принес пса, которого все остальные дети станут бояться. Сын в глубине души жаждет, чтобы отец привел крокодила, ведь собаки теперь у всех и у каждого! Но тут в перед-

нию входит новоиспеченный собаковод, и все члены семьи кидаются ему навстречу. Щенок визжит с перепугу и делает попытку забраться под галошницу, но это ему не удается, зато удается напустить лужицу под диваном.

Мужчина, который принес в дом собаку, повторяет в уме все, что ему известно о воспитании млекопитающего под названием "собака", и принимается совать щенка мордочкой в лужицу, угрожая всевозможными карами, но домашние обзывают его бессердечным, а хозяйка дома с энтузиазмом, который довольно быстро улетучивается, бросается лужицу подтирать.

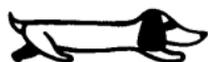
Затем, в соответствии с предписанием — многие пособия по собаководству настаивают на необходимости этого, — собаку проводят по всей квартире, по всем комнатам, чтобы она могла обнюхать и узнать свой новый дом, а также увидеть, сколько ковров ей придется перепачкать и изгрызть, сколько скатертей сдернуть на пол и сколько кресел замусолить своей шерстью, пока она вырастет и станет умной собакой, которая всего этого больше не делает и знает свое место, там ей лучше всего, потому что это единственный уголок, куда она может скрыться, если дома шум и гам, что бывает почти постоянно.

Итак, собака бредет по квартире и оглядывается, семейство следует за ней, лица у всех напряженные, им, естественно, очень хотелось бы спросить у щенка, нравится ли ему новое жилье, но, увы, только по его взглядам и можно определить, что благородному чужаку у них нравится. Еще бы! Молодая собака больше всего любит познавать новое,

но, обойдя дом, щенок начинает тосковать по старому гнезду и, пренебрегши светлым ковралом, рвется обратно на родную подстилку. Он скулит и плачет не переставая, и у членов семьи нервы ходят ходуном. С его (щенка) стороны это просто невежливо, у них тут так красиво, все знакомые завидуют, а он (щенок) недоволен. Ему наперебой суют всякую вкуснятину, которую собака по своему усмотрению лопает или нет, продолжая предаваться тоске.

Прозорлив тот, кто отправляется за щенком, когда тот подрост, когда уже стал немного собакой! Говорят, будто самый лучший щенячий возраст — месяца три от роду, ибо в таком возрасте он уже стремится удрать из дому и мужественнее переносит свое первое горе отчуждения. Но сколько бы времени ему ни было, он громко тоскует дня два-три, потом успокаивается, если, конечно, хозяин не отправляет его на поселение во двор. Там щенок воет долго и помногу, и вся округа знает, что вы завели себе собаку. Из-за соседей вы, возможно, возьмете щенка обратно в дом, а когда вам станет совсем невмоготу, то и к себе в постель. Тут-то и решится ваша судьба! Соседи теперь спят преотлично, зато вам уже никогда не удастся выспаться. Щенка легко взять в постель, но абсолютно невозможно из постели выгнать. Это основное кинологическое правило, подтвержденное долгими годами опыта.

Предположим, вы этой ошибки не совершили, но вам все равно предстоит совершить их предостаточно, и все они дадут о себе знать. А пока, друзья, сохраняйте спокой-

ствие и хорошее расположение духа, ведь теперь вы — обладатель самой прекрасной собаки в мире, и если пока еще в том сомневаетесь, то месяца через два-три подобное кощунство вам и в голову не придет. Желаю вам счастья, собаковод!

Случай в деревенском трактире

Трактир "На развилке" уже опустел, а эти двое, отец и сын, все еще сводили счета, с пьяной яростью обвиняя один другого во всех смертных грехах. Сын упрекал отца, что тот надул его, неверно выплатив долю, а отец кричал сыну, что, дескать, он и того не заслужил. Они орали во всю глотку и всё пили и пили. Трактирщик пьянство одобрял, потому что с этого жил, но ругань была ему не по вкусу. Когда пьянчуги, исчерпав запас попреков, наконец поднялись, он вздохнул с облегчением.

— Вдоль реки, мужики, не ходите, — сказал им трактирщик на прощанье, — вода высоко поднялась. Ступайте лучше задами через поле.

Сын только рукой махнул и выкатился. Позже выяснилось, что он действительно пошел задами через поле, но по пути свалился да так и остался лежать на земле, погрузившись в глубокий хмельной сон.

Отец, выделывая ногами кренделя, двинулся в другую сторону — не идти же в самом деле той дорогой, какой пошел прохвост сын, — и остановился на берегу реки.

В ночи слышался лишь тревожный лай большой собаки, которую трактирщик дер-

жал во дворе, обнесенном высоким забором. Собака была злющая... Трактирщик, успевший уже всюду погасить свет, прикрикнул на нее:

— Да замолчи ты наконец, окаянная!

И тут на берегу, над самой водой, увидел старшего. Какое-то время старикан, покачиваясь, стоял, потом шагнул вперед и вдруг — боже мой, почему? — рухнул в воду. Даже не вскрикнул.

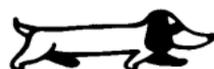
Трактирщика обуял ужас. В голове мелькнула мысль: наверняка это дело рук сына! Трактирщик бегом кинулся со двора, чтобы засвидетельствовать преступление. Однако тело старика уже несло по течению. Трактирщик припустился вдоль берега в надежде вытащить пьянчужку из воды, полагая это своим долгом. Он бросился за ним в реку, но, погрузившись в ледяную воду, пожалел о таком порыве великодушия. Увы, было уже поздно. Трактирщик все пытался ухватить старика за одежду, но, ухватив, понял, что его самого сносит течением, а он не больно-то хороший пловец и в этой ледяной стремнине вряд ли сможет спасти пьяного.

— Помогите! — закричал он что было сил. — Помогите, люди добрые!..

Голос трактирщика канул во тьму. Он захлебывался и хрипел. Беспомощное тело старика куда-то исчезло, но трактирщику было уже не до чужого тела, спасти бы свое.

— Помогите, помогите! — кричал он. — Тону!

В такое время люди, плотно затворив окна, спят. Кто его услышит? И трактирщик понял, что ему пришел конец.

Он колотил по воде руками-ногами, захлебывался и задыхался.

Лишь собака слышала его голос. Собака за высоким забором. Она выла, визжала, скулила, а потом вдруг кинулась на забор, которого до сих пор ни разу не пыталась преодолеть. Теперь это было необходимо, ее звал хозяин! Очутившись на заборе, собака с отвагой, на которую способна лишь собака, ринулась вниз, во тьму. И, добежав на голос хозяина до реки, прыгнула в воду.

Трактирщик все еще отчаянно барахтался и вдруг почувствовал рядом с собой живое собачье тело. Он понял, что спасение близко, и, пока собака тащила его к берегу, окончательно пришел в себя. В конце концов оба они благополучно выбрались на берег. Собака и хозяин.

Тут прибежала его жена, и они вместе сумели вытащить из воды старика. Однако тот был мертв.

Само собой разумеется, случившееся стало сенсацией для деревни, а пес объявлен героем... Приехали стражи порядка и обнаружили в поле крепко спящего пьяного молодца, который, конечно же, ничего не знал. Трактирщик лежал в постели, жена отпаивала его горячим чаем с ромом, чтобы не схватил простуду. Собаку опять водворили на цепь за высокий забор, и она свернулась клубком на соломе в своей конуре. Собакам не страшна ледяная купель.

— Вам повезло, — сказал вахмистр трактирщику.

— Что я не утоп? Что Рекс меня вытащил? — радостно вскричал трактирщик.

— И это тоже. Но главное другое! Ведь

лекарь обнаружил, что старик-то свалился в воду, уже померев: его еще на берегу хватил кондрашка. Иначе пришлось бы допрашивать и сына, и вас, ведь вас обоих подозревали бы в убийстве. Закон есть закон, да будет вам известно!

Трактирщик хлебнул чистого рома и отправился во двор к собаке. Собака ластилась к нему и радостно скулила.

— Ну вот что, приятель, — сказал ей трактирщик, — в другой раз меня не спасай. Эдак, вытащив из воды, можно отправить на виселицу!

И собаке за ее старания ничего не перепало, а трактирщик стал подумывать, как бы обнести двор забором повыше, чтобы собаке его не одолеть.

Какими должны быть они (собака и хозяин)?

Углубившись в вопрос, как человек пришел к собаке, мы, не прилагая к тому особых усилий, делаем необычайно любопытные выводы. Мы, можно сказать, достигаем научного уровня и рассуждаем вообще, что значит весьма неопределенно. Человечество — понятие широкое, и манипулировать им несложно. Собака — тоже понятие широкое. Однако, как только мы зададимся вопросом, почему пан Новак из Виноградов* завел себе именно таксу, тут-то и начинаем теряться в догадках, ибо ответить бессильны. Действительно, почему пан Новак не завел овчарку, или коккера, или, скажем, терьера?

*Винограды — район Праги.

И нам не остается ничего иного, нежели отправиться к самому пану Новаку и спросить. Но — увы! Дело в том, что этого он и сам не знает. Как-то получилось само собой...

Вот почему нам только и остается, что рассуждать вообще и не пытаться ответить ни на один вопрос по науке. Но все-таки по какому же принципу люди выбирают собаку?

К своему удивлению, мы обнаруживаем, что принцип этот весьма странный, более того — непредсказуемый. Есть, к примеру, такие, у кого сохранились детские мечты о собаке, и, став уже взрослыми и получив возможность завести собаку, они, не колеблясь, берут ту, о которой мечтали всю жизнь. Может быть, они верят, что вместе с собакой вернется ушедшая молодость?

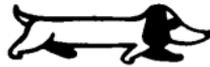
Есть другие, эти к выбору собаки готовятся строго научно: изучают всевозможные пособия по собаководству, забрасывают вопросами знакомых и получают столько сведений, что окончательно запутываются.

И еще — я полагаю, таких большинство, — это те, что берут собаку, которая, как говорится, попала под руку. Эти на первый взгляд флегматики в итоге бывают вполне счастливы, им не в чем себя упрекнуть, кроме того, ненароком они пришли к простой истине, что все собаки похожи друг на друга, более того, их качества тоже сходны, то есть все они одинаково преданы хозяину, и каждую хозяин одинаково любит.

Я не строю иллюзий. С моей точкой зрения многие не согласятся; тех, кто склонен к систематизации, кто педантичен, — не переубедишь. Они останутся при мнении, будто

подходящую собаку можно найти лишь после тщательного изучения собачьего вопроса, ибо общеизвестно, что между породами собак существуют определенные различия. Такой "методист" держит в уме рост тех собак, которых ему предлагают, и соизмеряет его с высотой кровати у себя дома (собака на кровать заберется не однажды, и хозяйину, хочешь не хочешь, придется с этим мириться), другой прикидывает, гармонирует ли эта собака с его секционной мебелью. Ведь собачий интерьер надо будет как-то "вписать" в интерьер квартиры, со всеми этими шкафчиками, шкафами и полками... Есть и такие, что, склонившись над своим автомобилем, обмозговывают, опираясь на имеющиеся пособия по собаководству, сможет ли уместиться собака избранной ими породы на заднем сиденье машины. Обладателей небольших "фиатов" обуревают сомнения, не обречены ли они пожизненно иметь карликовых пуделей. Иные, бывает, прикидывают, к какому ковру больше подойдет шотландская колли, о которой мечтает их супруга, — типа "Келим" или "Рига"? Потому что окрас и длина собачьей шерсти имеют большее значение для гармонии с цветовой гаммой ковра, чем может показаться.

Есть любители собак, которые уделяют внимание характеру и поведению собаки, — это завзятые психологи. Уж они-то знают точно, что терьеры хоть и веселые существа, но шумноваты, а иногда даже истеричны, что сенбернары меланхоличны и добродушны, что доберманам — ребятам лихим — пальца в рот не клади, могут и оттяпать: эти бывают агрессивны! И так далее... В конце концов

собаководы останавливаются на том, что все собаки хороши и наделены прекрасными качествами и, какую бы породу вы ни избрали, вам всегда гарантирована восторженная собачья любовь, именно та, ради которой люди мечтают завести собаку...

Как прекрасно, что человек выбирает себе подругу жизни, не опираясь на учебные пособия! Эдак он мог бы остаться холостяком! К счастью, мы придаем огромное значение внешности любимого существа, хотя, как известно, внешность обманчива.

Именно это бывает определяющим.

Один мой приятель выбрал себе собаку, учитывая, что любовь и преданность хозяину у этой породы ценится особенно высоко. Он утверждал, что жена хоть и любит его, но не настолько, чтобы смотреть в рот и держаться за него руками-ногами. И особой преданности, как он того, несомненно, заслуживает, не проявляет. Поэтому он желает иметь собаку, которая все это возместит ему. Когда же наконец он обрел то, о чем мечтал, и явился к заводчику за псом породы бультерьер, то, увидав его, пал духом, ибо внешность у предмета его мечты была весьма своеобразной: собака оказалась горбоносой, с овальной яйцеподобной мордой и прочими отпугивающими чертами, что повергло в уныние моего приятеля, к собакам непривычного. Он вел бультерьера домой, испытывая чувство некоторой тоски. Жена же откровенно возопила: "О боже!.." Печальный супруг признался, что был близок к подобной реакции, но за то время, что плелся домой, несколько по привычке. На следующий день пообвыклась и жена, и ныне они счаст-

ливейшие обладатели бультерьерши, к которой вполне подходит знаменитое высказывание Йозефа Швейка: "Эта собака до того безобразна, что даже красива..." Поверьте, некрасивых собак не бывает, просто есть люди с разными вкусами.

Однажды мне довелось встретить человека, который выбирал собаку, руководствуясь абсолютно бредовыми доводами. Он утверждал, что ищет собаку породы "родезский ридгебек". Окрас желто-коричневый, шерсть на загривке всегда взъерошена, потому что — по неизвестной причине — растет против шерсти, покрывающей остальные части тела. Все мы считали его чокнутым. В довершение к вышесказанному в специальной литературе о собаке породы ридгебек говорится, что она исключительно злобная, не ведает страха и готова безбоязненно вступить в схватку даже со львом или тигром.

В конце концов приятель проговорился, почему ему нужна именно такая собака. Оказалось, он живет в одной квартире с тещей — помесью льва и тигра, — которую безумно боится и противостоять ей не в силах. Разве что эта собака... Слухи дошли до тещи, нервы у той не выдержали, и она уехала из Праги к одинокому вдовцу с таксой.

Проще всего тому, кто приобретает собаку в соответствии со своей профессией. Это прежде всего охотники. Охотникам собака нужна для вполне определенной цели, в зависимости от чего они ее себе выбирают. Трудности охотник испытывает лишь в одном: ему бы нужно иметь целую свору, потому что для охоты необходим и пес норный, и на кроликов, и терьер на лису, и ле-

гавая для охоты вообще, и коккер на уток, и бигль — выслеживать дичь, а что касается медведя, тут предпочтительней иметь кавказскую овчарку. И потому мечта охотника вывести собаку сильную, как дог, злобную, как овчарка, маленькую, как такса, добродушную, как сенбернар, которой, кроме всего прочего, вменялось бы в обязанность торчать до закрытия в местной ресторации, после чего тащить хозяина домой и по дороге поддерживать в нем бодрость духа ромом из пресловутого бочонка, непрременной оснастки каждого порядочного сенбернара. Такой породы собак пока не существует, но не огорчайтесь. Если вы послушаете рассказы охотника, знакомого с подобным описанием, то сочтете, что эта собака уже есть. Да, она есть у каждого хозяина. Пока суд да дело, он наплетет вам про свою собаку такого, что померкнет любая фантазия...

Самый непостижимый народ из всех, кто жаждет завести собаку, — это снобы. Снобы имеются в любой области жизни, почему бы им не быть среди собаководов-любителей? Снобу хочется иметь не то, что есть у каждого, но чего нет ни у кого. В этом главный смысл моды. И потому он заводит боксера, это модно. Его вечно гложет сомнение, что их золотистый боксер уже не последний "крик" моды, не лучше ли будет завести тигрового... Если у сноба живет салюки, ему мнится, что салюки теперь ничто, — вот отхватить бы карафуту, тогда дело другое! Он ищет чау-чау, но в душе жаждет вест-хайленд-уайт-терьера, страстно мечтая при том о чи-хуа-хуа, но еще более о денди-дайнмонд-терьере, потому что, признаться, не представ-

ляет себе, как этот пес выглядит. Люди такого толка любят собак не потому, что они хорошие, а потому, что в моде. Снобы — рабы своих понятий и становятся рабами своих собак.

Я желаю таким снобам, чтобы щенок, которого они считают кингс-чарльз-спаниелем, выросши, оказался самым обыкновенным бобиком. Может быть, они полюбят и такого...

Самые прекрасные хозяева — это те, что свою собаку просто подобрали. Она прибилась к ним где-нибудь на конечной остановке автобуса и плелась следом, пока люди не поняли, что она потерялась, либо приметили ее возле мусорных бацков в своем микрорайоне и взяли к себе домой. Они накормят собаку, а потом полюбят. Люди они порядочные и потому напишут и развешат объявления в самообслугах и на табачных киосках, что найдена, дескать, собачка неопределенной породы, хозяин может обратиться туда-то и туда-то. Иногда они помещают объявления в газетах и дрожат день и ночь, что кто-нибудь явится и тогда придется расстаться с этим чудесным замарашкой. Иногда им везет, никто не приходит, и они наконец облегченно вздыхают. У них появилась собака из чистой любви, а у собаки есть они, тоже из чистой любви, и собака дает им это понять. Они — люди с нежным сердцем, ничего о собаках не знающие, более того, в своей невинности часто не уверенные, кто это — "девочка" или "мальчик", — и не имеют понятия, какой она породы. Они просто добры душой. У таких хозяев собакам живется лучше всего.

Итак, уважаемые собаководы, не будьте лишь подкованными знатоками, главное — будьте добрыми.

История, рассказанная от первого лица

Женская половина нашей семьи на тайном сходе рассудила, что я становлюсь с каждым днем все невыносимее и потому необходимо что-нибудь предпринять. Постановили: приобрести собаку, которая, если верить слухам, оказывает огромное влияние на хозяина. По трезвом размышлении можно с уверенностью предположить, что настоящая собака избирает хозяином мужчину. Подобный атавизм собачьей своры даже льстит сильному полу.

Как-то в нашем доме уже появлялась собака, кому-то из знакомых некуда было ее деть, однако добром это не кончилось. Я в соответствии с ситуацией уделял ей как гостю внимание, был вежлив, хотя побаивался и слегка раздражался. Собака нахально усаживалась, когда ей вздумается, в кресле, трепала ковер, пускала лужицы, и в конце концов мне пришлось привязать ее к дереву. Она тут же перегрызла веревку и удрала. Я ее искал, страстно желая не найти, какие-то люди ее нашли и, естественно, привели обратно. С тех пор я дал зарок никогда не иметь собаки.

Но теперь мои домашние по заведенному у нас в семье порядку вынесли решение, полностью игнорирующее мои требования.

Я давно сделал вывод, что женская логика такова: если чего-то не хочет муж, его

нежелание уважается, только если того же самого не хочет жена. Но если желания не совпадают, жена объявляет, что муж этого хочет, и поступает соответственно.

Сначала дома вроде бы между прочим начались разговорчики о том, как приятно иметь собаку. Наша дачка в горах просто немыслима без собаки. Дети утверждали, что уже давно боятся оставаться там одни, без охраны собаки. Я заметил, что они, насколько мне известно, ездят туда не совсем одни и если уж чего боятся, то это нашего с женой неурочного появления.

Жена возразила, что в таком случае именно собака может укрепить мораль, которая у молодого поколения приходит во все больший упадок. Я вызвался укрепить мораль самолично, вышвырнув своими собственными руками того пижона с усиками, который ухлестывает за нашей дочкой.

— Это не твое амплуа, — возразила жена, — собака управится с ним без постороннего вмешательства. Если юношу с усиками укусишь ты, тебя отдадут под суд, с собакой проще, особенно если ей сделаны прививки.

Я не без иронии согласился, что идея неплоха и ее следует обмозговать. В таком случае, естественно, лучше завести большую собаку, которая сможет унести в зубах упомянутого выше пижона с усиками. По моему мнению, с ним справится только сенбернар.

— Папочка хочет сенбернара! — радостно воскликнула моя супруга, и дети тоже обрадовались. Сын заявил: "Заметано, отче, считай, что сенбернар у тебя уже есть".

У меня подкосились ноги.

— Вы знаете, сколько такой пес пожи-

рает? Лохань варева! Сенбернар хорош в трактире или в мясной лавке, но не в доме у человека, который сидит на строгой диете, потому как у него холецистит.

И тут, само собой, проявилось то, что называется женской логикой. Моя супруга с абсолютной серьезностью поддержала мою реплику:

— Такое животное нам, безусловно, не подходит. Папочка прав. Но какую собаку ты хочешь? Только скажи! Твое желание для нас закон.

Она покраснела от столь явной лжи, покраснел и я, но позволил себе робко пискнуть, что вообще не желаю заводить никакой собаки.

— То есть как это не желаешь? Ты не хочешь сенбернара, и я тебя одобряю. Но ты наверняка хочешь другую собаку!

Я хлопнул дверью. Через некоторое время многие из знакомых стали интересоваться, приобрел ли я наконец собаку своей мечты, не скрывая при этом зависти, что моя супруга готова исполнить любое мое желание. Сейчас, например, она прилагает максимум усилий, чтобы подыскать мне собаку.

До меня дошло наконец, что я превратился в героя греческой трагедии, в которой сопротивление человека изначально тщетно, ибо рок все равно вершит свое.

В один прекрасный день жена сказала:

— Не могу больше видеть, как ты, добрая душа, мучаешься! Наши дебилы придумают какую-нибудь чушь, а ты готов тут же пойти им навстречу! Хочешь иметь собаку — так топни же, наконец, ногой, ты же мужчина! И выбери такую, какая тебе нравится. Они еще

слишком молоды, чтобы понять отца!

Не успел я набраться мужества и возразить, как явилась дочь.

— Значит, так, — объявила она, — чтоб дома воцарился мир и покой, я приведу вам великолепного боксера, это исключительно умный пес, вернее, очаровательный щенок... Так вот, папуля, не переживай, если тебе так уж хочется, ты его получишь...

Я взвыл и шлепнул на лоб мокрое полотенце.

— Ма, он уже воет, как собачка! — восхищенно взвизгнула дочь.

— Не желаю, — хрипел я. — Не желаю! Но больше всего не желаю боксера! У него приплюснутая морда и он щерит зубы!..

— Видите, дети, как хорошо наш папуля разбирается в породах собак! Какого еще боксера! Прекратите сейчас же нести чепуху! Папуля хочет другую собаку... Он сам скажет, не надо его принуждать. Будет только так, как пожелает отец!

После этой тирады она уселась рядом со мной и вздохнула. Тяжкий крест эти детки!

И я понял, что от собаки мне все равно не отвертеться, хотя есть возможность отдалить ее появление. Я просто-напросто предъявлю непомерные требования.

— Желаю дога, — объявил я наконец томно в ответ на их домогания.

— Дога... Пожалуйста, но дога достать непросто, — пробурчал сын.

— На это я и уповаю, — ответствовал с достоинством я.

Через неделю в моей комнате, всем своим видом выражая радость, возник сын.

— Отец! Да будет тебе известно — ты имеешь дога!

Я холодно взглянул на него:

— А как он выглядит?

— Ну, дог как дог... Голова с коробку от ботинок, длинный хвост, купированные уши, полный отпад! Черный. А может, золотистый, сам не знаю.

— Ни то ни другое, — заявил я строго. — Моя мечта дог-арлекин. Белый с черными пятнами. В темноте похож на привидение.

Сын со вздохом сказал, что это трудно. Мой хохот был сатанинским...

Мирно текли золотые денечки. Я демонстративно поглядывал на каждую собаку, проходящую с хозяином по улице, и развивал тему своей мечты относительно дога-арлекина. В своей наивности я был убежден, что подобная тварь может появиться на свет не скоро.

Я ошибся. Появилась. Скоро...

Итак, я отправился по определенному адресу посмотреть сие чудо природы, то есть щенка дога-арлекина. Предчувствуя, что меня ожидает, я взял с собой жену.

Это был небольшой дом в Подоли*. Уже на улице мы услышали неистовый лай. Жена обеспокоенно заметила, что собаки этой породы, пожалуй, несколько шумноваты.

— В пригороде еще куда ни шло. Но у нас! Вот будет цирк с соседями! — радостно сказал я и гордо шагнул в домик. Жена последовала за мной, и у меня сложилось впечатление, что она с трудом преодолевает желание вернуться.

*Подоли — пригородный район Праги.

Нас встретили как покупателей. Усадили в креслица, после чего хозяйка принесла в коробке полуслеплого пятнистого щеночка немногим больше варешки. Моя жена изумилась. Какое очаровательное создание! И какое крохотное!

Я засомневался, дог ли это, но в передней послышался шум, и дама-заводчица сообщила, что это мама малыша. В комнату вошла черная догиня; мы сидели в небольших креслицах, и она была не намного ниже нас.

— Она не станет беспокоиться за щенка? — спросил я в испуге, ожидая, что мама-догиня меня загрызет.

Жена побледнела.

— Нет-нет, она очень добрая, и малыш весь в нее, — успокоила нас хозяйка.

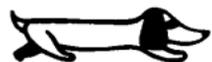
Мама-догиня облизала меня в знак полнейшей симпатии и принялась обнюхивать что-то на столе. Ей чего-то хотелось.

Тем временем на улице послышался какой-то храп и грозный рык, и хозяйка сказала, что, видимо, возвращается отец. Мы догадались, что речь идет об отце щеночка. И тут в комнату ввалилось нечто совершенно неправдоподобное. Это был дог-арлекин, пятнистый и страшный, ноги у него были самые длинные из всех, которые только возможны у собак. Мы из своих креслиц взирали на него снизу вверх с робким почтением.

Жена сдавленным голосом спросила:

— Но щенок не будет таким, как отец, не правда ли?

— Отчего же ему не быть таким, — оскорбилась дама-заводчица. — Точно таким же и

будет, а может, и покрупнее. Только кормите лучше.

Дог-папа тоже проявил интерес к тому, что лежало на столе. В отличие от своей супруги он над столом нагнулся, чтобы лучше видеть. Возможно, он был близорук.

Я бросил взгляд на жену. На ее лице застыл ужас. Видимо, она представила себе, как этот гигант станет прогуливаться по нашим комнатам, имеющим по установленным жилищным нормам двенадцать квадратных метров на человека. "А где будем жить мы?" — читал я в ее взоре.

И тут вдруг жена поднялась, заявив, что мы не станем больше задерживать хозяйку, которая, как видно, собирается стирать. И показала на огромную кастрюлю, стоящую на плите.

— Какая там стирка, — отвечала хозяйка, — это я варю собачкам ужин.

Струя пара приподняла крышку, из кастрюли показался толстенный мосол.

Мы вышли на улицу совершенно подавленные.

— Ты не станешь больше просить дога? — жалобно всхлипнула моя супруга, когда мы отошли от домика на приличное расстояние.

— Не стану, дорогая, ради тебя не стану!

И вдруг она поцеловала меня, почти так же, как в те времена, когда мы еще не были женаты! В принципе она у меня неплохая.

Дома от жены досталось всем, чтоб не придумывали чепухи. Я успел свыкнуться с мыслью, что мне будут подсовывать всяких собак, а я буду гордо отказываться. Но в доме замерла жизнь, не о чем стало говорить, и я изъявил желание завести добермана. Это

сильные собаки, а получив соответствующее воспитание, они становятся грозой для окружающих и обеспечивают хозяевам полную безопасность.

— Почему же ты раньше молчал? Доберман? Нет ничего проще! Они такие красивые, черные, с коричневыми подпалинами, им так идет коричневый цвет! — увлеченно воскликнула дочь.

— Нет, черного я не желаю, я хочу гладко-коричневого, — мстительно ответил я. Я-то знал, что коричневые доберманы — большая редкость.

Мне долго не могли простить иронической усмешки.

Однако настал день, когда усмешка сползла с моего лица. В этот день я ехал в Рокицаны* за коричневым доберманом.

Собака (и хозяин) на прогулке

Значительное событие в жизни владельца собаки (собачника), а тем более самой собаки — первая прогулка. Хозяин как бы представляет собаку обществу. Он, разумеется, мечтает, чтобы люди замирали, обступив его, или восхищенно оборачивались и млели в изумлении, увидав, какого красавца песика он ведет. Хозяин желает слышать дифирамбы, они необходимы ему, словно цветку роса. Вот почему подготовка к прогулке проводится тщательно и ответственно. Нужно не только продемонстрировать умение щенка ходить, но и придать его внешности наибольшую привлекательность. Невозможно отправиться на прогулку и ожидать всеобщего восхищения, если у вашего щенка-боксера, дога или добермана только что купированы и перевязаны уши и раздерганная повязка торчит во все стороны. В таком виде он скорее походит на рогатое животное, нежели на собаку.

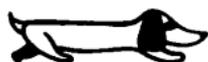
Сам акт купирования, или подрезание и укорачивание, ушей — не что иное, как традиция, привычка, более того — привычка скверная. У нас купирование практикуется, но во многих странах уже строго запрещено, по-

*Рокицаны — пригород Праги.

тому что причиняет собаке боль и скорее надуманно, нежели необходимо. Купированный хвост тоже невелика красота, но так и быть, его отхватывают у совсем еще крохотного щенка, и щенок, возможно, не чувствует такой уж сильной боли. Подрезание ушей чрезвычайно болезненно; кроме щенка, это знает лишь его хозяин, потому что щенок по ночам плачет, а ветеринарный врач рекомендует не допускать, чтоб он чесал свербящие, перевязанные ушки. Рекомендовать-то легко, попробуйте выполнить! Хозяину советуют соорудить (естественно, для собаки) большой круглый ворот из картона, надеть щенку на шею, чтобы он не смог добраться до ушей лапками. Но, увы, натянуть на него такой круг и заставить носить — не просто. Потому как щенок беснуется еще сильнее, он боится, что эта мерзость навсегда останется на его шее.

Считается, что уши купируют, чтобы придать собаке строгий и бдительный вид. Никто никогда не смог объяснить мне толком, почему уши торчком придают животному больше строгости. Попробуем представить себе, что все люди, которые несут соответствующую службу, то есть те, перед кем следует держать ухо востро, скажем контролеры, милиция, всевозможные сторожа, имели бы купированные уши!

А ведь с некоторыми породами собак поступают именно так, и лишь немногие хозяева в состоянии этому акту воспротивиться, настолько непреложны законы разведения собак. Тем не менее я могу засвидетельствовать, что один мой знакомый, владелец боксера, не разрешил купировать своему щенку

уши и пес вопреки привычному стандарту чрезвычайно хорош собой. И не похоже, что он нагонит меньше страха, если с рычанием кинется на кого-нибудь.

Короче, хозяин, чьей собаке не удалось избежать купирования ушей, должен прогулку отложить до времени, пока не заживут раны и повязка будет снята. Только после этого он сможет вывести своего красавчика на всеобщее обозрение.

Для первой прогулки собаке необходимо иметь кожаный ошейник или ремешок, поводок и намордник, которые молодая собака — и это вполне понятно — носить не желает. Экипировались? Вот теперь у вас настоящая собака.

Прежде чем вывести пса на прогулку, его надо предупредить, что вести себя следует хорошо, не задирать лапку, где ему вздумается, не обнюхивать все подряд и не лезть куда не надо, нельзя класть кучки посреди оживленной улицы и приставать к каждому, кто его окликнет. Владелец собаки подготовлен к прогулке многочисленными пособиями, он знает, какой длины должен быть поводок, знает также, что водить пса следует слева от себя. Вы спросите, почему именно слева? Да просто потому, что это собачье место. А собачье потому, что в древности, когда мужчина еще носил на боку оружие, то есть меч, шпагу или — в более близкие к нам времена — саблю, ему нужно было иметь свободной правую руку, чтобы воспользоваться оружием без промедления.

Не знаю, как вам, но мне страшно нравится, что старые предписания переживают самое жизнь на целые века!

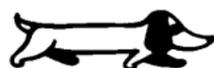
Итак, вперед, с левой ноги. Собака идет слева от вас, вы ведете ее левой рукой, и голова ее тесно прижата к вашей левой ноге. Если вы остановились, хорошо воспитанная собака должна не только сразу же остановиться, а не волочить вас за собой, будто тряпку, но еще и сесть у вашей левой ноги. Однако что значит должна?! Радуюсь жизни, щенок станет носиться вокруг вас, и не успеете вы опомниться, как уже не он, а вы окажетесь на поводке, и если не заметите этого вовремя, то шлепнетесь на тротуар именно вы, а не щенок, которого вы пытаетесь строго одернуть.

Собака своими действиями показывает вам, что поводок — бессмыслица, и старается разорвать его или перегрызть, а то и просто им пренебречь.

Она скулит и мечется, мотается из стороны в сторону, как ей взбредет в голову, и торжественный выход, так старательно отрепетированный, превращается для вас в нечто похожее на пляску дервиша. Вы подскакиваете, переступая через поводок, изворачиваетесь, чтобы высвободить непослушные собачьи лапы, и производите весьма комическое впечатление. Неудивительно, что люди поглядывают — кто доброжелательно, а кто осуждающе — именно на вас, а не на собаку: ведь это вы развлекаете спешащую куда-то толпу.

К счастью, на свете есть дети, которые сразу же заметят любого щенка и в великом восторге кинутся к нему, потому что приласкать чужого щенка — одна из величайших радостей жизни.

Щенок всей этой кутерьмой насмерть

перепуган и бесконечно счастлив, ведь щенок обожает не только вас, но и всех людей вокруг. Он полон восторга и хочет познакомиться с каждым лично, лизнуть его и — что не исключено — вцепиться в смешные болтающиеся штанины. Великолепные запахи — все без исключения, — которые щенку необходимо изучить, мешают ему идти в ту сторону, куда волочите его вы. Если вы останавливаетесь, он изо всех сил тащит вас прочь, хотя поводок душит его до хрипоты. И вы ужасаетесь при одной только мысли, что с вами будет, когда пес вырастет, если уже теперь он обладает столь неправдоподобной силой. И вас охватывает безумная радость, что вы приобрели всего-навсего терьера, а не ньюфаундленда, скажем. Прогулка, которая должна была явить собой высшую школу элегантности и которой надлежало подогреть ваше благородное человеческое самолюбие, превращается в спортивное мероприятие — приседания и прыжки на месте. Обычно это мероприятие кончается позорно: вы хватаете щенка, зажимаете его под мышкой и тащите домой.

Иногда прохожие останавливаются и отпускают восторженные реплики, но иногда также замечания, отражающие полное невежество в собачьем вопросе. Владелец собаки оскорблен до глубины души, если при виде его коккера кто-то спрашивает, действительно ли это дог. Один знакомый едва не покусился на свою жизнь, вернувшись с прогулки со своей свежeweыкупанной жесткошерстной коричневой таксой, когда чей-то ребенок на улице при виде их в ужасе вскрикнул:

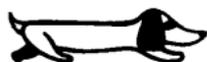
— Папуля, смотри, дяденька ведет на мешке большую мышь!

Было бы разумно снабдить щенка в нежном возрасте ярлычком, как это делают садоводы с цветами. Если собака потеряется, сведения о ней может дать собачий жетон, но еще лучше выгравировать на ошейнике адрес. На ошейнике собачки великого французского драматурга была прозорливая надпись: "Меня зовут Лулу, и мне принадлежит господин Бомарше".

С первой прогулки владелец собаки возвращается в самых растрепанных чувствах. Он вне себя, и мысль, что ему придется выводить собаку по меньшей мере дважды, а то и трижды в день, буквально сшибает его с ног. Обессиленный, он валится на диван, а пес весело и убогостворенно лижет ему руку и грызет шлепанцы, потому что щенку прогулка понравилась и он не чувствует никакой усталости. Да и с чего бы ему устать? Ведь на этом мерзком поводке мотался и дергался не он, а его дорогой хозяин!

Но все плохое когда-нибудь кончается. А однажды ваш пес пойдет рядом с вами спокойно, и он станет теперь таскать вас на поводке не так часто, и наступит наконец сладкая минута, когда вслед вам кто-то с восхищением воскликнет: "Какая красивая собака!" И вашу грудь будет распирает гордость, куда большая, чем если бы хорошенькая девушка, глянув на вас, сказала подружке: "А ничего дядька!"

Вы отлично понимаете, что подобный комплимент в ваш адрес звучит скорее как жестокая насмешка, но в том случае, когда комплимент относится к вашей собаке, это

уже свидетельство, что сделал его человек благородный, с отменным вкусом. Может случиться, что мимо вас пройдет старая дама, заглядится на вашего пса и тихо скажет:

— Извините, пожалуйста, у вас прекрасная собака, это коричневый доберман, я знаю, у меня тоже когда-то был такой. Давно, много лет назад. Совсем как ваш, с такими же прекрасными глазами. Он был моим лучшим другом. Ах, до чего быстро летит время! Я до сих пор не могу забыть его. И вы тоже когда-нибудь станете вспоминать... Извините, что я вас задерживаю. Желаю, чтобы верный друг приносил вам одни только радости!..

Вы шагаете дальше, вам грустно, потому что у той дамы нет больше собаки, дама слишком стара, она пенсионерка, налог ей накладен, и прогуливать собаку уже тяжело, но она вспоминает жизнь, прожитую рядом с верным другом, собакой. И вдруг вас пронзает мысль: "Боже мой, а что, если и я стану когда-нибудь останавливать чужих людей, тоскуя по своей собаке?" И вы счастливы, что пес еще молод и впереди у вас долгие годы радостей и печалей. Но так уж ведется в жизни: печали и радости обычно связаны в один тесный узел.

Вам предстоит прогулки и в дождь и в слякоть, ибо знайте, уважаемые владельцы собак, в этом-то и заключается таинство собачьих прогулок, сей ежедневной вахты! Ведь собаку — пусть хоть разверзнутся хляби небесные — выгулять надо! Собака исключительно точно знает свое время и вечером, в половине десятого, становится просто невы-

носимой. Чем бы вы ни были заняты, но как только щелкнет выключатель телевизора, она уже торчит перед дверью и ждет... Собака умеет исключительно противно, молча ждать, и вам, хочешь не хочешь, приходится вставать и идти... Вы клянете погоду, собаку, себя, но имейте в виду — и в этом-то все дело, — собака все равно заставит вас выйти на улицу.

Если б кто-нибудь занялся статистикой, сколько хозяйских инфарктов предупредили преданные псы, так настойчиво и нетерпеливо добиваясь прогулки, цифры наверняка были бы весьма впечатляющими. И потому, если вам приходится обтирать лапки и замызганный живот своих такс или, не дай бог, пекинесов, постарайтесь думать и о приятных сторонах ваших прогулок.

Хорошей вам погоды, дорогие владельцы собак!

Рассказ о времени, или Раздумья старого холостяка

Мы — я и мой пес — были за городом, и я сказал:

— Прекрати, прошу тебя, эту беготню и обнюхиванье, нам пора домой, я спешу. У меня больше нет времени.

Он кинул на меня быстрый растерянный взгляд, как делает всегда, если не понимает или (что случается чаще) понимать не хочет, и продолжал обнюхивать каждый камень, изображая, будто в путанице следов ищет те единственные, которые ему нужны. Конечно,

он ничего не искал, просто мой пес любит по-красоваться.

— Ты слышишь? Я спешу, мне должна позвонить... Ну... одна знакомая... Весьма приятная, даже по телефону. Если принять во внимание наше одиночество, ты должен понять, что нам необходимо скорее домой.

Пес отбежал от меня и уткнулся носом в землю, давая мне понять, как он озабочен, стараясь взять след.

— Если хозяин сказал, что он спешит и у него нет времени, что должна сделать собака? А?

— Ты еще спрашиваешь! Собака должна послушаться, — сказал мне пес, разумеется глазами. — Ладно, так и быть, иду. Но, может, ты объяснишь мне, что такое время? Наверное, то, чего у тебя сейчас нету? Впрочем, сдается мне, что у тебя оно бывает редко. Насколько я мог наблюдать других людей, думаю, у них тоже его никогда не бывает.

Мой пес, безусловно, прав, время — то, чего у нас нет.

И все-таки что же такое время?

— Ну, слушай. Когда-то давно ты был щенком, прошло время — и ты стал разумным псом, скоро ты станешь старичком, и шерсть у тебя поседеет, появится одышка, ты уже не сможешь так носиться и прыгать, потому что тебя одолеет ломота в ногах. Это и есть время.

— Но ты же говоришь о себе! — обрадовался пес и коротко тявкнул. — Это у тебя по утрам хрустят колени! А как ты кряхтишь!

Я угрюмо вздохнул:

— Ты прав. Да, я — стареющий мужчина. А ты стареющая собака. Все на свете стареет. Потому что время бежит.

— Как?

— Как вода.

— Ну, за водой-то я угонюсь. Кошка бежит быстрее.

— Да, время мчится, как кошка. Или, как олень. А может, и еще быстрее.

— Плохи, люди, ваши дела, если ваше время всегда бежит!

— Не умничай, хитрец! Твое время тоже! И да будет тебе известно, считается, будто один год собачьей жизни соответствует семи годам человеческой. Годовалый щенок такой же умный или глупый, как семилетний человеческий детеныш. Сейчас ты пес средних лет, тебе исполнилось пять. Соседской таксе, той, что тебе так не нравится, потому что она страдает одышкой и все кряхтит и отказывается бегать с тобой наперегонки, — ей уже тринадцать. Она старушка. Все подвластно времени. Оно обязательно для всех.

— Для меня его нету, — усмехнулся мой пес самодовольно. — Потому что я о нем ничего не знаю.

Я покачал головой. Видимо, собака действительно не знает, что такое время. Я замечал это не однажды. Каждый раз, когда я оставляю своего пса дома одного, происходит сложная церемония прощания и он изображает великомученика. Если, что-нибудь забыв, я через две минуты возвращаюсь, он кидается на меня с отчаянным визгом и скулежом, в которых смешались боль, что его надолго покинули, с радостью, что одиночество окончилось. Я прихожу через два часа,

и он встречает меня ничуть не более бурно. Просто для собаки что минута, что два часа — одно и то же. Как долго я должен держать его в одиночестве, чтобы он ощутил время?

Или всему этому одна причина — любовь к человеку, и только она заставляет собаку тосковать, если хозяина нет рядом? Так или иначе, собаке можно только позавидовать. Я попытался объяснить своему псу, что такое время, так, чтобы он понял.

— Послушай, ты очень любишь свою миску с мясом, правда? И всегда получаешь ее по вечерам. Если в половине восьмого миски нет, ты становишься просто невыносимым, ходишь за мной следом, тихонько повизгиваешь и даже усаживаешься перед холодильником, потому что отлично знаешь, что там спрятан предназначенный тебе кусок требухи. Утром ты сытый. А все, что происходит между утром, когда ты мечтаешь выскочить на улицу по неотложной нужде, и вечером, когда ты ешь до отвала, — день жизни. То самое время, которое уходит. Когда человек сидит в предвкушении еды, он проводит время приятно. Но, осознав, что постарел на день, готов заплакать. Например, я, твой хозяин, на сегодня прожил 21 675 дней. Мне скоро стукнет шестьдесят. Если считать в днях, как ты думаешь, это много? Нет, ужасающе мало, когда прикинешь, сколько дней потерял зря и ничего о них не помнишь! Это пропащие дни! Увы, время — наша судьба, наш враг и, если хочешь, наша надежда...

Сейчас у меня действительно нет времени, я жду телефонного звонка. Ну-ка, давай домой!

— А ты не потеряешь время на телефонный разговор?

— Потеряю, но это приятная потеря.

— Значит, понимать нужно так: время, потраченное приятно, не потрачено зря?

— В принципе ты понял меня правильно. Пошли!

— Но какая разница, проведено время приятно или нет? Ведь оно все равно ушло? Хоть так, хоть эдак, ушло и больше не вернется, значит, ты должен его оплакивать.

Мой пес прав, однако человеку приходится притворяться снисходительным, чтобы собака не слишком о себе возомнила.

— Если время постоянно уходит, разве вы, люди, не боитесь, что однажды оно уйдет и совсем никакого времени не будет?

— Нет, время не уйдет, потому что его бег замечаем лишь мы, живые. Время есть величина неизменная. Так утверждают книги. Но в нем, во времени, происходят определенные изменения. Слушай: мы различаем настоящее, прошлое и будущее. Например, в ближайшем будущем, которому я заранее радуюсь, мне позвонит дама... Потом придет твое будущее: я накрошу тебе в миску мяса и налью похлебки. Это будет в восьмом часу вечера, потом я побегу к метро, чтобы поспеть к кинотеатру, куда пойду с дамой, с которой договорюсь. Потом я вернусь — и это уже наше с тобой общее будущее, мы вместе пойдем гулять. Если моя приятельница пожелает, она тоже пойдет с нами, а потом... Ну, это уже новое будущее, на сей раз лично мое...

— И ты ждешь его с радостью?

— Да. Но ты об этом никому не говори.

— Значит, сейчас ты радуешься, что время бежит быстро. Ну а завтра? Ну скажи мне, не глупо ли это, при всем моем уважении к миру людей? Разве мне не лучше, чем тебе? Улягусь после ужина и буду спать. Впрочем, что мне еще остается делать, когда ты уходишь? Мне, конечно, было бы приятнее, если бы ты сидел дома и писал. Мне так здорово спится под стук твоей машинки. Я уже понял, она должна стучать, чтобы ты мог купить мне требухи, не говоря уже о печенке. Когда я выплусь, мы пойдем гулять. Все так прекрасно и просто. Но чтобы я уселся и в глубокой задумчивости скреб за ушами, что даром потерял день? Такое мне и в голову не придет. Ведь я ничего не потерял, я только приобрел: ужин, прогулку, возможно, и запахи, исходящие от той дамы. Надеюсь, она не сильно мазюкается? Этого я не люблю.

...И вот мы с собакой уже бежим трусцой, потому что времени у меня больше нет, мы врываемся в квартиру, пес ложится на свою подстилку, а я плюхаюсь на диван рядом с телефоном и жду, размышляя, сколько минут и секунд теряю понапрасну.

А телефон не звонит и не звонит, и я заранее ощущаю разочарование и недовольство, а потом облегчение, но не желаю себе признаться. Вечер у меня свободен! Я вдруг понимаю, что мне не нужно спешить ни в метро, ни в кино, не нужно торопиться домой и я могу делать все, что мне заблагорассудится или, более того, вообще ничего не делать.

Я почесываю своего пса за ушами, а он смотрит на меня мудрыми прищуренными

глазами, словно хочет сказать: вот видишь, дружище, как прекрасно, если вдруг появляется время...

Так называемые собаководы

Мы, собачники, люди особые, мы дружим на совершенно иной основе, чем те, которые из корыстных побуждений заводят знакомства — то со слесарем-сантехником, то с продавщицей из мясного... А встречаются и такие, что ищут душевной близости с зам-завом у себя на работе и почитают за честь поздравить его со славными именинами.

Мы же, собачники, знакомимся во время прогулок, на которые нас выводят наши собаки. Дружба наша строится на том, как переносят друг друга мой Кутик с их Арондой. Если не переносят — мы больше не знакомы. Не можем же мы стоять и вместе смотреть, как дерутся наши собаки! Я, например, принципиально не вожусь с теми, у кого немецкие овчарки. Признаться, все дело в том, что их не любит мой пес.

В основе нашей дружбы — не кто есть кто, а у кого какая собачка. Именно поэтому мы не знаем друг друга по имени.

Когда я возвращаюсь с прогулки, жена интересуется, что там происходило. И я рассказываю, как вел себя наш пес, превозношу до небес его сообразительность и докладываю, что он гонялся за кошкой, а та, естественно, удрала, перемахнув через забор. Потом я говорю:

— Да, тебе просил передать привет этот... ну тот, у кого ризеншнауцер...

— Это какой же, большой?

— Да нет, перец с солью...

— Он очень мил, — отвечает жена. — И хоть всегда лает на нашего, но сам его боится! Симпатяга.

— Ты про хозяина или про собаку?

— Ах, не все ли равно?

И она права. Хозяин и его пес — одно целое.

Я с трудом запоминаю фамилии, но у кого ризеншнауцер — помню отлично.

Иногда трудно определить породу собаки, есть такие, что похожи на несколько пород сразу и ни на одну точно. Это простые собаки, дворняжки, однако хозяева любят их не меньше, чем чистопородных. Такой закоренелый демократизм нас, собачников, объединяет. Ведь налог платят за дворняжку так же, как за собаку благороднейших кровей. Национальный комитет — институция демократическая, он требует со всех одинаково. Само собой, одинаково много.

Я, к примеру, знаком с неким паном, у которого есть пес Жерик. Жерик — милейший пес, хозяин Жерика — милейший человек. Мы беседуем о погоде и о делах общественных, а Жерик тем временем вне себя от радости возится с моим псом, ему нравятся большие собаки, которые его не обижают. И хозяин Жерика тоже относится к моему псу с нескрываемой симпатией за то, что тот ласков с его песиком. Поэтому он рад и мне.

На вечерней прогулке я встречаю сначала Жерика, потом пана с ризеншнауцером, довольно поздно появляется пан сеттер, он передвигается с некоторым трудом, мы оста-

навливаемся, обмениваемся мнениями насчет того, где доставать дешевое мясо. Я треплю сеттера по шелковой спине, но он вдруг исчезает, как будто его ветром сдуло. Нас собралось уже много, и все собаки помчались вслед за сеттером. Это — по крайней мере мы так считаем — весьма увлекательное зрелище. Более того, мы убеждены, что оно намного интереснее, чем идущая сейчас телепередача.

Среди нас появилась молодая афганка; она ездила со своей борзой на выставку, и ее интересно послушать. Мы, владельцы служебных собак, завидуем ей, потому что афганская борзая имеет очень простую дрессуру. Собственно, она просто бегаёт... Нашу афганку увел некий долговязый юноша с овчаркой, но, так как афганская борзая и немецкая овчарка друг друга не выносили, юноша предпочел девушку, а немецкую овчарку отвез в деревню к бабушке. С точки зрения собачников, это было верхом предательства по отношению к овчарке. Но в то же время доказывало силу любви к девушке. И девушка-афганка тоже предпочла его всем нам. Она ходила на вечернюю прогулку не с нами, а с тем юношей, а недавно кто-то, кажется господин с черным пуделем, рассказывал, будто встретил ее в Бржевнове*: она толкала перед собой колясочку. Держалась бы нас — до сих пор ездила бы за границу на выставки борзых.

Но существуют собачники нелюдимые, эдакие бирюки, страдающие маниакальной идеей, будто какая-нибудь большая псина со-

*Бржевнов — район Праги.

жрет их пупсика. Вместо того чтобы остановиться с нами и поболтать, такой подхватывает свою собачонку на руки и угрюмо тащится мимо, будто мы банда грабителей. Эти обкрадывают себя. Кто же поделится с ними, какую мазь употреблять против собачьего лишая, сколько таблеток положено от глистов, и даст прочие, весьма полезные советы?

Мы встречаемся изо дня в день, потому что ходим по одним и тем же тропам. В конце-то концов, в городе не так уж много возможностей, и даже собаки не любят совершать вечерний моцион не в тех местах, к которым они привыкли. Собака, как и человек, не терпит нервозности и предпочитает задержаться на том же самом углу, у того же столба и именно там поставить свою метку... Этим она утверждает себя и удостоверяется, что все на свете неизменно. Впрочем, подобная стабильность и для человека отраднa.

Если у кого-то удрала собака, он может обратиться к нам, потому что кто-нибудь ее непременно видел. Если же нет, можно предположить, что где-то вспылала страстью сучка и пес именно там. Мы разбираемся и в подобных вещах тоже. Одурманенный любовью бродяга обычно возвращается поздно, а то и вовсе под утро, это значит, что от калитки, за которой обитает она, его оттер какой-нибудь здоровенный барбос. Иногда он является прихрамывая или с разодранным ухом, ибо природа — дама жестокая и капля крови для нее пустяк.

— Ничего не поделаешь, — говорит господин сеттер мечтательно, — мы в молодости еще не такое вытворяли, не так ли?

И мы, усмехнувшись, заводим речь о своей бурной молодости.

Но бывает и хуже: собака исчезает бесследно и навсегда. У соседей напротив исчезла немецкая овчарка. Они с нашим псом друг друга страстно ненавидели той великолепной собачьей ненавистью, которая выглядит исключительно яростной, но тем не менее вполне невинна! Это искусная игра: каждый раз, проходя мимо овчаркиного забора, наш пес заходился лаем и кидался, будто собирался изгрызть забор, и овчарка отвечала ему тем же. Слюна брызгала во все стороны, глаза наливались кровью, и обе собаки превращались вдруг в диких зверей. Но стоило им сойтись наедине, как один другого молча обходил сторонкой. "Мы еще встретимся! И опять будем ненавидеть друг друга, когда между нами встанет забор! — говорили их глаза. — Вот тогда я тебе покажу..."

Итак, немецкая овчарка однажды исчезла и больше не появлялась. Со временем мы о ней забыли. И у хозяина, очевидно, тоже переболела душа. Но наш пес все ходил и ходил к забору, обнюхивал его, совал голову в калитку, а если она была открыта, заглядывал во двор и долго печально искал своего верного недруга. С той поры он уже не нашел себе никого, с кем мог бы разыгрывать такую великолепную ярость. Видимо, это была образцовая дружеская ненависть...

Как-то раз я вернулся из города, и жена, которая вместо меня прогуливала пса, вздохнула:

— Тот ризеншнауцер, перец с солью, сегодня скверно выглядел. Едва волочил ноги.

— Хозяин или собака?

— Оба, но у хозяина, скорее всего, грипп.

Подобное очаровательное отождествление хозяина с его псом, несомненно, мечта каждого собачника.

Пожелаем же доброго здоровья обоим!

Случай на прогулке

Она отправилась с собакой гулять впервые. Собака у нее появилась недавно, всего несколько месяцев назад, и люди понимающие предупреждали: когда к тебе попадает собака немолодая и тебе о ней ничего не известно, может случиться всякое, так что лучше быть начеку!

Она вела ее на поводке, и собака шла рядом спокойно, иногда поднимала голову и смотрела на нее, словно ожидала подтверждения, что идет хорошо и ею довольны. Каждый раз она улыбалась собаке и легонько ее поглаживала.

— Такая умница, — говорила она встречным. — "И любит меня", — добавляла про себя.

Она встретила собаку за городом, когда ездил в лес по грибы. Если одиночество особенно тяготило ее, она просто уезжала за город. Смешно, но это так: человек чувствует себя одиноким и затерянным именно в городе, где никого из такого множества людей не знает. Когда же бродит по лесу, то, хоть и бродит один, он вовсе не одинок: все, что его окружает, заполняет душу без остатка.

И вдруг на опушке леса она увидела со-

баку. Собака выскочила из кустов и помчалась к ней. "Наверное, спутала меня с кем-то", — решила она, а так как собака была небольшая, не испугалась. Собака подбежала, заскулила и встряхнулась, она была мокрая и грязная, видимо извозилась в ручье.

— Ты от кого убежала, а? — спросила женщина.

Собака опять заскулила, и это ее разжалобило. Наверное, собака что-то ответила, но она не поняла ее.

— Перестань плакать и беги домой!

Собака не уходила, а когда женщина двинулась с места, побежала следом.

Ей было неприятно, и она даже попыталась отогнать собаку, но из этого ничего не вышло. Ей подумалось, что собака заблудилась и хочет есть. Она дала ей что-то из своего завтрака. Собака накинулась на еду с такой жадностью, что женщина перепугалась. Собака глотала не жуя. Она отдала ей все, что у нее с собой было, и собака с ходу проглотила. Собака трусила за женщиной, остановившись лишь раз, чтобы напиться воды из канавы.

Женщина вышла из лесу, добралась до деревни и тут узнала, что это одна из тех собак, что бродят в округе. Охотники их пристреливают, эта, видимо, спаслась случайно.

— Люди своих псов теперь выбрасывают из машины и уезжают, — сказал ей человек в сельсовете, — к сожалению, такое бывает.

— Гляньте-ка, а ведь она была привязана! На ошейнике обрывок поводка! Она его перегрызла. Иначе собаку давно бы прикончили. Конечно, вы можете ее взять себе, у

нас в деревне она никому не нужна. Будет голодать, а потом ее пристрелят.

Вот каким образом у нее появилась собака. Женщина выяснила, что это пудель, так называемый средний, собака хорошей породы, ей около двух лет, но, возможно, меньше.

Когда она выкупила собаку, та стала просто красавицей.

Лишь одного ей не удастся узнать: как зовут пса.

Собаки у нее никогда не было; эта приучила ее к определенному порядку. Собака отказалась спать в кухне, пожелав спать в передней, купленный намордник долго обнюхивала, после чего улеглась на пол. Утром скреблась в дверь, требуя, чтоб ее впустили, и женщина ждала собаку с радостью. Когда собаке хотелось сахара, она усаживалась и просила, перебирая поднятыми вверх передними лапами.

На работе посмеивались: их коллега стала дамой с собачкой. Но женщину это не обижало. Она теперь часто ездила с ней за город, однако никогда не забиралась в лес, потому что собака боялась леса и женщина понимала почему.

Люди на улице оборачивались и смотрели им вслед. Собака и в самом деле оказалась красивой, и если хозяйке удавалось помешать ей перемазаться (собака, к сожалению, страдала пороком всех белых собак, которые бывают счастливы, когда им удастся стать не белыми), то смотреть на нее было одно удовольствие.

“А может быть, и на меня тоже”, — улыбалась женщина.

В тот день она уже побывала в двух магазинах, и собака послушно ждала ее у витрины, привязанная на длинный поводок. Собака поглядывала на прохожих, напряженно ожидая, когда же наконец выйдет хозяйка с покупками, и встретила ее с непритворным восторгом.

Это случилось, когда они, купив все необходимое, уже возвращались домой: собака ни с того ни с сего вдруг насторожилась, напряглась, тьякнула и кинулась вперед, заливаясь отчаянным лаем.

Женщина испугалась, натянула поводок, но ей не хватило сил, потому что собака тащила ее за собой, издавая странные звуки. В них было и страстное желание, и нетерпение, и удивление, и страх.

Люди останавливались. Женщина дергала за поводок, но собака не унималась.

— Что с тобой?

Собака дрожала всем телом.

Одни оборачивались и качали головой, другие проходили мимо, не обращая внимания.

Впереди она заметила мужчину в клетчатом пиджаке и в шляпе. Он шел не оглядываясь. Более того, прибавил шагу, потом вдруг кинулся бежать, вскочил на остановке в автобус, и двери за ним сомкнулись.

А собака все бесновалась, дергалась и не поддавалась никаким увещаниям. Она мчалась к автобусу, а когда автобус отъехал, завывала.

— Ты противная! — рассердилась женщина. — Разве можно так вести себя! Ну, чего ты хочешь?

Собака не хотела ничего. Она лишь смот-

рела в ту сторону, куда ушел автобус, и, видимо, понимала, что нет уже смысла лаять и выть. Собака скулила.

Женщина сказала:

— Это был твой хозяин? Где он, твой хозяин?

И собака снова до отказа натянула поводок и взлаяла коротко и нетерпеливо.

Человек в клетчатом пиджаке напомнил ей бывшего хозяина? Или это был он?

Собака рвалась к нему? В ее голосе было желание? Она не сумела забыть хозяина, того, кто привязал ее к дереву и уехал? Собака забыла все, что сделала для нее она? Или хотела броситься на врага, осудившего ее на мучительную голодную смерть?

А может, просто собиралась сообщить ему, что нашла себе другую хозяйку?

Женщина не стала больше заходить ни в одну лавку. Она спешила домой, терзаемая сомнениями, и никак не могла заглушить в себе обиды.

Она бросила бы меня, это ясно.

Неужто она бросила бы меня?

Дома собака, как обычно, притащила мячик и ждала, пока женщина станет с ней играть. Женщина играть не стала, и собака легла на пол и заскулила.

Неужели собака так неверна или, может быть, так верна, что не в силах забыть человека, однажды обидевшего ее и снова от нее сбежавшего?

От огорчения женщина заплакала. Собака подошла, поднялась на задние лапы и стала лизать ей руку. И женщина поняла, что та окончательно выбрала ее, и, обняв, прижала собаку к себе.

Добродетель, именуемая последовательностью

Воспитание детей с незапамятных времен является причиной самых яростных споров между родителями. Убеждение, будто только жена балует детей, помогает мужьям обрести душевное равновесие, которое они тут же утрачивают, узнав об очередной проделке их отпрыска. Жена, естественно, придерживается обратного мнения, и ее материнские слезы льются тем обильнее, чем неоспоримее уверенность, что в неправильном воспитании детей повинен только муж. Ну а как насчет собаки? А какая, собственно, разница?

Я бы сказал, что тут дело обстоит значительно хуже, потому что, по утверждению одной стороны, собака — животное неразумное, по настоянию же другой стороны — собака понимает все, почти как человек, и ума ей не занимать. Вот почему бурные дебаты по поводу воспитания собаки вспыхивают с новой силой.

Когда щенок появляется в семье — и даже до того, как он появился, — собирается совет на уровне международной конференции по разоружению и вырабатываются основные принципы воспитания будущего пса.

Постановляется, во-первых, что щенка будут держать в строгости, не станут баловать, наоборот, постоянной закалкой воспитают выносливую и, насколько возможно, злобную собаку, способную охранять дом, поле и лес, а также автомашину и прочую мелкую движимость. Ну, скажем, на тротуа-

ре под присмотром бдительного пса можно будет оставить сумку с продуктами.

Далее выносятся решение держать собаку не в комнатах, а в специально отведенном для этой цели месте. Под этим подразумевается передняя или ванная (принимая во внимание факт, что лужицы на кафеле еще терпеть можно), в крайнем случае — кухня.

В комнатах будут жить люди, комнаты предназначаются им, а не собаке. Те, у кого есть двор, сулятся соорудить конуру, предоставив собаке жилплощадь исключительно там.

Кроме того, принято решение кормить собаку по правилам и в соответствии с инструкциями, поначалу трижды в день, а затем один раз — а именно вечером перед прогулкой, но можно и после нее.

Обе эти теории разработаны в специальной собачьей литературе. Количество пищи строго определено, взвешено и отмерено, излишек калорий вреден, предпочтение отдается моркови и творогу, однако в рацион непременно следует включать также животную пищу. На это указывают другие инструкции.

Решено не позволять собаке играть с мячом и другими предметами, а также грызть какие бы то ни было шлепанцы. Спать собака будет лишь в отведенном ей месте на твердой подстилке, потому что собаки, как известно, линяют, а кому хочется за ней убирать?! Собаку надо регулярно вычесывать щеткой, и все члены семьи — по заранее разработанному и на видном месте вывешенному расписанию — обязаны ее выгуливать.

Дети загодя получают инструкции по воспитанию и обучению будущей собаки.

Высказано еще множество смелых суждений, после чего глава семейства все суммирует. И подбивает бабки: он, то есть глава семейства, будет лично следить за выполнением принятых решений и карать любое отступление от правил или нарушение выработанных положений.

Подобные минуты в жизни семьи очень трогательны. Все ее члены находятся под таким впечатлением, как если бы приняли декларацию собачьих прав. Они чувствуют себя подобно главам государств, подписавшим особо торжественный пакт.

Н-да! Потом в доме появляется щенок — тут-то оно и начинается!

Особенно трудным для выполнения оказывается тот пункт, где говорится, что у собаки должно быть свое, специально отведенное ей место. Даже если у вас есть двор или сад и вы можете поставить собаке конуру, вступают в силу противоречия: глава семьи не выдерживает трудностей, связанных со строительством конуры, потому как не в силах технически совладать с таким делом, как возведение двойных стен, и не умеет проложить их изоляционным материалом. И вот в саду вместо конуры висится бесформенная груда дощечек. Или же, наоборот, глава семьи — мастер на все руки, тогда появляется будка приятного цвета, более того, даже украшенная выпиленным под крышей сердечком. Но псина находится в ней решительно отказывается. Дело в том, что молодая собака ни за какие блага не желает оставаться одна! И если ее сажают в конуру,

она, вместо того чтобы радоваться собственному жилью, душераздирающе вопит. Она царапает когтями проволочную сетку, огораживающую ее территорию, и визжит, давая всем понять, что с ней обошлись в высшей степени несправедливо.

Семью охватывает паника. Отец громкогласно изрекает, что мягкотелость вредна и ни к чему хорошему не приведет, хотя с достаточной легкостью принимает утверждение, что следует считаться с соседями. Собаку водворяют обратно в дом, утешая себя мыслью, что подрастет, мол, поумнеет.

Если собаке отведена прихожая, вдруг выясняется, что там чересчур тесно и щенку грозит опасность быть кем-нибудь раздавленным. Итак, собаку впускают в кухню. Как известно, она существо ласковое и любит сопровождать человека. Вскоре собака уже является в комнату к хозяину, в кухню к хозяйшке, к отпрыскам в детскую, а также на балкон, потому что там свежий воздух. Кроме того, собака заглядывает в чулан, гардеробную и ванную, и, будь в квартире хоть двадцать комнат, она успевала бы везде и выдворить ее оттуда все равно не было бы никакой возможности.

Что же касается кормления, тут режим нарушен с самого начала. Ведь, по мнению новоиспеченных хозяев, особо следует позаботиться о том, чтобы период обвыкания собаки в иной среде был для нее наиболее приятным. И потому необходимо давать ей чем-нибудь полакомиться: пусть знает, что попала к добрым людям. Вскоре выясняется, что и у детей нежные сердца. Сынок, который ни за что не поделится с сестрой кон-

феткой, отдает собаке бóльшую, а сестра, обычно готовая из-за этой конфетки вступить с братцем в драку, отдает собаке две своих. Разумеется, втайне от него. Хозяюшка в кухне успела сунуть щеночку кусок печени — ведь он растет. Хозяин, самый строгий из всех, заявляет, что собака исключительно умна! Вы только взгляните, какими глазами она смотрит на него, когда он ест ветчину! Для начала и хозяин тоже дает щенку кусок. Конечно, утешает он себя, в первый и в последний раз! Больше ни-ни-ни...

Случается щенку отыскать где-нибудь во дворе старую игрушку и притащить домой. Хотел бы я видеть человека, у которого хватит совести отнять ее у собаки! Видимо, щенку необходимы игрушки, и потому дома тут же появляются две куклы с пищалками, резиновый поросенок, обруч, три мячика и плюшевый мишка, приводящий его в неопишуемый восторг. Именно поэтому щенок разгрызает мишку в клочья и раскидывает по всей квартире.

В доме вспыхивает первая ссора. Отец ведет строгий допрос, выясняя, кто посмел нарушить запрет и захламил квартиру игрушками. Оказывается, никто. Следовательно — и это ясно как белый день, — собака настолько сообразительна, что обеспечила себя игрушками сама. На радостях от ее необычайной сообразительности все игрушки оставляют дома, и члены семьи о них постоянно спотыкаются.

Если хозяин собрался в тишине и покое почитать газеты, а пес к нему пристаёт, то хозяин — продолжая с волнением читать статьи, затрагивающие вопросы экономики, — кидает

ет ей мячик, а собака носит его обратно. Хозяина настолько захватывают действия собаки, что он в конце концов отбрасывает газету и лезет под диван за мячиком: щенок визжит, требуя его достать.

Что касается подстилки, она, несомненно, находится на отведенном ей заранее месте и собака иногда на ней лежит. Но по утрам так приятно, когда собака залезает к вам под одеяло! Это утверждают главным образом дети. Более того, ваша дочурка изволит подняться с постели лишь после того, как собака лизнет ее в нос. И хозяин дома тоже начинает мечтать о подобных нежностях, тем более что — упрек в адрес супруги — его в этом доме годами никто не замечает. В скором времени собака уже не знает, в какую кровать ей лезть раньше...

Вот так-то! Но в один прекрасный день хозяин вдруг поднимает крик, что происходящее в доме есть не что иное, как результат общей разболтанности всего семейства! Жена не способна урезонить детей, впрочем, она никогда не была на это способна, ведь уже давно ясно, что она разбаловала и детей и собаку, хотя к мужу относится свысока и хуже, чем к собаке. И он положит конец этому безобразию! Сейчас же! Немедленно!

Однако от слов к делу, как известно, не близко, и потому все остается по-прежнему. Когда семья садится за трапезу, собака тоже усаживается почти вплотную к столу и со вниманием изучает, кто что ест. Хозяин (как он потом утверждает, пребывая в глубокой задумчивости) дает ей косточку, ибо собаке

кости необходимы. Косточка, конечно, переключивается на ковер, потому что собаке удобнее лакомиться ею лежа. Хозяйка выскакивает из-за стола с криком: чистить ковер она не станет, она им не прислуга и не раба! Хозяин парирует: он тут ни при чем, просто собака так дурно воспитана, что позволяет себе впиваться взглядом в его — извините — пасть!

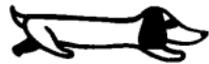
Деточкам весело, они переглядываются. Не так давно похожие перепалки между милыми предками случались из-за них. Теперь предки переключились на собаку, и это здорово! Собаке между тем на все наплевать, она радостно виляет хвостом и бегаёт вокруг стола в ожидании, когда ей перепадет ещё одна косточка.

Роковой вопрос, кто все-таки столь бессовестно избаловал пса, нависает над семейством, словно темная туча.

— Я спрашиваю, кто был настолько безответственным, что не придерживался ни одного пункта из вынесенного постановления? Что скажут приятели, у которых тоже есть собаки, но в отличие от нашей отлично воспитанные? С таким распущенным псом просто стыдно ходить в гости!..

К счастью, выясняется, что собаки в других домах избалованы так же, если не больше. Когда же доходят слухи, что у Новотных собака спит всю ночь в постели хозяина, а Кучеры отдают свой ковер в чистку каждый год, в семействе воцаряется временный мир...

Расписание, где указано, кто и когда должен выводить собаку, бесследно исчезает, и никто не пытается искать его. Хозяин даже

рад, потому как может теперь беспрепятственно удирать из дому вместе с собакой. Ибо, что ни говори, пес у них все-таки послушный. Сидит себе перед трактиром "На уголке" вместе с другими собаками и ждет, пока хозяин выпьет свою кружку пива и закончит серьезнейшие дебаты на тему о несовершенстве мира.

Да! Что правда, то правда: и по сей день нет порядка в нашем мире.

Взять хотя бы воспитание собак! Не так ли, дорогие собаководы?

Случай в парке

До обеда небольшой пражский парк на набережной почти пуст. Никуда не спешащим пенсионерам еще рано, остальные на работе. Лишь изредка пройдет молодая мама или бабушка, толкая перед собой колясочку. И ребятишки, что бог весть как забрели сюда, гоняют мяч. Если мяч улетит на клумбу с цветами, никто не станет их бранить — некому. В парке никого нет. Есть тут, правда, песик — белые пятнышки по черной шерстке и хвостик закорючкой, который всем своим видом говорит: "Я ничуть не стыжусь того, что я совсем обыкновенная собака".

Песик несколько тяжеловат, видно мало двигается. Если неподалеку падает детский мяч, он с жадностью смотрит. Ему так хочется кинуться вслед за мячом, но что-то мешает. Запрещено? Не может? Слишком стар, чтобы так несолидно играть чужим мячом?

А-а, вот и хозяин... Он сидит на краю скамейки. Нет, оказывается, он сидит вовсе не на скамейке, он сидит почти вплотную рядом, на инвалидном кресле. Утром его сюда привезли. На таком кресле трудно самому преодолеть несколько тротуаров и два перекрестка. Вот в парке уже совсем другое дело! Здесь он может передвигаться сам, стоит только ухватиться руками за оба колеса. Но он стесняется своего кресла и всегда устраивается вплотную к скамейке. Когда на него опускается тень, он отъезжает чуть дальше. Ему удобно, и он называет это прогулкой. Он любит утреннюю уборку в парке, он научился любить будничную жизнь.

Песик поднимает на него глаза. Потом оба смотрят, как по дорожке катится мяч и как один из мальчишек кидается вслед за ним. Мальчишка замечает песика, цокает языком и мчится дальше.

Собака глядит мудрыми спокойными глазами, человек — с затаенной завистью: "И я носился когда-то! Сколько я побегал на своем веку! И мальчишкой, и потом, когда уже работал. Где вы, времена, когда мне не страшен был никакой ветер!"

На скамейку легла тень, человек делает знак собаке и трогается с места. Едет медленно, он уже не молод. И песик также неторопливо семенит рядом. Этот песик всегда двигается неторопливо. Человеку принесли его щеночком, когда стряслась беда, чтобы хоть кто-то скрашивал его одиночество. Песик разучился бегать, потому что не бегал хозяин. Он привык тащиться рядом с инвалидным креслом, ведь нельзя же оставлять

хозяина одного! Дома песик укладывается рядом с ним на широкой кровати, хозяин перебирает пальцами его шерсть и думает о том, как некогда ласкал длинные женские волосы.

Прогулка в парке никогда не бывает долгой, да и парк невелик, зато отсюда открывается прекрасный вид на противоположный берег реки и на зеленые откосы. "Как прекрасно было бы погулять там, — думает человек, — но слишком крутой подъем, мне не одолеть". "Наверняка бегать там прекрасно, — думает песик, — такой густой кустарник и много собак".

Если по парку бежит собака, песик не двигается, продолжая сидеть у кресла. Чужая собака в нерешительности останавливается и с минуту колеблется.

Пес у кресла серьезен, и вид у него такой, словно он хочет сказать: "Я уже не молодой сумасброд! Тебе ясно? И у меня есть обязанности!"

Все поняв, чужая собака спешит дальше.

Бывает, к человеку подходят случайные знакомые. Перемолвятся словом-другим и идут по своим делам.

Человек остается, потому что он пленник своего кресла, которое ненавидит.

Песик тоже пленник своего хозяина, но именно потому его любит.

Вы только вдумайтесь, сколь велика разница между человеком и собакой!

Послушание

Послушание — это редкостное достоинство и зиждется, как утверждают древние книги, "на понимании, что цель воли чужой есть также суть воли моей в зависимости от разумности и достоинства ее".

Точнее, тот, кому надлежит слушаться, должен делать это, кроме всего прочего, с удовольствием, ибо тот, кто ему приказывает, достойнее, нежели он. Поэтому с давних времен духовные и светские пастыри ставили послушание превыше всех человеческих добродетелей. Хороший гражданин — гражданин послушный, а христианское послушание ведет прямым путем в рай. Неудивительно, что человек, едва осознав свою способность приручить живое существо, возвел его покорность в основной принцип взаимоотношений. Безусловно, никто не принуждал корову нести караульную службу и отгонять рогами захватчиков. Собаке же это вменялось в обязанность. По убеждению древнего человека, клыки собаке нужны для того, чтобы вселять страх в каждого, кто посягнет на имущество хозяина. Скупец, притаившийся в глубинах души человеческой, уже тогда давал о себе знать. Доисторический человек, надо полагать, показал псу свое имущество и сказал: "Это наше, понял? Только наше... Гляди в оба, чтобы никто не посмел тут ничего тронуть. Видишь, приятель, какой у нас прекрасный дом на сваях?! Он красивее, чем у других, согласен, да? Так вот следи, чтоб сюда никто ни ногой! Наш двор, обнесенный плетнем, просторен и велик, и потому немедленно отгоняй лаем лю-

бого, кто пройдет мимо. А вот в этот дом, срубленный из бревен, никто из чужих входить не смеет”.

Пес радостно вертел хвостом. Каким-то шестым чувством он понимал, зачем нужен хозяину, и вел себя в соответствии с этим.

Хозяйская собственность становилась также собственностью собаки.

А человек трепал пса по спине и давал мозговую кость. Собака с аппетитом принималась за нее.

Так на вечные времена был заключен договор между человеком и собакой. Договор о безраздельном имуществе.

Само собой, продувная двуногая бестия, он даже в мыслях не держал делиться своим имуществом с собакой. Впрочем, собаке оно было ни к чему. Зачем ей дом, двор или поле? Она была сторожем, опекала хозяйское добро и была счастлива. Святыней стало для нее также и хозяйское стадо. Собака сгоняла разбредаящуюся скотину, охраняла и стерегла. И горе тому, кто покусился бы утащить хотя бы ягненка! Собаку порой мучил голод, но она никогда не покушалась на хозяйский скот. Если же возле стада появлялся волк, разъяренный пес со вставшей дыбом шерстью вступал с ним в единоборство и, случалось, погибал, в неравной схватке так сказать, при исполнении служебных обязанностей. Человек с трогательной грустью вспоминал о нем и ставил в пример другим собакам: вот это был герой!

Итак, собаке со щенячьего возраста внушалось, что она существует на свете лишь для того, чтобы грудью защищать хозяина и его добро. Покажите мне какое-нибудь дру-

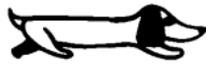
гое животное, которое взяло бы на себя такую странную миссию!

Что касается кошки, тут все сложилось иначе. Кошка — не то, что собака, хотя и кошка тоже была необходима древнему человеку. Негодницы мыши сожрали бы все зерно, которое человек уже научился ссыпать в хранилища. Поэтому понадобилась кошка. Но кошка никогда не заключала договора с человеком. Оставшись с человеком, она всегда вела себя независимо. Собака готова жертвовать собой, кошка — нет. Более того, и мышей-то она ловит только там, где ей самой заблагорассудится. Частенько даже вне дома. Никому еще не удалось заставить кошку ловить их лишь в амбаре. Чтобы сохранить ее благосклонность, человек поклонялся кошке, как богине. Но все напрасно. Собака всегда благоговела перед человеком, кошка восхищается лишь собой. Собака всегда стремится завоевать симпатию хозяина, понравиться ему. Кошка нравится лишь сама себе. Собака мечтает о человеческом обществе. Кошка любит одиночество. Короче, кошка — принципиальный интроверт, знает только себя, а собака готова безраздельно отдать себя другим. И не скрывает этого. Собака не способна покинуть хозяина, даже если он не уделяет ей никакого внимания. Кошка же может уйти, даже если он оказывает ей максимум внимания. Так ведется издревле, и века ничего не изменили. Кошки остались кошками. Собака в чем-то походит на своего хозяина, ибо отдала ему себя из одной лишь бескорыстной любви. И потому я глубоко убежден: собака заслуживает нашего особого уважения.

Прошли века. Хозяину теперь не обязательно пасти стада, он может быть счетоводом или агентом по снабжению, но собака все так же верно, как и прежде, охраняет его. Человек и собака поселились, скажем, в гостинице: сначала собака тщательнейшим образом обнюхает комнату, которую определили ее хозяину, оглядится, и горе каждому, кто войдет в этот гостиничный номер! Она готова наброситься на горничную, которая по долгу службы явилась поменять полотенца.

Нынче люди иногда даже сердятся на собаку за такую рьяность, не всегда и не во всем отдавая себе отчет, что причины, движущие ею, выше собачьего понимания! Сколько недоразумений у вас с приглашенными в дом гостями, в отношении которых ваша собака вела себя не так, как следовало бы!

Сколько усилий, к слову сказать, стоило Новакам зазвать к себе в гости заведомо по кадрам, чтобы потом изощряться в извинениях перед гостем за разорванные псом брюки! Долго лупцевали его после случившегося! Урон, понесенный заведомо по кадрам, давно возмещен, а пес все не может понять, за что его наказывают. Откуда собаке знать, что бывают заведомо по кадрам?! Собака знает одно: квартира принадлежит хозяину и его семье и сюда смеют безнаказанно вторгаться лишь глуховатая тетушка и дядя, от которого разит нюхательным табаком, а также, конечно, молодой хозяин со своей шумной детворой (во время их нашествия пес поскорее забирается под стол, чтобы избежать приставаний, и да-

же не пытается рычать), но как понять собаке, что и на совершенно чужого человека, единственный раз посетившего хозяйский дом, могут распространяться подобные привилегии? Собака привыкает к почтальону и, более того, будет лояльна в отношении слесаря-сантехника, если он пожелает протрочать у вас часок-другой. Но не требуйте от собаки невозможного! Не требуйте, чтобы собака проявляла деликатность к человеку, который потихоньку открыл ваши двери сам! Правда, на суде один из таких незваных гостей бахвалился, будто в квартире, которую он посетил без приглашения, к нему проявила полную снисходительность пара благородных борзых, гордость хозяина и краса всех выставок, за то, что он не прогнал их с дивана. В благодарность за такую поблажку они впустили его, а затем свободно выпустили, не обратив внимания на два битком набитых мешка, которые он прихватил с собой.

Послушание — не просто добродетель, отнюдь! И не надо забывать, что мы, люди, научили собаку послушанию прежде всего из собственного эгоизма и скупости.

Будь собака послушна только хозяину, уже за одно это она заслужила бы памятник. Но собака намного умнее, она слушается и тех, кого для нее выбирает хозяин. Семья хозяина заменяет ей древнюю стаю, и собака ведет себя в семье соответственно этому. Она оберегает всю семью и страстно желает, чтобы все постоянно были вместе. Если вы с чадами и домочадцами отправляетесь на прогулку, то не можете не заметить, что собака без устали носится вокруг вас и не

терпит, если кто-то без особой нужды отстанет. Она все время озабочена, и прогулка превращается для нее в сплошную нерво-трепку.

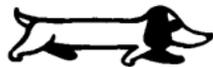
Тем не менее один из членов семьи для нее главный хозяин. Не обязательно им должен быть мужчина, иногда это женщина. Собака отлично разбирается в структуре семьи, в которой живет. И случается, истинным хозяином становится бабушка, потому что она единственная выводит ее на прогулку и берет на себя все заботы о собаке, когда супруги отправляются недельки эдак на три к морю. Обстоятельство, что собака страстно желает видеть вожаком и главой семьи все-таки самца, ставит перед нами, мужчинами, приятную цель — постараться не разочаровать нашу добрую псину.

Так что, дорогие мужчины, давайте-ка поднажмем!

Случай на выставке

Это была обычная выставка служебных собак, какие устраиваются по нескольку раз в год. С самого утра собачий лай слышался в отдаленной части Стромовки*, и одна за другой подъезжали машины с посетителями и участниками. Люди встречались, здоровались. Надо отметить, все, кто имеет дело с собаками, друг с другом немного знакомы, кто по клубу собаководов, кто по прогулкам, некоторые по лекциям...

*Стромовка — парк в Праге.

Владельцы вычесывали собак гребешками, скребли щетками и наводили последний лоск на своих питомцев, чтобы произвести на комиссию самое лучшее впечатление. Искали номер своего круга и готовились провести пса по этому кругу так, чтобы не слишком бросались в глаза его недостатки.

Кроме них, находились здесь и такие, у кого собаки состарились и были уже непригодны для соревнований. Или те, у кого когда-то были собаки. Теперь, приходя сюда, они компенсируют себе утреннюю прогулку и могут хотя бы взглянуть на нынешних собак, чтоб убедиться, так ли они хороши, как некогда их питомцы. Ибо их собаки — в чем они абсолютно не сомневаются — самые красивые.

Хаживал сюда некий старичок-толстячок и таскал с собой на поводке малого шнауцера. Так, ничего особенного, как говорится — двенадцать на дюжину. Но старичок останавливал каждого встречного и с гордостью объявлял, что его собака нечто исключительное: "Вы только поглядите, мадам, какая у него грудь!"

Люди даже не пытались скрыть усмешку, а старичок не уставал втолковывать всем, кто, проявив терпение, не отказывался выслушать, что его собака просто рождена для выставки, конечно более представительной, так сказать государственного масштаба. Здесь он ее не выставляет, потому что не успел вовремя зарегистрировать. Кроме того, собака не его, впрочем, теперь уже его, раньше она принадлежала сыну, преотличнейшая собака, не так ли!

Я ответил:

— Видимо, да, хоть я и не разбираюсь в малых шнауцерах. Я люблю крупных собак...

— Хо-хо, — засмеялся старичок, — крупная собака! Не будьте смешным, приятель, этот мой дьяволенок гроза всех, даже самых больших собак. Я не утверждаю, что ваша его испугается, но однажды он задал такого перца догу, что сбежался народ, потому как дог удирал от него, а он, не отставая, все за ним, за ним! Тот гигант чуть не помер со страху! Я со своим песиком каждый день выбираюсь за город, чтобы он мог пробежать километров десять. Собаке это совершенно необходимо!

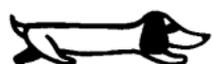
Ужасно, до чего назойливы некоторые люди.

Чтобы хоть что-то сказать ему, я спросил, почему же эту великолепную собаку не привел на выставку его сын в дополнительное время?

Человек пыхнул из своей короткой толстой трубки и вздохнул:

— Да-да... но это не... это невозможно... Это, конечно, несчастье, большое несчастье...

И старый человек, запинаясь, рассказал мне, что собака принадлежала его сыну, который долгое время был прикован к постели тяжелой болезнью, никто не мог ему помочь, и он, отец, купил маленького песика, и песик целыми днями оставался с сыном. И в тот последний день тоже был с ним. Дома никого не оказалось, только сын и собака. Так он и нашел их, когда вернулся. Собака сидела на пуховике. Сын уже не дышал. Собака, перепуганная внезапной тишиной, дрожа всем телом, скулила. Старик бросился на колени перед кроватью сына, покинувшего

этот мир, и зарыдал. Маленький песик был единственным свидетелем его смерти. Тот, прежде чем издать последний вздох, видимо, гладил собачку, и песик теперь что-то вроде прощального "прости" отцу от сына, и, пока он с ним, сын словно бы незримо находится рядом...

И старый человек, которого все старательно избегали, потому что не желали обременять себя его надоедливой болтовней о необыкновенных качествах его собаки, вцепившись в мое плечо, смотрел не отрываясь на свою безобразную собачонку с такой признательностью, что я кивнул:

— Да, да, это действительно замечательная собака.

Выставка окончилась, победителям были вручены золотые ленты, менее удачливым — красные и синие. И среди тех, кто возвращался с выставки, плелся старик с трубкой. Всем, кто еще не слышал его рассказа, он втолковывал, что не может участвовать в выставке, потому что его собака, несомненно, получила бы все медали, а это непорядочно в отношении других.

Видимо, горе, как и счастье, ослепляет человека. И рука сына, касавшаяся песика, словно бы согревает старого человека, когда он дотрагивается до жесткой шерсти малого шнауцера масти соль с перцем.

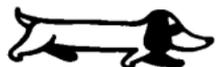
Чтоб ученье не было мученьем

Дабы собака была настоящей собакой, а собачник настоящим собачником, и тому и другому следует учиться. Без этого они

словно застревают на полпути и в высшем обществе остальных собачников играют в лучшем случае вторую скрипку, если вообще сумеют. Ибо, да будет вам известно, людское тщеславие не знает границ и его предметом тоже стала собака. Повинуясь его зову, вы требуете от своего пса показывать все, на что он способен.

Если кто-то приобрел волнистого попугайчика и учит его говорить, это не более чем безобидное развлечение. Или чудачество, ведь речь попугайчика понятна лишь его владельцу. Все остальные слышат лишь невнятный скрежет.

С собакой дело обстоит хуже, потому что ей приходится выступать публично перед комиссией, а комиссия судит строго, как пес берет след или лаем выводит на преступника. "Преступника" изображает другой самоотверженный собаковод-любитель, рискуя, что науськиваемая собака, рассвирепев, в конце концов цапнет его, добровольца. Впрочем, вношу ясность: собака имеет право вцепиться лишь в охранный рукав. Я стал свидетелем, в общем-то, весьма привлекательной сценки, когда человек, защищенный таким рукавом, спровоцировал нападение рассвирепевшего эрделя. Псу, видимо, все достаточно опостылело, и, пока тот подставлял ему набитый соломой рукав, эрдель, исхитрившись, впился ему в ногу. Мне это понравилось — сообразительный пес нашел-таки незащищенное место. В случае если преступник настоящий, мы вряд ли стали бы радоваться, что собака хватается за рукав толстой шубы, а не за руку, в которой он держит преступное оружие. Но здесь комис-

сия возмутилась, и собака вместе с хозяином провалилась на экзамене. Дело в том, что хорошо обученная собака обязана вцепиться именно в то место, которое определено правилами.

Если вы находитесь на площадке, где идет обучение, вам становится жалко и собаку и хозяина. С последнего катится градом пот, потому что он носится по кругу и принуждает своего любимца совершать действия пусть и предписанные правилами, но которые собаке совершать явно не хочется. Преисполненный энтузиазма хозяин преодолевает вместе с собакой одно препятствие за другим, чтобы (о боже, когда ж это кончится!) освоить все, что требуют правила. Собака в конце концов с учебной справилась, но я наблюдал, как пес, свободно перемахивающий через щит на площадке, ни за что не желал прыгать через скамейку в парке, потому что это было для него непривычно. Моя собака охотно перескакивала через любую скамейку, зато деревянный щит пришелся ей не по вкусу. Пес ходит на площадке по бревну. Ходит с олимпийским спокойствием, а пройти по срубленному дереву в лесу наотрез отказывается. И в самом деле, почему он должен это делать?

Конечно же, оригинальна и, говоря между нами, вполне понятна логика собачьего мышления, хотя она, увы, непонятна тем, кто напридумывал все эти сложные упражнения для собачьих экзаменов.

Знайте: собака должна не только принести брошенный мячик, но сделать это по команде, после чего ей надо сесть перед хозяином и ждать, пока тот возьмет у нее мячик.

И плохо, если собака мяч бросит!

Охотничья собака, которая кидается в воду за подбитой уткой, приносит ее хозяину и, только когда хозяин дичь возьмет, имеет право отряхнуться.

Все задания собраны в группы и хозяину известны, для собаки же они обязательны. Чтобы собака вернулась к хозяину, подается команда: "Ко мне!" — или: "К ноге!" Произносится это приказным тоном. Собака понимает не столько, что ей сказано, сколько интонацию, то есть как сказано. Могу засвидетельствовать: собака отлично понимает, сердитесь вы на нее или подзываете по-приятельски, и в зависимости от этого либо идет к вам, либо не идет. С точки зрения собачьей науки она поступает неправильно, однако с точки зрения оценки собачьей сообразительности это отрадно.

Подзывая собаку, вы, разумеется, не просто крикнете, но обязаны сделать жест правой рукой. Если хотите, чтобы собака шла у ноги, ваша святая обязанность легонько постучать себя левой ладонью по левому бедру. Чтобы собака села, хозяину следует поднять правую руку с вытянутой вперед ладонью и держать кончики пальцев на высоте своих глаз. Если вы приказываете собаке ползти, то должны сопроводить команду телодвижением, которое трудно описать, наблюдающим же со стороны определенно покажется, что вы спятели.

Наука явно действует на нервы не только натаскиваемому псу, но и энтузиасту хозяину. Именно поэтому им обоим можно посочувствовать.

Когда вы видите подобную муштру на собачьей площадке, что ж, для того они, эти площадки, и предназначены, но, увидав, как мучается со своим псом (иногда уже вконец умученным) несчастный хозяин где-нибудь в глухом уголке парка, приходите в тихий ужас. Иные хозяева относятся к дрессуре с таким устрашающим рвением и отдают команды таким голосом, что лично я не могу не вспомнить старые времена, когда так же орали на солдат сверхсрочники и фельдфебели в святой вере, что хорошо проведенные учения есть основа мирового порядка.

Знаю, многие рьяные собачники упрекнули меня в неосведомленности. Не отрицаю, так оно и есть. Я действительно никогда не мог понять, да и сейчас не понимаю, почему собаку надобно учить лаять; сдается мне, правильнее научить ее молчать. Впрочем, я

абсолютно убежден, что собака сама отлично знает, на кого лаять, и приказывать ей не надо. Признаюсь также, мне не ясно, к чему, скажем, собаке, живущей в Нуслях*, так уж обязательно уметь ползать? Когда ей это понадобится? Разве только если хозяину приспичит похвастать перед знакомым. При чем демонстрирует-то он отнюдь не собаку, а себя: вы только поглядите, до чего здорово я выучил ее ползать!

Что же касается пресловутого "развития злобы у собак" (прошу прощения за технический термин!), я лично считаю это чепухой! К счастью, собаки разумнее своих хозяев и вне площадок, где у них "развивают злобу", ведут себя вполне нормально. Обучать собаку рвать зубами любого встречного-поперечного — отнюдь не самоцель!

Несомненно, собака должна повиноваться своему хозяину, прибегать на зов и послушно идти с ним рядом, но я возражаю, если она идет рядом с хозяином только потому, что на нее надели "строгий" ошейник с шипами, который причинит ей боль, стоит натянуть поводок. Собака обладает великолепным талантом радовать хозяина и, более того, охранять, потому я считаю дрессуру, как для собаки, так и для человека, занятием недостойным.

Естественно, существуют специально обученные — служебные — собаки. Они несут службу на границе, в милиции, водят слепых. Этим собак, безусловно, следует обучать по всем правилам, ведь служба у них ответственная. Но сколько их, таких собак?

*Нусле — район Праги.

Что надо бы сделать обязательно — так это обучить собаку не выбегать на проезжую часть улицы без разрешения хозяина. Однако такого пункта в учебной программе нет, хотя это крайне необходимо для всех собак, что живут в городах. Правило это должно быть известно также детям, но детей мы не дрессируем. Впрочем, не будем называть дрессурой то, что необходимо знать для их же безопасности.

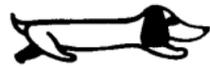
Экзамен — большая нервотрепка для собак и главное — для хозяев. Хозяин переживает, если их пес испугался выстрела, — руку на сердце — а кто не испугается? Вздрогнул хозяин, вздрогнул и пес, но псу поставили минус. Многие хозяева гордятся успешно сданными экзаменами своей собаки больше, чем в свое время собственными экзаменами на аттестат зрелости. Одно утешение — после экзаменов не нужно больше ходить с собакой на площадку и теперь она может все благополучно позабыть. Сданный экзамен, однако, дает собаке право: теперь, получив образование, она может плодить отличное, готовое к обучению потомство.

Меня лично весьма утешает обстоятельство, что экзамены такого рода не обязательны для людей. Ведь в противном случае — если б потенциальным родителям приходилось сперва сдавать экзамены по многим предметам, включая элементарную интеллигентность, — на свет появлялось бы значительно меньше детей!

Собака — животное, легко поддающееся воспитанию, и люди используют это ее свойство. Еще издревле натаскиванье охотничьей собаки сводилось к одной-единственной це-

ли: собака должна подавить свой врожденный инстинкт — травить зверя и убивать его, ибо это право человек присвоил себе. Собака обязана преследовать зайца, но не смеет его разорвать. "Великий убийца" сделает это сам, после чего собаке дозволяется принести ему зайца. Хорошая собака — та, которая дичь принесет, а не та, которая поймает. Поэтому и название "охотничья собака", в общем-то, неправомерно. Собака не охотничья, она лишь выслеживающая и приносящая. Собаке остается надежда на кусок мяса после охоты, в большинстве же случаев нету и того. Да, всяк, соединивший свою судьбу с человеком, должен считаться с тем, что однажды за это заплатится!

Когда в прошлом веке прусский ротмистр фон Штефаниц занялся натаскиванием немецких овчарок, то всю свою пруссацкую жестокую амбициозность воплотил в сложной системе дрессуры, изложив ее на семистах страницах своей книги. В ней указывается не только что должна уметь собака, но какими должны быть — прошу меня извинить — ее экскременты, вплоть до формы и цвета. Более того, ротмистр настойчиво заверяет: немецкая овчарка есть "типичная немецкая собака" — он имеет в виду слепое повиновение и злобу! И утверждает тем самым, будто овчарка, или волчак, как ее еще называют, обладает чертами истинно арийской расы, а следовательно, принадлежит к избранному германскому обществу — высшим десяти тысячам. Иметь овчарку считалось престижным не только для господ офицеров, но и для самого Гитлера! Остались его трогательные фотографии с собакой, причем свою ов-

чарку фюрер водил не по правилам, то есть не с левой стороны от себя. На экзамене Гитлер провалился бы. Фон Штефаниц был убежден, что все прочие собаки неполноценны и разводить бульдогов могут разве что в Китае (откуда он взял такое — черт его разберет!) либо в Англии, но никак не в Пруссии!

Как видно, навязать собакам можно что угодно, даже шовинизм.

Человек непременно должен считаться с тем, что у животных есть инстинкты, и во все ни к чему подавлять их воспитанием и делать это самоцелью. Инстинкты надо, скорее, развивать. Человек свои инстинкты давно регулирует интеллектом, хотя иногда использует свой интеллект вопреки собственному естеству. Потому-то он стал единственным в мире существом, которое третирует остальных в нем живущих.

Мне собака нравится за то, что делать этого не умеет.

Итак, уважаемые собаководы, нам есть над чем поразмыслить.

Случай в лагере

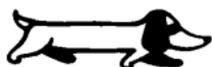
Я с вами согласен, собака очень понятливое животное и ее можно обучить, пожалуй, всему. И спасать людей, и убивать. Если бы военные преступления осуждались по заслугам, то тех, кто научил собак убивать, следовало бы наказывать по всей строгости закона. Боюсь, что именно эти в большинстве своем от наказания ушли. Я сам служил в "Hundeskommando" — "собачьей коман-

де”, как ее у нас называли, — нашей задачей было стоять возле клеток, где держали овчарок. В тот момент, когда эlegantные, чисто одетые молодчики шарфюрера Гломке приносили им миски со жратвой (псы уже выли от голода, потому что голод был частью дрессуры), в игру вступали мы. Нас отбирали для этой цели особо — самых несчастных, отощавших бедолаг в смердящих, грязных отрепьях. И как только в дверце клетки звякала задвижка и миска с благоухающим свежесваренным мясом появлялась перед псом и он погружал в нее морду, мы должны были эту миску у собаки отнять. Это было нелегко, и кое-кто из нас остался без пальца или по меньшей мере пожертвовал лоскутом кожи... Мы отбирали миску, пес бешено выл и кидался на стенку клетки, а мы докладывали, что приказ исполнен.

Потом отбегали в сторону, и опять приходили вылощенные молодчики в униформах и с величайшей обходительностью возвращали собакам миски.

Это был примитивный, но весьма действенный трюк. Псы ненавидели людей в отрепьях, этих тощих бедняг в круглых шапках на бритых головах, ибо они были врагами. Случись что — псы такое существо разорвут.

Еще мальчишкой я держал дома собак, обыкновенных, как это бывает в деревне, беспородных дворняжек, и научился хорошо понимать собачий взгляд. Теперь я внимательно изучал псов, которым чистил клетки. Иногда мне казалось, я замечаю в глазах у них проблеск чего-то такого, чего эсэсов-

цы не видят. Я назвал бы это проблеском человечности...

Случалось, я пытался совсем тихонько сказать какой-нибудь собаке что-нибудь ласковое. Пусть она знает, что я не злой. У одной овчарки мои попытки увенчались успехом. Она не рычала, как другие, и, даже когда я отнимал у нее миску, наблюдала за мной с удивленным напряжением, но без дикой ярости.

Шарфюрер Гломке рассудил, что эта собака не годится для ответственной службы, и ее "списали".

Однажды, не выдержав голода и не заметив, что за углом у клеток стоит сам Гломке, я отнял у собаки миску и, схватив кусок мяса, плавающий в похлебке, набил себе рот с той же голодной алчностью, как только что овчарка.

Пес издал яростный вопль, а я, почти не разжевывая, судорожно, как зверь, глотал мясо. Овчарка кидалась на сетку словно бешеная.

Тут я заметил приближающегося Гломке и понял, что он все видел. Зная его, я уже готовился принять смерть. Он подошел ко мне вплотную и тихо сказал:

— Gut... ja, sehr gut! Да, да, фсе очень карашо!

Я ожидал по крайней мере пинка, но ничего такого не последовало.

— Дафай, жри, да погромче чафкай, слышишь, чафкай! И фсе.

И я чавкал. У пса от злобы глаза налились кровью.

С тех пор нам всем было приказано делать это. Каждый, схватив миску, должен

был, громко чавкая, съесть один кусок у самой клетки. Собаки безумствовали.

Гломке стоял поодаль, раскачивался с носков на пятки — руки под ремень — и удовлетворенно щурился.

Я, сам того не желая, открыл новый элемент дрессуры.

В конце войны, когда воцарился хаос и мы внезапно оказались на свободе, в нашем лагере — хотя они были, в сущности, ни в чем не повинны — перестреляли всех собак, потому что они умели только одно — рвать в клочья заключенных.

А Гломке исчез, и его молодчики тоже. И я никогда не слышал, чтобы они предстали пред судом за страшное насилие над чистой душой собаки.

Любовь, любовь

Я очень огорчусь, если кто-нибудь в глубине души заподозрит, будто я думаю о людях только плохое и собираюсь утверждать, что они завели собак лишь ради того, чтобы их муштровать, дрессировать и третировать. Если среди людей и есть такие — это отнюдь не правило. Наоборот — и я вам сейчас представлю доказательства, — есть люди, которые заводят собаку, чтобы она их воспитывала и дрессировала, а они бы ей служили. Такие люди мечтают о собаке, чтобы было о ком заботиться, даже если их песик трусит где-то в сторонке, и закрывают глаза, когда он бежит, куда ему вздумается. Они сами ходят за своей собакой, преисполненные отнюдь не раздражения на

ее строптивость, но какой-то святой благодарности за то, что собачка от них еще вообще не удрала. Такие люди довольствуются малостью, хотя и от этого радости получают много.

Они-то и есть истинное украшение племена собаководов и украшение рода человеческого вообще; они относятся к собственному псу вопреки всем правилам и предписаниям дрессуры и содержания собак, но с великой душевной добротой. А это, я сказал бы, важнее.

Некогда утверждали, будто хозяева через какое-то время становятся похожими на своих собак. Об этом даже писалось в книгах — так называемая физиогномика, — ибо в те поры верили, будто черты лица человека отражают свойства характера одного.

Аристотель, например, полагал, что каждый из людей походит на какое-нибудь животное, и сходство это не только внешнее — человек обладает также и соответствующими качествами этих животных.

И ученые много позже, в XVIII веке, были склонны верить, будто по форме черепа можно определить характер людей. На человека, по их мнению, влияет даже его рост: мужчина высокий любит маленьких женщин, и наоборот, а человек румяный и полнокровный предпочитает анемичных дев и у своей избранницы желает лицезреть "ланиты бледные". Супруги же, прожившие вместе долгую жизнь, начинают походить друг на друга. И не только супруги. Человек приобретает сходство также со своей любимой собакой. Есть хозяева, похожие на бульдога, есть — на легавую с острой мордой.

Подобные перлы исходили от мужей, известных, с позволения сказать, своей ученостью и получивших чины и звания университетских профессоров, что само по себе, как видите, не многого стоит!

Если же вам повстречается человек, чья круглая физиономия с пришлепнутым носом чем-то напоминает морду сопровождающего его пса-боксера, знайте, такое случилось отнюдь не потому, что из любви к четвероногому другу он постарался изменить свой облик, но скорее потому, что предпочел боксера или бульдога именно за его круглую, курносую морду! Значит, хозяин считает ее самой красивой.

Признаться, я охотно верю в сходство характеров, и мне кажется вполне закономерным, когда люди мягкие и незлобивые выбирают собаку, в которой предполагают подобные же черты. Они и воспитывают ее в подобном духе, чтобы она походила на хозяйина и проявляла добрую волю, а не была хищником, готовым задушить соседа. Лишь этим можно объяснить случай с моим приятелем, известным своим добродушием. Мой друг — человек, целиком погруженный в науку, а его собака — строптивое на первый взгляд чудовище, в действительности же деликатнейшее существо. Более того, своей мудрой собачьей головой она постигла, что именно нужно ее хозяину, и по врожденной доброте во всем ему потакает. Если б она слушалась его с полуслова, то лишила б своего владыку многих радостей и превратилась бы просто в нудного компаньона. Утомленный трудами ученый выходит прогуляться, пусть хоть на время отдохнуть от проблем,

связанных с древними текстами, и явно желает, чтоб его немножко развлекли.

Вместо грозных команд, сопровождаемых взмахами поводка, мы можем услышать великолепные диалоги, не лишенные разнообразия и драматичности.

— Ты слышал, Энди, мы идем в горку? Не слышал... В таком случае я повторяю: мы идем в горку! Не вниз, понимаешь, не вниз! Говорю тебе: вверх! Не притворяйся, будто не понимаешь, ты ведь послушный пес! Я выбрал именно тебя, ибо, как известно, твоя порода славится послушанием. Куда мы идем? В горку!.. Черт побери, почему же ты все-таки мчишься вниз? Или ты получил философское образование и знаешь, что понятие "вверх" и "вниз" относительны и лишь тот, кто идет вниз, потом пойдет вверх, ибо если бы он сразу поднялся вверх, то потом ему пришлось бы спуститься вниз. Значит, если ты бежишь вниз, то поступаешь правильно: только так можно попасть наверх. И кроме того, нам, в общем-то, все равно, куда идти...

И добродушный ученый поспешает вниз, следом за своим псом. А Энди, узрев, с каким энтузиазмом его хозяин трусит за ним, понимает, что выполнил то, чего от него ждали, и, повернувшись, мчится наверх.

Добрый ученый восторгается:

— Вы когда-нибудь видели такую собаку? Как верно она поняла мою команду! Это пес мыслящий, он не подчиняется слепо, ему нужно, чтоб его убедили. И против веских аргументов не возражает.

Случается, что и такой добрый хозяин выходит из себя. Не без того. И тогда раздается:

— К ноге! Ты слышишь? Я сказал, к ноге... А ты куда помчался? В кустики! Ты, верно, оглох, и мне придется-таки повисить голос!

И тут из уст любезного хозяина вырывается жуткий вопль, люди возмущенно хлопают окна, отпуская реплики вроде: ну и хулиганье нынче пошло, по вечерам приличному человеку нет покоя! Брали бы лучше пример с бессловесной твари, что ходит себе тихо и благородно в кустики, а не орет как оглашенная!

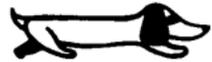
Иногда хозяин пытается заставить собаку слушаться, прибегнув к запугиванию. Он выпускает немыслимые хрипы, бормочет и рычит, будто хочет внушить своему псу, что он воплощенный дьявол. Угрожающе щелкает кожаным поводком, а когда и это не помогает, начинает хлестать себя, показывая псу, что его ждет.

— Ты видишь этот ремень? Видишь, не так ли? О, если бы ты знал, как это больно! А видишь, что я поднял? Камень. Видишь? Вот и не вынуждай меня запустить в тебя камнем!

Пес продолжает стоять, искоса наблюдая за своим дорогим хозяином: каков лицедей, а?

Удостоверившись, что хозяин достаточно развлекся, пес неожиданно спокойно и с достоинством подходит к нему, давая время порадоваться. И добряк ученый радуется:

— Ну-с, извольте, вот что значит послушный песик, вот что значит хорошее воспитание! Ты когда-нибудь станешь цирковым артистом! Ну, иди ко мне, дай я тебя поглажу! Ты заслужил.

Наступает счастливый момент примирения, собаку погладили, потрепали, прогулка продолжается, ученый муж размышляет: отличная собака, хоть и бегаёт, куда ей вздумается. Но справедливости ради следует признать: ведь в конце-то концов я тоже иду, куда захочу, естественно если иду один. А когда я с собакой, то должен идти, куда хочет она. А почему бы мне и не пойти, если у меня такая замечательная и послушная собака? Вы согласны?

Ведь счастье не вне нас, а в нас самих, и оно лишь восприятие, но не реальность. И послушание — всего лишь наше восприятие, и вещи таковы, какими мы их видим. И люди, разумеется, тоже. И собаки.

И не худо, чтобы среди нас побольше было людей ласковых, как дети. Как вы считаете, дорогие собаководы?!

Случай в лесничестве

Забор вокруг усадьбы лесничего был крепкий и частый, и малыш мог свободно гулять здесь, с любопытством поглядывая на окружающий мир в узкие щели между досками. Рожки у этого детеныша косули только начали пробиваться. Он был еще сосунком, когда лесничий нашел его. Теперь он подрост, думал лесничий, и снова вернется в лес.

Но малыш не собирался убегать. Он привык к курам и к старику сеттеру, который все полеживал во дворе. Здесь малыш получал лакомства, которых не найдешь в лесу.

Как-то раз проходил мимо усадьбы турист с собакой. Собака притомилась, но, потянув носом, злобно рыча, кинулась к забору.

Тот малыш, что спокойно гулял во дворе, обладал знакомым собаке запахом. Это был запах зверя, на которого надо охотиться. Пес зарычал и коротко взлаял. Так лаял он, когда брал след.

Сейчас же не надо было брать след. Зверь был тут, рядом, но не проявлял ни малейшего страха. Более того, он смотрел на собаку с неуместным любопытством.

Пес кинулся на дощатый забор, и малыш чуть-чуть попятился, словно желая получше разглядеть нападающего.

Что же это такое! — вскричал пес, в ужасе воззрившись на хозяина.

Но тот тоже загляделся на малыша. Более того, он просунул между досок руку и пытался его погладить. Малыш, к его изумлению, не отпрянул от человеческой руки, он был привычен к таким прикосновениям.

Что же это такое! — снова возопил пес. Наверное, я вижу сон! Дичь, а даже не думает удирать!.. Дичь, на запах которой наш брат готов мчаться очертя голову! А мой хозяин ласкает этого несмышлениша, будто перед ним я! Что все это значит? Что творится на белом свете?

Пес опять вопросительно поглядел на хозяина. Хозяин улыбнулся. Что тут смешного? И вдруг малыш, осторожно просунув мордочку между досок, попытался обнюхать чужую собаку.

Люди! Держите меня! — простонал пес и

плюхнулся на свой хвостатый зад, потому что от ужаса у него подкосились ноги.

Вместо того чтобы броситься наутек и мчаться напролом сквозь молодой ельник, он меня обнюхивает! Черт побери, кто там за дощатым забором? Я или он?

Пес, захлебываясь яростным хриплым лаем, метался вдоль забора, а детеныш косули, не двигаясь с места, сочувственно смотрел на него.

Долетев до конца забора, пес вернулся и захрипел еще отчаяннее, словно вовсе лишился рассудка.

Со двора лениво приплелся пятнистый старый сеттер с висящими ушами. Чужой пес насторожился: может, хоть эта собака разразится при виде его лаем? Ведь таковы правила древней собачьей игры! Ну, давай, давай, старик, глядишь, тогда и эта странная дичь испугается!

Но сеттер вел себя так же, как и малыш: он стоял и с некоторым превосходством взирал на чужого пса.

Что, удивляешься? Я тоже удивлялся, когда его сюда притащили, а теперь привык. И ты привыкнешь. Да, это косуля, что правда, то правда, но будь ты пообразованней, то наверняка разобрался бы, что от малыша больше не пахнет дичью. От него теперь несет курами, к которым он ходит лакомиться отрубями. Он добрый и, бывает, прыгает вокруг меня, как коза.

Пес с несвойственным ему отчаянием посмотрел на своего хозяина. Ведь положение то ненормальное! Разве ты не видишь?

Хозяин, видимо, уже налюбовался молоденькой косулей и, заметив волнение сво-

ей собаки, прикрикнул, чтоб прекратила дурить.

Косуля должна жить в лесу, там ее дом, говорил себе пес. А я должен мчаться по ее следу и догонять. Существуют законы, нарушать которые мы не вправе. Если мы их нарушим, кто поручится, что мир не перевернется с ног на голову?

С большой неохотой пес двинулся за хозяином. А этот ненормальный малыш пошел вдоль забора, будто провожая их.

Хозяин! Ты спокойно смотришь на это? Ты одобряешь? — спрашивал пес, но хозяин не отвечал. Он спешил. Им предстоял долгий путь.

Старый сеттер сквозь щель в заборе пролез обратно во двор, а малыш все смотрел вслед чужой собаке, которая почему-то отчаянно лаяла. Малыш был убежден, что все собаки такие, как здешний сеттер, и все люди такие же добрые, как лесничий, который принес его сюда. Малыш свято верил и людям, и собакам.

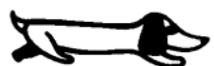
Похоже, так молодая косуля собиралась со мной поиграть, изумлялся чужой пес. Разве такое бывает?

Когда турист с собакой миновали лесную опушку, пес вдруг подскочил и заметался, опустив нос к земле. Взяв след, он бросился бежать. Это был старый заячий след.

Хоть что-то, думал пес, я мчусь по следу, ибо таков закон, а заяц, что не говори, все-таки дичь. И косуля тоже. Меня не поведешь!

Хозяин сердито свистнул.

Опять делаю что-то не то и мне влетит, думал пес, но продолжал мчаться по следу.

Ему надо было мчаться, чтоб убедить себя, что мир еще не совсем сошел с ума. Достанется, конечно, ремнем, когда вернется, он это знал. Ну и пусть. Все-таки лучше, чем позволять косуле, пусть даже живущей вместе с собакой за одним забором, обнюхивать тебя!

И его обуяла какая-то странная радость: ибо теперь его стараниями опрокинувшийся было мир возвращался на круги своя.

Женщина и собака

Множество причин понуждают меня заняться вопросом о взаимоотношениях женщины и собаки, и я абсолютно исключаю попытку использовать во зло научные рассуждения о собачьем племени и оговорить женский пол. Я, поверьте, весьма далек от этого и затеял разговор, исключительно чтобы показать, как в данном случае проявляется женская натура. Ведь принято считать, что в отношениях с собакой женщине отводится роль второй скрипки. Действительно, в большинстве случаев собака признает хозяином мужчину, в то время как женщина — лишь милое и любящее дополнение к нему, но не более того. Собака удовлетворяется обществом женщины только в случае, если поблизости нет хозяина. Женщины, с чуткостью, свойственной их полу, конечно, это заметили.

Если речь идет о чем-нибудь неприятном, женщина обычно заявляет:

— Собака твоя, ты и делай!

И мужчина тащится на почту платить со-

бачий налог, он водит собаку к врачу, потому что женщине, по ее утверждению, не хватает на это нервов... Мужчине надлежит искать и выбирать из собачьей шерсти клещей, соучаствовать в мелких и крупных хирургических вмешательствах и давать лекарство, которое собака, сами понимаете, норовит — причем успешно — выплюнуть. Женщина всегда готова убирать и вылизывать квартиру, но требует, чтобы купал собаку муж, потому что вытаскивать это мокрое чудовище из ванны — дело не женское. И муж выползает из ванной комнаты таким же мокрым, как и пес. Он обязан подтереть пол, в то время как собака, укутанная в простыню, лежит у его женушки на коленях, и она громко ее жалеет, бросая косые взгляды на мужа. Дело в том, что женщины чрезвычайно коварны.

Впрочем, в большинстве случаев собака служит женщине, и, чего уж греха таить, как частенько и ее муж, для удовлетворения врожденного тщеславия. Элегантно одетый мужчина является дополнением к новому пальто своей супруги, а красиво подстриженный пудель — необходимый аксессуар обольстительности его хозяйки. Если б пудель не был острижен по моде, а его хвостик не венчала очаровательная бомбошка, то взгляды посторонних мужчин не останавливались бы на его хозяйке с таким восхищением. Не стану утверждать, будто мужчины не гордятся своими собаками. Они не менее тщеславны, чем женщины, но не столь спесивы. Именно поэтому про женщину можно сказать "фифа", но про мужчину не скажешь "фиф"! Женщина отнюдь не считает собаку благо-

родным животным, собака для нее что-то вроде украшения. Так же, как, скажем, мех куницы или енота служит отделкой для ее пальто, как кожа змеи, из которой сделаны ее сумочка и туфельки. Тот факт, что женщина терпит возле себя живую собачку и не требует ее меха, она объясняет своей эмоциональной и сентиментальной привязанностью к своей любимице.

Вот почему женщины всегда отдают предпочтение собакам не обычных, а экзотических пород. Иногда они пегие, иногда большие, иногда маленькие. Только женщина способна приобрести себе замшевый костюм, вопреки слезным протестам мужа утверждая, что костюм из замши ей совершенно необходим. Ведь они завели себе сеттера, и, да будет вам известно, с сеттером не смотрится никакой иной костюм, нежели замшевый. И вот они отправляются на прогулку: свежескупанный сеттер и мадам в замшевом костюме. И вид у них такой, будто именно этот сеттер поймал именно того оленя, из кожи которого сшит костюм. Но — вниманию мужей: не истребляйте сеттеров и прочих охотничьих собак, ведь замшевый костюм идет также к немецкой овчарке и к догу мышинной масти. Длинное пальто из мягкого ворсистого драпа требует вельштерьера либо золотистого коккера, а беличье манто теплых тонов отлично смотрится рядом с борзой.

Полностью исключено, чтобы счетовод влез в вельветовый пиджак только потому, что у него есть терьер, и купил себе синее демисезонное пальто исключительно по той причине, что является обладателем серого

дога. Лишь одна разновидность пижонства дозволена мужчине: мужчины могут носить охотничьи пальто типа "губертус" и зеленые шляпы, если у них есть легавая или чешский фоусек. Но! — дело в том, что они истинные охотники и завели себе пальто "губертус" и собаку исключительно из-за своей, частенько тайной, страсти. Впрочем, это вреда не приносит, и потому мужчине не возбраняется побаловать себя, ведь "губертус" стоит не так уж дорого и хорош в носке.

Следует заметить также, что женщина предпочитает собак маленьких. Она охотнее водит небольшой автомобиль, больше любит кенаря, чем, скажем, горного орла, а стало быть, ей, скорее, присуще завести пинчера на тонюсеньких ножках с противным визгливым лаем, чем добродушного сенбернара, которого она боится, как, впрочем, овчарку, добермана или ризеншнауцера, хотя шнауцер миниатюрный вызывает у нее восторженное сюсюканье, несмотря на то что по всем статьям он подобен своему большому собрату. Они одной породы и потому обладают одними и теми же прекрасными качествами.

Питать любовь к крошечным существам — заблуждение принципиальное. Иногда маленькая собачонка бывает дрянью первого сорта и может вцепиться в ногу с яростью, которая большому псу не знакома. Большие собаки намного добродушнее, но женщина этого не знает. А может быть, совсем наоборот, прекрасно знает?!

Если собака что-нибудь натворит, жена обращается к мужу с немым или громогласным укором, как будто в этом виноват он.

Если собака послушна, она считает это своей заслугой, потому что своей любовью выпестовала в собаченьке все добрые качества.

Мужчина ходит гулять с собакой, чтобы побыть наедине с собой или, что тоже возможно, встретиться с другими собаководами и переброситься словечком-другим. Женщина ходит с собакой в гости, думаю, по той же причине, по которой когда-то была мода на собаку-муфту. Дамы носили их на руках. Собака согревала и помогала заводить знакомства на променаде, а также в церкви. Это уже средние века. Ныне женская эмансипация прогрессирует с такой скоростью, что подобные собачки-муфты вряд ли снова войдут в моду. Однако весьма любопытно наблюдать, как множество женщин принимают участие в собачьих выставках, куда приводят чаще всего собак необычного, экзотического вида и редких пород, в то время как мужчины являются сюда со своими овчарками и эрделями, шнауцерами, доберманами или ротвейлерами. Что и говорить, женщине в самом деле больше подходит грейхаунд или афганская борзая. Рядом с мужчиной эти собаки утрачивают главное, что имеют, — свой эксцентричный вид. Ничего не поделаешь, други мои, ведь мы тоже любим женщин, кроме всего прочего, за яркую внешность и привлекательность... А их изящество издавна стало для нас роковым.

Отдельной темой для разговора являются собачки старых женщин, волей судеб одиноких, когда собака единственное, что еще связывает их с жизнью. Это чаще всего песи-

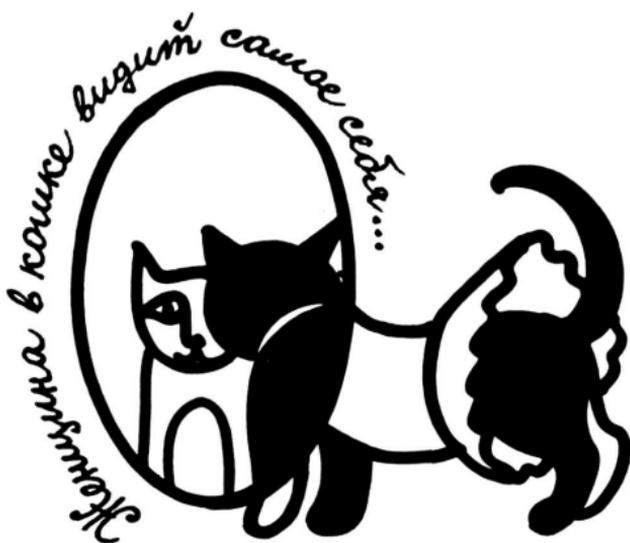
ки маленькие, страдающие одышкой и ожирением, что происходит скорее от недостатка движения, чем от сытой жизни. Ведь и сама старая дама часто живет не слишком сытно.

Собаки у них самые разнообразные, порода не имеет значения, иногда они откровенно безобразны, но хозяйке кажутся воплощением красоты. Собака кряхтя поднимается по ступенькам лестницы, а у хозяйки сердце обливается кровью, она не в состоянии нести свою Тютиньку на руках, потому что у самой не хватает дыхания. Старушки со своими собачками частенько становятся предметом насмешек и грубых шуток, хотя это зрелище скорее печальное и даже трогательное. Может показаться, будто старые женщины умышленно заводят старых собак. Не заблуждайтесь! Когда-то были молоды и она сама, и ее собака тоже. Их просто пометило время. Оно помечает всех нас, но на старушках почему-то его печать явственней. Красота, как и любовь, преходяща, остается преданность, которую можно считать любовью.

И вот, опираясь на факты, приведенные выше, мы делаем вывод, что женщина, в общем-то, неправильно относится к собаке, используя ее в иных целях, чем те, для которых она сотворена. Я сказал бы, что именно поэтому женщины больше любят канареек или кошек. Да, прежде всего кошек... Многие мужчины тоже любят кошек, но мужчине не дано распознать ее истинно кошачий характер, и потому он любит кошку как-то не так, по-другому и не приписывает ей достоинств, которыми она не обладает. Жен-

щина в кошке видит самое себя и потому лучше понимает ее. Мужчине кошка доставляет одни заботы, с котятами, например, которых она то и дело производит на свет; женщина ее поведение, разумеется, одобряет.

Кошка с ее скрытностью и брезгливым снобизмом ближе женской душе, мужчине же с его грубой прямолинейностью ближе собака. Не стану утверждать, будто мужчина хоть в чем-то благороднее женщины, отнюдь. Он немного увалень и недотепа и частенько ведет себя, сам тому молча удивляясь, как слон в посудной лавке. Кошка и женщина подобным образом обращаются с посудой редко, а уж если такое случится, все валят на обстоятельства, а может статься, и на мужчину...

Но, исходя из того факта, что мужчины и женщины живут вместе, ибо этого требует сама природа, в отношении собаки им, так или иначе, приходится находить общий язык. И мы видим прогуливающиеся пары; рядом с одной снует немецкая овчарка с бандитской мордой, с другой семенит лапками пекинес с такой комично-безобразной мордочкой, что даже кажется привлекательным. В первом случае жена подчинилась мужу, во втором, наоборот, муж покорился жене. Так должно быть и во всем остальном.

Вы как считаете, собаководы?!

Случай в нашем доме

Когда сын неожиданно женился на не слишком красивой англичанке, приехавшей с визитом в Прагу, мать сочла это просто капризом. Но когда он заявил, что решил уехать на родину жены, у матери опустились руки.

— А как же я? — тихо спросила она.

— Каждый мужчина, женившись, уезжает из дома, мама.

— Да-да, конечно. Но не в Англию же! Ты хоть будешь иногда приезжать?

— Пока, видимо, нет. Вообще-то мы собираемся поселиться в Австралии. Там шире возможности. Но когда-нибудь я, конечно, приеду.

— Когда-нибудь, — подумала старая женщина. — Разве он знает, каким бесконечным кажется ожидание!”

— А как же Айка? Ее ты тоже бросишь?

— А что делать? Она слишком стара, чтобы тащить ее с собой.

— Собака привязана к тебе, ты же знаешь. Когда тебя нет, она все время скулит.

— Привыкнет, — отрезал сын.

Ему хватало забот с отъездом и некогда было обременять себя чепухой.

Старая женщина в ту ночь не сомкнула глаз, а старая собака Айка пришла к ее постели — обе они спали в кухне — и вопрошающе прислушивалась к ее вздохам.

Как всякая собака, она чувствовала, что в доме что-то неладно. Да, дома творились необычные дела, хозяин укладывал чемоданы, часто уходил и перестал выводить ее по вечерам. С ней гуляла теперь старая женщина, но это было совсем не то. Прежде хозяин гордился Айкой, он возил ее на выставки, там на шею ей вешали медали; она знала, что хозяин считает ее исключительной и необыкновенной, и держалась соответственно.

— Ну-ну, девочки, я когда-нибудь объявлюсь, — весело бросил он на прощанье.

Он обнял мать, почесал Айку за ушами и сказал:

— Ты тут слушайся, поняла? Не забывай, что когда-то тебя считали лучшей в породе! Ты только взгляни на свои дипломы!

Дипломы висели на стене; собака так и не смогла понять, что это такое; но хозяин обычно смотрел на них с удовольствием. Сейчас он ушел и даже не взглянул на них.

Старая женщина плакала.

Айка сидела рядом и тихонько подвывала.

Кое-кто из соседок явился поздравить старушку; они говорили, так, мол, и так, ее

сыну там будет хорошо. Все-таки заграница! Не то что здесь, у нас! Он сможет присылать деньги, и вам это только на руку.

Старушка молча кивала седой головой.

Иногда по вечерам, когда они с Айкой сидели в кухне, она рассуждала вслух, потому что чувствовала себя очень одинокой:

— Когда я была совсем молодой, я тоже могла уехать, но мне такое и в голову не приходило, как же так — разве мать может уехать от сына? А вот сын уехал... Дети не то что мы, понимаешь? Понимаешь, у тебя ведь когда-то были щенята...

Старая женщина рассказывала, каким был ее сынок в раннем детстве, и перебирала старые фотографии или снова и снова перечитывала письма, которые приходили. Марки она отдавала сыну соседа.

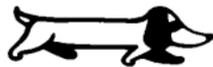
Ночью Айка вытаскивала из-под дивана забытый хозяином шлепанец и, подержав в зубах, опускала на пол и клала на него голову. Утром, прежде чем старая женщина просыпалась, она затаскивала шлепанец обратно под диван.

У старушки тоже была своя тайна. Она плакала под одеялом, чтобы собака не слышала.

Так шло время, неумолимое, холодное и суровое.

— Мы ждем напрасно, — говаривала старушка, — но что нам остается?

Айка, конечно, не переставала ждать хозяина, но воспоминания слабели, так же как улетучивался его запах с вещей в квартире и с забытого им шлепанца под диваном. Желтели фотографии и письма, впрочем, они приходили старой женщине с другого конца

света все реже и реже...

В один из дней на звонок почтальонши никто не отозвался, хотя она звонила долго. Не слышно было ни шаркающих шагов, ни собачьего лая...

Собачьи тайны

Если у кого-то что-то не получается, говорят: "Ловок, как собака на сенокосе" — то есть делает медленно и с неохотой. С другой стороны, принято считать, что собака все-таки щиплет траву. И это, мол, к дождю. Какая же связь между травой и погодой?

Иногда собака действительно начинает есть траву. Но это не значит, что нам следует бежать за зонтиком. Просто нужно подождать, пока она съест столько, сколько ей требуется, чтобы отрыгнуть все, что обременяло ее желудок. Мы не должны сердиться, если потом она за собой это подьест, и уж совсем не стоит обзывать ее за это обидными словами. Ведь собака все-таки хищник, а хищник иногда пищу отрыгивает. С собакой это случается, если она переела, или съела что-то, чего ей нельзя, или заглотнула большую кость. Значит, тот факт, что собака ест траву, не имеет ничего общего с дождем, зато напрямую связан с пищеварением. Обратите внимание, какую траву собака выбирает: у нее есть опыт и она знает, что ей поможет.

Подчас трава возмещает ей недостающие витамины — это так, хотя собака в растительных витаминах не так уж нуждается. Есть собаки, которые с аппетитом поедают

морковь или салат, но есть такие, что, вылизав до блеска свою миску, микроскопический кусочек моркови, прилипший к ее краю, тщательно обойдут, а если он все-таки попадет на язык, то с необычайной деликатностью выплюнут. Собака получает достаточно витаминов в свежем мясе, если, конечно, ей мясо дают. Поэтому, когда ваша собака вдруг схватит и проглотит мышку, это вовсе не значит, что она кровожадна, это, скорее, необходимость иметь полноценный рацион. Как-никак наш лучший друг — все-таки собака. Это животное окружено всевозможными тайнами. Так, например, черная собака издавна предвещает беду, и в средневековье ее всерьез считали воплощением дьявола. В колдовских книгах сказано, что черный пес — подручный чародея. У нашей соседки-старушки жил черный косматый песик, и она нежно подзывала его: "Чертик, Чертик!" Старушка и не предполагала, как недалеко она от верований черной магии! В средневековье старушке с ее черным песиком не поздоровилось бы!

Иногда говорят, будто собака предчувствует смерть. Навряд ли. Она безошибочно чувствует необычную суету, которая воцаряется в доме при подобных печальных обстоятельствах, и ведет себя так же странно, как люди, которые мечутся вокруг тяжелобольного. Дело в том, что у собаки тонкое ощущение налаженного порядка. Любое отклонение вызывает у нее тревогу, и она становится беспокойной. Достаточно взять при собаке в руки дорожную сумку, как она тут же сообразит: ага, сейчас что-то произойдет —

и начинает вести себя соответственно обстоятельствам. Собака страдает навязчивой идеей, что в суматохе, когда начнут выносить сумки, ее случайно, по недогляду, могут забыть дома. Вот она и вертится под ногами, торчит перед дверью, откуда вы, так или иначе, должны выйти, и с ней невозможно договориться по-хорошему. На ваш автомобиль она обычно не обращает внимания, но сейчас укладывается возле него, потому что поняла: хозяева собираются куда-то поехать. Само собой разумеется, восторженный хозяин потом везде и всюду рассказывает, какая у него умная собачка! Понимает абсолютно все, что ей говорят, достаточно сказать: "Поехали на дачу", и она уже начинает суетиться.

Не станем мешать людям обольщаться.

К великим тайнам природы относятся лунная ночь и полнолуние. Наступают минуты, когда собака ведет себя действительно необычно. Прислушивается к чему-то, чего мы не слышим, сидит неподвижно и, уставившись на луну, начинает вдруг тихо выть. Постепенно ее вой становится все громче и громче. Если где-то на улице ненароком отзовется другая собака, то раздражается концерт, рвущий барабанные перепонки. Что же происходит? Как луна воздействует на собаку? К сожалению, уважаемый читатель, никак. Среди людей под влиянием техники и чересчур высоких домов-башен лунатики вроде бы перевелись, а среди собак их никогда и не было. Но тихая ночь с ее безветрием и ярким лунным светом пробуждает в собаке древнее воспоминание о ясных ночах, когда собачья или волчья свора выходила на охо-

ту, ведь охотиться в такие часы — одно удовольствие!

Нынешний пес, тот, что наелся вечером из своей миски до отвала, давно уже не охотится, более того, он все равно бы никого не поймал, но волшебная ночь провоцирует его, и он старается договориться с другими собаками, которые так же, как и он, вовсе не желая охотиться, не прочь вспомнить давние времена. Следует отметить, что у собачьего воя есть свои твердые законы: воющая собака не смеет вертеться и метаться, она должна сидеть или стоять, вытянув шею, и выть. В противном случае это уже не вой, а всего лишь скулеж.

И не путайте: вой — не плач, хотя иногда собака воет, жалуясь на свое печальное одиночество. Наверняка случалось, что, выйдя из автобуса, вы уже на улице слышите отдаленное завывание и, сразу сообразив, что это воет ваша собака, понимаете, что ваше пребывание в кино затянулось. Вам ничего не остается, как кинуться бежать, распахнуть дверь в переднюю и, утешив своего любимца, дать наконец соседям долгожданную возможность спокойно погрузиться в сон.

Собака иногда проявляет беспокойство, если слышит незнакомые звуки, которых мы не слышим и не замечаем. Отсюда пошли байки, будто собака воет, если в округе кто-то умер. В старой балладе Эрбена* мы читаем про то, как собаки "выли-выли, своим воем возвестили, будто злые люди мертвеца не схоронили...". Но с воем собаки дело

*Эрбен Карел Яромир (1811 — 1870) — известный чешский поэт, автор сборника баллад "Букет" и др.

обстоит точно так же, как с уханьем сыча за окном. Сыч тоже кричит не оттого, что его привлек мертвец, а потому, что в окне горит свет, а такое в старину случалось крайне редко. Маленькая совушка превратилась в злого провозвестника смерти безвинно, да и собака тоже.

Тем не менее с древних времен собаку считают вестником, а иногда и богом смерти.

И так как собаке приписывали магические свойства, то она должна была стать также и целителем. С незапамятных времен жир собаки применялся как лекарство, к великой печали собачьего племени, потому что собаки становились предметом охоты, а жареное собачье мясо считалось чуть ли не целебным. Объяснение тому простое — ведь это мясо было дешевым, а человек стремился употребить в пищу все живое. Увы, и сейчас тоже.

Итак, иногда мы связываем с собакой нечто, что к ней не имеет никакого отношения, иногда же, наоборот, о чем-то, свойственном только ей, начисто забываем. К примеру, родина кенаря — *canario* — Канарские острова, оттуда этих птичек завезли в Европу. Но Канарские острова названы так не потому, что там живут эти милые пташки, а от латинского — *canis* — собака, там разводили собак. Это острова собачьи, а кенари — лишь певчие обитатели тех собачьих островов. Не отнимайте у собак принадлежащего им по праву и не валите на них недостатков, что являются лишь плодом ваших измышлений!

Несомненно, в какой-то мере собака — животное неординарное, и нас, людей, она

просто восхищает хотя бы тем, о чем мы, тоже вышедшие из мира животных, успели вконец позабыть. Собака, живущая рядом с человеком, сохранила качества, которые мы давно утратили, а может быть, и вовсе ими не обладали. Собаке отпущены природой такие способности и в такой мере, что это вызывает в нас непритворное восхищение.

Одна из самых удивительных загадок — собачье чутье. Естественно, это свойство мы используем: собака выслеживает для нас зверя, ловит грабителей, спасает людей. Короче, нам известно, что собачий нос обладает чудесным свойством. Если ее натаскать на запахи некоторых веществ, например наркотиков (а также кофе и табака), она обнаруживает их с такой поразительной чувствительностью, что мы приходим в восторг. Опиум собака находит даже в герметически закрытой жестянке. Трудно предположить и доказать, что собака почуяла запах через жезь, но мы забываем, что люди, заполнявшие жестянки, брали их в руки и перенесли запахи на поверхность упаковочного материала. О том, что собака находит человека, засыпанного лавиной или в подвале рухнувшего дома, когда бессильны все приборы, что она отыщет мину в оболочке из пластика, которую не укажет ни один детектор, нам известно. Человек теперь использует собаку и на особой службе — проверке газопроводов.

Собачий нос, очевидно, самое удивительное из всех чудес. У нас, у людей, тоже имеется нос, и подчас, увы, довольно длинный, но нам он служит для обогрева вдыхаемого

мого воздуха, для фильтрации, а также для минимальной (а в городах абсолютно тщетной) его очистки. У собаки иначе. У нее нос — поистине орган обоняния. Собака уверенно идет по следу человека, и ее не надо этому специально обучать. Собака, заблудившаяся за городом, по своему следу возвратится обратно домой. Конечно, в городе с его чудовищной смесью запахов собаке легко заблудиться. Тут ей, бедняге, через минуту не найти и собственного следа!

Нам известно, что босой человек, ступив на землю, оставляет на каждом шагу (за что купил, за то и продаю) четыре миллиардных грамма пота — сами понимаете, для человеческого носа это равно нулю. Но собака такой след возьмет — ведь дело не только в граммах, а в молекулах пота, а тех в каждом отпечатке ноги несколько миллиардов. Собаке, чтобы взять след, хватает даже того запаха, что проходит сквозь резиновый сапог!

У человека органы обоняния состоят из пяти миллионов клеток, у маленькой таксы их уже 125 миллионов, а у овчарки 220 миллионов! А это значит, что рослая немецкая овчарка в 44 раза превосходит своим обонянием человека. Внушительная цифра, но далеко не исчерпывающая. Количество клеток еще ни о чем не говорит, имеются точнейшие аппараты, которые свидетельствуют, что чутье собаки в миллион раз тоньше нашего. Это хорошо, иначе человеку пришлось бы поверить в сверхъестественное.

Собаке ясно, что каждый человек имеет свой собственный, одному ему присущий запах, более того — постоянный, который не

уничтожит ни баня, ни одеколон. Знает она также, что свой запах есть у каждого животного и у нее самой. И тут мы сталкиваемся с неким исключительным и необъяснимым безобразием, которое деликатных собаководов-любителей приводит в отчаяние.

Их пес, это чистоплотное и милое создание, вдруг ни с того ни с сего вывалился где-то в таких смердящих нечистотах, что хозяина выворачивает наизнанку. Наказанный пес откровенно стыдится за свой проступок.

Почему же собака так поступила? Очень просто — чтобы чужим запахом перебить свой собственный. И тем самым обмануть других животных. Она становится зверем, пахнущим не собакой, не охотником, а, скажем, серной, в чьей моче только что извозилась. Да, такова таинственная звериная магия! Постарайтесь быть снисходительными и проявите терпение, когда станете отмывать своего питомца. Псу, от которого исходит не собачий запах, легче идти по следу зверя... Бедняга, он совсем позабыл, что вот уже тысячу лет идет только навстречу своей миске.

Однако и само обоняние, и его интенсивность еще загадочнее, чем мы полагаем. Оно связано с такими веществами, как, например, жирные кислоты. Собака их получает с пищей, и они подавляют остроту ее чутья. Потому волк, например, — и пес тоже — идет по следу через четыре дня с момента, когда он ел в последний раз. То есть когда жирные кислоты уйдут из его организма и не смогут больше влиять на его обоняние. Голодная собака — хороший охотник.

Говорят, будто собака, идущая по следу, иногда пробегает мимо дичи, потому что ветер отнес запах в сторону. Но я слышал мнение старых опытных собаководов, они рассуждают по-другому: "Собака, — считают они, — не всегда берет то, что мы называем "след", то есть идет по запаху; она чувствует нечто такое, чего мы, люди, не можем определить словами. Возможно, это некие флюиды, уловить которые под силу только собаке..."

Вы наверняка не раз замечали, что ваш пес, запертый дома, проявляет беспокойство, когда вы подходите к дому, хотя не может почуять вашего запаха сквозь двойные рамы окон. Не может он также слышать шума вашего автомобиля, потому что ваш автомобиль ничем не отличается от десятков таких же машин, мчащихся мимо вашего жилища. Но пес безошибочно узнает вас и дает это понять намного раньше, чем вы возникли у дверей.

Что ж, какова бы ни была причина — это лишь еще одно доказательство, что существуют пока нераскрытые тайны, хотя столько их уже раскрыто.

Видимо, потому-то Аксель Мунте* в своей "Старой книге о людях и животных" высказывает мысль (почти такого же мнения придерживается Анатолий Франс), что собаке известно о жизни и смерти по меньшей мере столько, сколько известно нам, а весьма возможно — и больше.

*Аксель Мунте (1857 — 1949) — шведский врач и писатель.

И как знать, не потому ли нам с ней так хорошо, дорогие собаководы!

Рассказ о собаке,
которая стала героем

Это был самый обыкновенный деревенский песик. Ничего особенного. Неказистый. Лохматый. Одно ухо торчком, второе опущено, но глаза глядят весело. Любимец и баловень всей деревенской детворы. В доме, где он жил, им, пожалуй, занимались одни лишь женщины, потому что песик был ласковый. Звали его Воржишек. Имя, как видите, тоже не слишком звучное. Впрочем, собачонке это ничуть не мешало, и носила она его с гордостью, ибо родилась не для великих подвигов. Ночью песик спал под печкой, а днем носился по деревне и являлся домой лишь к вечеру, когда вся семья была уже в сборе. Больше всех Воржишек любил молодую хозяйку, которая в последнее время частенько брала его на руки и, задумчиво перебирая длинную темную шерсть, тихонечко рассказывала, что скоро у нее родится маленький и что Воржишек не должен его обижать. И Воржишек смотрел на нее своими умными и преданными глазами, поставив одно ухо торчком и опустив второе, словно хотел сказать, что да, мол, конечно, как можно обидеть маленького.

Пес как пес, ничего примечательного, если не считать, что жил он в деревне, которая называлась Лидице, в доме Горакров.

Однажды ночью Горакров разбудил страшный стук в дверь, и в дом вломились воору-

женные фашистские солдаты. Они подняли всех с постелей и поставили лицом к стенке. Они орали и бесновались и требовали у дрожащих, ничего не понимающих людей, тыча их лицом в стенку и пиная сапогами, чтобы те сказали, где их сын, брат, зять? Где этот чертов парашютист?

Пес по кличке Воржишек, забившись под печку, с ужасом смотрел на происходящее, но когда солдат в сапогах сшиб на пол молодую, ту, которая ждала ребеночка, и стал топтать ее ногами, маленькая, неказистая собачонка, коротко тьякнув, вцепилась ему в ногу, но сапог был шит из грубой кожи. Солдат что-то крикнул и отшвырнул песика, остальные одетые в форму тоже стали пинать его. Воржишек, увернувшись, прошмыгнул между сапогами и умчался в темноту теплой июньской ночи. Он бежал прочь из деревни Лидице, потому что своим собачьим умом понял: стряслось что-то ужасное и непоправимое. Ведь у собак свои инстинкты и предчувствия. У Воржишека перед глазами мелькали высокие сапоги чужаков, бьющие в живот молодую хозяйку, которая ждала ребеночка. Он понимал, что помешать им не в силах, как не могут помешать им те, которые стояли в кухне лицом к стене, печатая на белой известке кровавые пятна.

...Нет, нет, им, Горакам, ничего про родственника неизвестно, они не знают даже, что такое "парашютист".

Воржишек на бегу заметил, как по небу, падая, промелькнула звезда, и долго еще на небосклоне голубел ее след. Потом исчезла и полоска, и никто больше не видел ее, так же, как никто больше никогда не видел

Гораков. Их, избитых и перепуганных на смерть, вооруженные солдаты загнали в машины.

Воржишек мчался прочь, томимый страхом и предчувствиями. Так добежал он до ближайшей деревни, где люди еще не знали, что случилось в Лидице. Над деревней стояла тишина, иногда лишь где-то, громыхнув цепью, влаивала собака. Песик шмыгнул в подворотню одного из домов и, весь дрожа, свернулся калачиком на половичке под чужим порогом.

Так и нашли его утром люди и решили, что он приبلудный, но кто-то из ребятишек признал песика, а потом и взрослые, услышав про Лидице и Гораков, поняли, что между собакой и тем, что случилось, есть какая-то связь, и оставили пса у себя в деревне. Он никому не мешал, а деревенские собаки поглядывали на него с затаенным недоумением, словно чуяли: он знает что-то страшное...

Прошло несколько дней, и все жители деревни Лидице разделили участь Гораков: вооруженные солдаты, взяв деревню в кольцо, женщин и детей увезли, а мужчин расстреляли у дома Гораков. Они перебили даже собак и кошек, чтобы стереть с лица земли все живое, лишь птицы смогли улететь, бросив насиженные гнезда. Над деревней, поднимаясь ввысь, клубился едкий дым пожара.

Воржишек лежал у порога чужого дома и дрожал всем телом, и люди поняли, что он знает все. Ведь уцелел лишь он один.

Впрочем, как не отдать должного "благородству" победителей? Истребив всю семью

Гораков, они оставили в живых молодую. Молодая родила ребеночка, и они убили его, а женщину бросили в концлагерь.

Но Воржишек, неказистый, перепуганный песик, у которого теперь оба уха были тесно прижаты к голове, все ждал и ждал... Промелькнули дни, прошли недели, и мир содрогнулся от ужаса, узнав о судьбе Лидице.

А в чужой деревне жил пес Воржишек, жил тихо, не лаял и никогда больше не играл с детишками. Он держался теперь в стороне от людей, готовый тут же кинуться прочь, потому что боялся даже собственной тени.

Иногда, если ночь была потемней, а в воздухе носились ароматы теплой земли, он пролезал в подворотню и мчался туда, где сейчас лишь волнилась трава и тянулась вверх крапива. Обнюхивая камни, он все искал, искал тот дом, запахи которого навсегда врезались в его память.

И люди слышали его тихий и жалобный вой.

Снова пришла весна, и солдаты в униформе и кованых сапогах бежали прочь, уже гремели орудия тех, кто не давал им скрыться, а за горами рокотали танки, устремившиеся на помощь Праге.

И Воржишек снова кинулся туда, где когда-то стоял его дом. Но не добежал. Он упал и остался лежать в придорожной канаве, потому что, не выдержав, разорвалось его маленькое собачье сердце.

Испугался грохота последних залпов? Понял, что нет больше у него дома и никогда, никогда не вернутся те, кто раньше жил там?

Вместе с горсточкой женщин вернулась туда молодая, что когда-то ждала ребеночка. Она не нашла своего дома. А люди рассказали ей про Воржишека.

Так сохранилась память о лохматом неказистом песике, который пережил Лидице, но не смог пережить боли и тоски по людям, которых любил.

Как собаки болеют и умирают

Принято говорить, что собаки "очеловечились" и теперь им живется до того хорошо, что просто завидки берут. Похоже, это ставится собакам в упрек, как будто, возмечтав урвать кое-какие блага, они по собственной собачьей инициативе стали такими. Уверю вас, это вовсе не так, не так уж сильно "очеловечилась" собака, для этого она слишком умна, а блага и выгоды, приобретаемые таким путем, в достаточной мере спорны. Вместе с миской еды она получила еще и всякие болячки цивилизации, а тот факт, что против человеческих болезней к ее услугам человеческие лекарства и ветеринары — специалисты по собачьим болезням, — не такое уж большое утешение.

Известно, что собак — как и людей — мучит ревматизм, следовательно, они становятся раздражительными, собаки, как их хозяева, страдают конъюнктивитами (боюсь, не далеки времена, когда собака наденет очки), они подвержены насморку и кашлю, а также рахиту, у собак бывает врожденный вывих тазобедренных суставов и катар кишечника, воспаление легких, естественно, тоже,

а также воспаление мочевого пузыря. Они болеют экземами, умирают от тифа и инфекционной желтухи. И — к вашему сведению — от инфаркта.

Вот почему, подытожив, мы можем констатировать: да, неплохие плоды принесло собаке общение с человеком! А тут еще древняя хворь всех зверей — печально известное бешенство.

Но и это еще не все. У собак полно своих бед, которых человек чаще всего может избежать, хотя тоже не везде и не всегда. Например, блохи. Когда-то они терзали и человека, и собаку, более того, считались эдакими обязательными "постояльцами", и люди свыклись с ними. Некоторые поэты, и среди них даже великий Гёте (!), упоминали их в стихах. Сейчас от человека блохи отступились, зато собаке, особенно в деревнях, остались верны.

Или вот: когда-то почти каждый ребенок был заражен аскаридами, и ему давали цитварное семя или кориандр, известный еще в Древнем Египте. Теперь у людей эти паразиты, пожалуй, перевелись, у собак же наоборот — встречаются достаточно часто. Так же, как и солитер. Правда, мы, а вернее, собаки могут утешиться тем, что и против этой беды имеются сильные и действенные лекарства. Да! Приемные ветеринарных лечебниц битком набиты посетителями, так же как наши поликлиники, и нам, людям, следовало бы поразмыслить, что же дало толчок развитию здравоохранения: увеличение числа болезней или, наоборот, расширение сети лечебниц привело к новым болезням?..

Итак, собакам делают операции, накладывают гипс и прочие повязки, дают наркоз, просвечивают рентгеном и по тому же принципу, что и людям, промывают желудок. Собакам прописывают витамины, пенициллин, глазные капли, слабительное и многочисленные уколы! Совсем как людям.

Но существует определенная разница. В то время как мы, люди, бережем повязку как зеницу ока, собака делает все, чтоб ее сорвать. Считая, что собака все же не более чем глупое животное, люди идут на всевозможные ухищрения, дабы этого не допустить. На пса надевают пластмассовый намордник, или, как мы уже говорили выше, так называемый воротничок, то есть круг из картона, который приводит пса в отчаяние. В особо сложных случаях рекомендуется надеть собаке на голову детское ведерко из пластмассы с вырезанным дном и закрепить его на ошейнике. От подобной манипуляции собаку вполне может хватить удар. И все потому, что она несет в своей памяти запрограммированный код: единственное, что ей поможет, — это ее собственная слюна. Собачья слюна в далекой древности считалась целительной и для человека тоже! Современная медицина, естественно, не разделяет подобных суеверий, и потому собака остается жертвой новейших теорий.

Не станем удивляться, что при такой болезненной и, несомненно, ненужной операции, как купирование ушей у определенных пород, этой дани моде, в отчаяние приходит не только четырехмесячный щенок, но и его хозяин. Чтобы собачка не сорвала с ушей повязки, муж или жена берут ее к себе в по-

стель и всю ночь напролет не смыкают глаз, держа собаку за лапы.

Я не берусь утверждать, что дикие животные не болеют и у них нет паразитов. Хоть лев и царь зверей, но блохи и другая дрянь жестоко его терзают. Матушка-природа, надо сказать, крутехонька, но коль скоро произвела на свет блошиное племя, то дает и ему шанс выжить. Блохи появляются именно в той соломе, которой выстлана собачья конура, и в том горячем песке, на котором изволит возлежать грозный лев. Блоха тоже хочет жить, а чтобы жить, должна пить чужую кровь. Тут-то и вступает в силу закон "кто кого"! Что касается паразита-солитера, и с ним тоже обстоит не иначе...

У носорога, например, толстая кожа, потому он стремится вывалиться в грязи. Ведь и его, толстокожего, одолевают мухи и их личинки. И хотя носорог не в такой уж нежной дружбе с прочими представителями животного мира, он терпит на своей спине птичек, которые, не обладая его силой, обладают остренькими клювиками и безошибочно выколупывают из складок его кожи вредных насекомых.

Пес, говорим мы, очеловечился, но и он по сей день больше всего любит, когда его чешут за ушами или треплют по спине, хотя у него давно уже нет блох, а некоторые собаки вообще не имеют понятия, что на свете существуют блохи.

Собачьи воспоминания настолько сильны, что пережили изменения даже в самой структуре природы.

Ну а сейчас мы подошли к тому, что нас,

живых, страшит больше всего и что нам неотвратимо суждено.

Смерть пугает людей, но не собак. Они не знают, что это? Или, наоборот, знают и потому покорно ждут? Нам трудно примириться с тем, что собачий век короче нашего. Как будто разница во времени имеет принципиальное значение!

Как умирают собаки?

Деревенские беспородные жучки-бобики чаще прячутся, как и все животные, и уходят тихо и покорно. Ведь все живое спасается бегством от опасности, но не от смерти. В смерти они хотят покоя и одиночества.

Собаки, живущие рядом с людьми, умирают тяжелее, потому что люди подвергают их лечению даже в тех случаях, когда лечение уже мало чем помогает. Они умирают иногда тяжело и долго, потому что их убитые горем хозяева всячески стремятся отдалить этот страшный миг. Но, продлив собаке жизнь, люди тем самым прсдлевают ее муки. Ничего иного человек сделать не способен. Лишь в тех случаях, когда не остается даже искорки надежды, собаку можно избавить от страдания, усыпив ее. Это единственное благодеяние, которое доступно человеку.

Звучит, конечно, хорошо, но, как и все, что придумали люди, имеет обратную сторону. Чтобы понять это, вам следует побеседовать со старым опытным ветеринаром. Однажды с гневом и возмущением он рассказывал мне, что к нему частенько являются люди с просьбой сделать смертельный укол их собаке. Причина: собираются в отпуск к морю, а пса некуда девать. И потому он должен

умереть! Собака — друг человека, собака, которая не бросит своего хозяина никогда и ни за что... Конечно, ведь ей, собаке, не нужно ехать к морю, недельки эдак на две...

Жуть берет, когда слышишь такое и представляешь себе человека, чья собака в это время сидит в машине и терпеливо дожидается его возвращения.

Конечно, закон этого не запрещает, потому что по закону животное — вещь, то есть имущество, с которым хозяин вправе обходиться по собственному разумению. Свою дорогую хрустальную вазу он, если того пожелает, тоже может безнаказанно разбить. Что же касается животных, их запрещено мучить. Вот мучить — это уже противозаконно.

Я не хочу показаться сентиментальным, но убежден, что в этом законе, словно в кривом зеркале, бесчеловечный человек видит самого себя.

К счастью, я видел множество заплаканных людей, которые покидали ветеринарную лечебницу одни, без своей собаки. Чтобы положить конец мученьям, ее пришлось усыпить — единственно такую меру подсказывала их совесть.

Да, все-таки на свете хороших людей больше, спасибо и на этом!

Мой пес доберман умер от инфаркта: прекрасная легкая смерть. Но как трудно смириться с ней, особенно если это случилось на твоих глазах.

Был погожий летний день, и мы гуляли по лесу. Мы уже возвращались домой, когда он, совсем как обычно, взял какой-то след. Скорее ощущая полноту жизни, чем собира-

ясь охотиться на самом деле. И я слышал, как он лаял. Я свистнул, и он уже возвращался. В кустарнике раздавался шум его шагов, его дыхание. Вот он спустился с небольшого пригорка и перескочил через широкую канаву. И вдруг стал как-то странно валиться на землю, будто что-то душило его. Я подбежал, спазм, очевидно, отпустил его, он поднялся и пошел рядом со мной. Он ступал сосредоточенно и степенно, словно сам удивлялся, что же это такое с ним приключилось. Еще два раза у него подсклились задние ноги, но он поднимался и смотрел на меня, словно просил прощения и стыдился своей неожиданной слабости.

Мы направлялись к дому, и он это знал — мы столько раз ходили по этой дороге. И вдруг мой пес остановился и лег под дерево в тень. Он явно устал и дышал медленно и тихо, будто собирался уснуть.

...Его выдавали глаза: он смотрел на меня, но мне казалось, что он меня не видит, глаза постепенно угасали... Вдруг он глубоко вздохнул. И перестал дышать! А я стоял над ним и боялся признаться себе в том, что стряслось.

Он спит, твердил я, конечно, он спит...

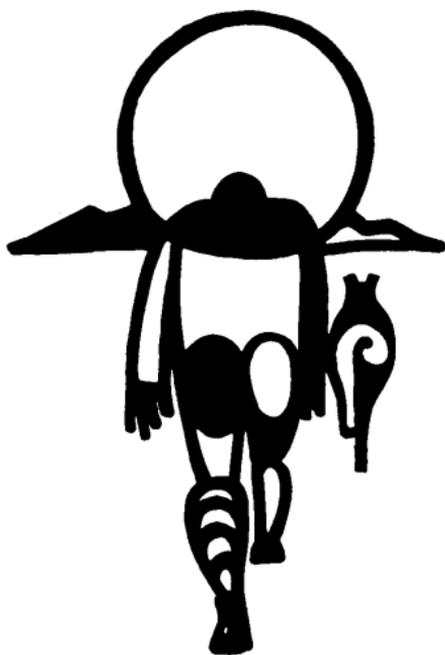
Так оно и было. Только больше он не проснулся.

Все случившееся было так же просто, как дерево, под которым он лежал, как тень в лучах летнего солнца, как волнующееся вдалеке поле.

Признаюсь, в воспоминаниях я вижу его живого: он мчится ко мне и вдруг весело кидается назад, как делал всегда, когда звал меня поиграть.

Куда ты бежишь, дурашка?

Впрочем, я отлично знаю, что бежит он, опередив меня, туда же, куда медленно и неотвратимо иду и я.

О. Малевич. О книге Иржи Марека "Собачья звезда Сириус" 5

СОБАЧЬЯ ЗВЕЗДА СИРИУС,
или
ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СОБАКЕ

I
ИСТОРИЯ СОБАКИ И ЧЕЛОВЕКА

*Премудрые были и небылицы,
сказки и побасенки про собак*

Как это начиналось, или Почему сошлись пути человека и собаки	27
Как собака пришла к человеку (<i>Бирманская сказка. Народность нита</i>)	35
Собака и человек в доисторические времена . .	39
Как появились собака и кенгуру (<i>Сказка австралийских аборигенов</i>)	44
Собачья клинопись	46
Об истинной дружбе (<i>Новоассирийская притча</i>)	52
Бог и собака или собака и бог?	53
Обреченный на гибель сын фараона (<i>Египетская сказка</i>)	61
История продолжается в Древнем Иране	67
О чем повествует священная Авеста	73
Древняя Индия	80
Как собака стала собакой (<i>Древнеиндийская сказка</i>)	83
История шагает на Восток	85

О сумасбродных путниках и мудрой собаке (<i>Китай, народность дунгане</i>)	92
Сказка про волка и собаку (<i>Япония</i>)	95
Собачья и человеческая история в античные времена	98
Греческая легенда о преступлении и наказа- нии (<i>Сперечислением собачьих имен</i>)	104
Пути в день нынешний ведут через средне- вековые	111
Почему не любят волки собак, собаки ко- шек, а кошки мышей (<i>Старочешская сказ- ка, XIV век</i>)	124

II ИНТЕРМЕЦЦО

Что писали про собак чешские газеты сто шестьдесят лет назад	126
История развода глазами собаки	133
Моритат о Кулишеке	145
Что говорят о собаках пословицы и пого- ворки	153

III ОБЫКНОВЕННАЯ СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

Рассказики про собак

Собака в доме	158
Случай в деревенском трактире	165
Какими должны быть они (собака и хозяин)? . .	168
История, рассказанная от первого лица	175
Собака (и хозяин) на прогулке	183
Рассказ о времени, или Раздумья старого холостяка	190

Так называемые собаководы	196
Случай на прогулке	201
Добродетель, именуемая последовательно- стью	206
Случай в парке	213
Послушание	217
Случай на выставке	222
Чтоб ученье не было мученьем	225
Случай в лагере	233
Любовь, любовь	236
Случай в лесничестве	241
Женщина и собака	245
Случай в нашем доме	252
Собачьи тайны	255
Рассказ о собаке, которая стала героем	265
Как собаки болеют и умирают	269

Иржи Марек
Собачья звезда Сириус,
или Похвальное слово собаке

ИБ № 3790

Редактор Л. НОВОГРУДСКАЯ
Художник Л. БОРИСОВА
Художественный редактор С. БАРАБАШ
Технический редактор В. ГУНИНА
Корректоры В. ЛЕБЕДЕВА, Е. РУДНИЦКАЯ

Сдано в набор 9.07.87. Подписано в печать 29.01.88.
Формат 70x90/32. Бумага офсетная. Гарнитура
Столетие. Печать офсет. Условн. печ. л. 10,24. Усл.
кр.-отт. 10,82. Уч.-изд. л. 10,61. Тираж 1000000 экз.
Заказ № 213 Цена 1 р. 30 к. Изд. № 3390.

Издательство "Радуга" Государственного комитета
СССР по делам издательств, полиграфии и книж-
ной торговли. 119859, Москва, Зубовский б-р, 17.

Отпечатано с оригинал-макета способом фотоофсет
на ордена Трудового Красного Знамени Московской
типографии № 7 "Искра Революции" Союзполиграф-
прома Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
103001, Москва, пер. Аксакова, 13.